

Основан в январе 1990 г. Выходит один раз в квартал

2014

№ 3

Серия «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- С. М. Вдовин главный редактор, кандидат экономических наук
- С. В. Полутин заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор
 - С. В. Гордина ответственный секретарь, кандидат педагогических наук
 - **П. В. Сенин** научный руководитель серии «Естественно-технические науки», доктор технических наук, профессор
- А. Ю. Маслова научный руководитель серии «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», доктор филологических наук, профессор
- **Н. III. Ватолкина** координатор международного совета, кандидат экономических наук, доцент

Founder – Federal state-financed academic institution of higher education «Ogarev Mordovia State University»

EDITORIAL BOARD

- S. M. Vdovin Editor in chief, Kandidat Nauk degree holder (PhD) in Economic sciences
- **S. V. Polutin** *Deputy editor in chief*, Doktor nauk degree holder in Sociological sciences, professor
- S. V. Gordina Executive editor, Kandidat Nauk degree holder (PhD) in Pedagogic sciences
- P. V. Senin scientific supervisor of «Engineering and Natural Sciences» series, Doktor Nauk degree holder in Engineering sciences, professor
- A. Ju. Maslova scientific supervisor of «Humanitarian, Economic and Social Sciences» series, Doktor Nauk degree holder in Philologic sciences, professor
- N. Sh. Vatolkina international counsil coordinator, Kandidat Nauk degree holder (PhD) in Economic sciences, associate professor

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), свидетельство ПИ № ФС77-54869 от 26 июля 2013 г.

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 70539

Адрес редакции:

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68. Телефон, факс: +7 (8342) 48-14-24.

Editors office address:

68, Bolshevistskaya Str., 430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia. Telephone, fax: +7 (8342) 48-14-24.

E-mail: vestnik mrsu@mail.ru, inted@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Серия «Естественные и технические науки»

Ф. Т. Агеев – д.мед.н., профессор (Москва, Россия) • Е. И. Алексеева – д.мед.н., профессор (Москва, Россия) В. Н. Анисимов – д.мед.н., профессор (Москва, Россия) • Л. А. Балыкова – д.мед.н., профессор (Саранск, Россия) Г. А. Бояринов – д.мед.н, профессор (Н. Новгород, Россия) • И. В. Гуляев – д.т.н., профессор (Саранск, Россия) К. Г. Гуревич – дмед.н., профессор (Москва, Россия) • Е. М. Дианов – д.ф.-м.н., профессор, действ. чл. РАН (Москва, Россия) А. А. Еровиченков – дмед.н., профессор (Москва, Россия) • В. Т. Ерофеев – д.т.н., профессор (Саранск, Россия) О. Е. Железникова – к.т.н., доцент (Саранск, Россия) • Л. А. Игумнов – д.ф.-м.н., профессор (Н. Новгород, Россия) В. И. Калашников – дтн., профессор (Пенза, Россия) • А. П. Калинин – дмедн., профессор, чл.-кор. РАМН (Москва, Россия) В. Н. Кечемайкин – к.э.н., доцент (Саранск, Россия) • А. А. Котляров – д.мед.н., профессор (Обнинск, Россия) В. З. Кучеренко – д.мед.н., профессор, чл.-кор. РАМН (Москва, Россия) • А. В. Котин – д.т.н., профессор (Саранск, Россия) М. Ю. Ледванов – дмед.н., профессор (Москва, Россия) • Ю. Б. Лишманов – дмед.н., профессор, чл.—кор. РАМН (Томск, Россия) В. И. Мидленко – д.мед.н., профессор (Ульяновск, Россия) • Л. М. Макаров – д.мед.н., профессор (Москва, Россия) В. А. Маргулис – д.ф.-м.н., профессор (Саранск, Россия) • С. А. Микаева, д.т.н., профессор (Москва, Россия) К. Н. Нищев – к.ф.-м.н., доцент (Саранск, Россия) • С. Я. Новиков – д.ф.-м.н., профессор (Самара, Россия) Ю. Н. Прытков – д.с.-х.н., профессор (Саранск, Россия) • В. В. Ревин – д.б.н., профессор (Саранск, Россия) В. А. Скрябин – д.т.н., профессор (Пенза, Россия) • И. И. Чучаев – к.ф.-м.н., доцент (Саранск, Россия) А. А. Ямашкин – д.г.н., профессор (Саранск, Россия) Серия «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» В. И. Андреев – д.п.н., профессор (Казань, Россия) • Н. М. Арсентьев – д.и.н., профессор, чл.-кор. РАН (Саранск, Россия) Н. В. Буренина – д.фил.н., доцент (Саранск, Россия) • Е. Я. Бурлина – д.филос.н., профессор (Самара, Россия) **П. А. Гагаев** – д.п.н., профессор (Пенза, Россия) • **Н. Д. Гуськова** – д.э.н., профессор (Саранск, Россия) В. В. Знаков – д.п.сх.наук, профессор (Москва, Россия) • Г. В. Ившина – д.п.н., профессор. (Казань, Россия) Г. Б. Кошарная – д.соц.н., профессор (Пенза, Россия) • В. И. Крусс – д.ю.н., профессор (Тверь, Россия) М. И. Ломшин – д.п.н., к.фил.н., профессор. (Саранск, Россия) Н. П. Макаркин – д.э.н., профессор (Саранск, Россия) • В. Г. Маралов – д.псх.н., профессор (Череповец, Россия) В. В. Маркин – д.соц.н., профессор (Москва, Россия) • Ю. А. Мишанин – д.фил.н., профессор (Саранск, Россия) С. Г. Пилипенко к.ю.н., доцент (Саранск, Россия) • И. Е. Поверинов – к.соц.н., доцент (Саранск, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

О. Ю. Рыбаков – д.ю.н., профессор (Москва, Россия) • Т. А. Салимова – д.э.н., профессор (Саранск, Россия) Ф. А. Селезнев – д.и.н., профессор (Нижний Новгород, Россия) • А. С. Сенявский – д.и.н., профессор (Москва, Россия) Т. Н. Сидоркина – кандидат культурологии, доцент (Саранск, Россия) • Ю. Н. Сушкова – дли.н., доцент (Саранск, Россия) • Л. В. Табаченко – дфил.н., доцент (Ростов-на-Дону, Россия) • С. М. Тужилова-Орданская – д.ю.н., профессор (Уфа, Россия) Р. Л. Хачатуров – д.ю.н., профессор (Тольятти, Россия) • О. В. Шинявева – д.соц.н., профессор (Ульяновск, Россия)

Аллахвердиев Сурхай Рагим оглы, профессор кафедры лесной индустрии Бартынского

государственного университета, доктор биологических наук, профессор (Бартын, Турция)

Бобрышев Юрий Вениаминович, старший научный сотрудник кафедры анатомии медицинского факультета

Университета Нового Южного Уэльса, доктор биологических наук, профессор (Сидней, Австралия)

Булгаков Алексей Григорьевич, профессор Института строительного дела Дрезденского технического университета, доктор технических наук, профессор (Дрезден, Германия)

Бурбулис Наталия, директор Института биологии и биотехнологии растений, научный руководитель лаборатории Агробиотехнологии при Универститете им. Александра Стулгинскиса, доктор биомедицинских наук, профессор (Каунас, Литва)

ри универститете им. Александра Стулгинскиса, доктор оиомедицинских наук, профессор (каунас, литва, Ганс Гуски, член сообщества патологии г. Потсдама, доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

Джозеф Томас Кристи, директор Департамента по делам несовершеннолетних округа Вашингтон штата Орегон, доктор наук (степень присуждена Питтсбургским университетом) (Хилсборо, США)

Духовские Повилас, заведующий лабораторией физиологии растений Института садоводства и овощеводства Литовского научного центра аграрных и лесных наук, действительный член АН Литвы, хабилитированный доктор, профессор (Бабтай, Литва)

Кусмарцев Федор Васильевич, декан физического факультета Университета Лафборо, кандидат

физико-математических наук (Лафборо, Великобритания)

Лайко Ирина Михайловна, старший научный сотрудник, заведующий отделом селекции и семеноводства конопли опытной станции лубяных культур Института сельского хозяйства Северо-востока Национальной академии аграрных наук Украины, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Глухов, Украина)

Милан Радованович, директор Географического института «Jovan Cvijic»

Сербской академии наук и искусств, профессор (Белград, Сербия)

Пачаманов Ангел Саракинов, профессор Технического университета Софии, доктор инженерии, профессор (София, Болгария) Преображенский Владимир Леонидович, главный научный сотрудник Научного центра волновых исследований Института общей физики РАН, профессор Центральной (инженерной) школы Лилля, доктор физико-математических наук, профессор (Лилль, Франция) Райко Буквич, профессор Географического института «Јочал Сvijic» Сербской академии наук и искусств,

доктор экономических наук, профессор (Белград, Сербия)

Руппел Оливер, профессор юридического факультета Университета Стеленбош, доктор права (Стеленбош, ЮАР)

Серяков Иван Степанович, академик сельского и лесного хозяйства Латвии, заведующий кафедрой свиноводства и мелкого животноводства УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Могилев, Белоруссия)

Сосунов Александр Алексеевич, Колумбийский университет, департамент нейрохирургии.

доктор медицинских наук, профессор (Нью Йорк, США)

Яновский Олег Антонович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Янош Пустаи, директор Института «Collegium Fenno-Ugricum», доктор филологических наук, профессор (Сомбатхей, Венгрия)

EDITORIAL BOARD

«Engineering and Natural Sciences» series

```
F. T. Ageev – d.med.sc., professor (Moscow, Russia) • E. I. Alekseeva – d.med.sc., professor (Moscow, Russia)

V. N. Anisimov – d.med.sc., professor (Moscow, Russia) • L. A. Balykova – d.med.sc., professor (Saransk, Russia)

G. A. Bojarinov – d.med.n, professor (N. Novgorod, Russia) • I. V. Guljaev – d.t.sc., professor (Saransk, Russia)

K. G. Gurevich – d.med.sc., professor (Moscow, Russia) • E. M. Dianov – d.ph.-m.sc., professor, member-corr. of RAS (Moscow, Russia)

A. A. Erovichenkov – d.med.sc., professor (Moscow, Russia) • V. T. Erofeev – d.t.sc., professor (Saransk, Russia)

O. E. Zheleznikova – k.t.sc., docent (Saransk, Russia) • L. A. Igumnov – d.ph.-m.sc., professor (N. Novgorod, Russia)

V. I. Kalashnikov – d.t.sc., professor (Penza, Russia) • A. P. Kalinin – d.med.sc., professor, member-corr. of RAMS (Moscow, Russia)

V. N. Kechemajkin – k.nat.sc., docent (Saransk, Russia) • A. A. Kotljarov – d.med.sc., professor (Obninsk, Russia)

V. Z. Kucherenko – d.med.sc., professor, chl.-kor. RAMN (Moscow, Russia) • A. V. Kotin – d.t.sc., professor (Saransk, Russia)

M. Ju. Ledvanov – d.med.sc., professor (Woscow, Russia) • Ju. B. Lishmanov – d.med.sc., professor, member-corr. of RAMS (Tomsk, Russia)

V. I. Midlenko – d.med.sc., professor (Ul'janovsk, Russia) • L. M. Makarov – d.med.sc., professor (Moscow, Russia)

V. A. Margulis – d.nh.-m.sc., professor (Saransk, Russia) • L. M. Makarov – d.med.sc., professor (Moscow, Russia)
```

V. A. Margulis – d.ph.-m.sc., professor (Saransk, Russia) • S. A. Mikaeva, d.t.sc., professor (Moscow, Russia) K. N. Nishhev – k.ph.-m.sc., docent (Saransk, Russia) • S. Ja. Novikov – d.ph.-m.sc., professor (Samara, Russia)

Ju. N. Prytkov – d.agr.sc., professor (Saransk, Russia) • V. V. Revin – d.b.sc., professor (Saransk, Russia) • V. A. Skrjabin – d.t.sc., professor (Penza, Russia) • I. I. Chuchaev – k.ph.-m.sc., docent (Saransk, Russia)

A. A. Jamashkin - d.g.sc., professor (Saransk, Russia)

«Humanitarian, Economic and Social Sciences» series

 $\textbf{V. I. Andreev} - \text{d.p.sc.}, professor (Kazan', Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N. M. Arsent'ev} - \text{d.h.sc.}, professor, member-corr. of RAS (Saransk, Russia) \\ \bullet \textbf{N.$

N. V. Burenina – d.phil.sc., docent (Saransk, Russia) • E. Ja. Burlina – d.filos.sc., professor (Samara, Russia)

P. A. Gagaev – d.p.sc., professor (Penza, Russia) • N. D. Gus'kova – d.econ.sc., professor (Saransk, Russia)

V. V. Znakov – d.ps.nauk, professor (Moscow, Russia) • G. V. Ivshina – d.p.sc., professor (Kazan', Russia)

G. B. Kosharnaja – d.soc.sc., professor (Penza, Russia) • V. I. Kruss – d.ju.sc., professor (Tver', Russia)

M. I. Lomshin – d.p.sc., c.phil.sc., professor (Saransk, Russia)

N. P. Makarkin – d.je.sc., professor (Saransk, Russia) • V. G. Maralov – d.ps.sc., professor (Cherepovec, Russia)

V. V. Markin – d.soc.sc., professor (Moscow, Russia) • Ju. A. Mishanin – d.phil.sc., professor (Saransk, Russia)

S. G. Pilipenko – k.ju.sc., docent (Saransk, Russia) • I. E. Poverinov – k.soc.sc., docent (Saransk, Russia)

O. Ju. Rybakov – d.ju.sc., professor (Moscow, Russia) • T. A. Salimova – d.econ.sc., professor (Saransk, Russia)

F. A. Seleznev – d.i.sc., professor (N. Novgorod, Russia) • A. S. Senjavskij – d.i.sc., professor (Moscow, Russia)

T. N. Sidorkina – k.cult., docent (Saransk, Russia) • Ju. N. Sushkova – d.h.sc., docent (Saransk, Russia)

L. V. Tabachenko – d.phil.sc., docent (Rostov-na-Donu, Russia) • E. M. Tuzhilova-Ordanskaja – d.ju.sc., professor (Ufa, Russia) R. L. Hachaturov – d.ju.sc., professor (Tol'jatti, Russia) • O. V. Shinjaeva – d.soc.sc., professor (Ul'janovsk, Russia)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Allahverdi Surhay, head of Forest Industry chair of Bartin University, doktor nauk degree holder in biology, professor (Bartin, Turkey)

Bobryshev Jurij Veniaminovich, senior research associate of School of Medical Sciences, Faculty of Medicine, University of New South Wales, doktor nauk degree holder in biology, professor (Sydney, Australia)

Bulgakov Aleksej Grigor'evich, professor of Faculty of Architecture of Dresden University of Technology, doktor nauk degree holder in engineering, professor (Dresden, Germany)

Burbulis Natalija, director of Institute of Rural Culture, research adviser of Agrobiotechnology laboratories of Aleksandras Stulginskis
University, doktor nauk degree holder in medicine, professor (Kaunas, Lithuania)

Guski Gans, Potsdam Pathology community member, doktor nauk degree holder in medicine, professor (Berlin, Germany)

Jozeph Thomas Christie, director of Juvenile Department, Washington Co., Oregon,

philosophy doctor degree holder (Hillsborough, USA)

Duchovskis Pavelas, head of Plant Physiology Laboratories of Lithuanian Research Centre for Agriculture and Forestry, fellow of Lithuanian Academy of Sciences, Dr. habil., professor (Babtai, Lithuania)

Kusmartsev Fedor Vasil'evich, dean of Institute Physics Loughborough University, kandidat nauk in physico-mathematical sciences (Loughborough, Great Britain)

Lajko Irina Mihajlovna, senior research associate, head of Hemp Breeding and Seedage of experimental station of textile plants of Institute of Bast Crops of the National Academy of Agrarian Sciences of Ukraine, doktor nauk degree holder in agriculture, professor (Gluhov, Ukraine)

Radovanovich Milan, director of Geographic institute «Jovan Cvijic» of Serbian academy of sciences and arts, professor (Belgrad, Serbia)

Pachamanov Angel Sarakinov, professor of Technical University of Sofia, doctor nauk degree

holder in engineering, professor (Sofia, Bulgaria)

Preobrazhenskij Vladimir Leonidovich, chief research associate of Academic Center of Wave Researches of General Physics Institute of RAS, professor of the Ecole Centrale de Lille, doktor nauk degree holder in physic-mathematical sciences, professor (Lille, France)

Bukvich Rajko, professor of Geographic institute «Jovan Cvijic» of Serbian academy of sciences and arts, doktor nauk degree holder in economy, professor (Belgrad, Serbia)

Ruppel Oliver, professor of law faculty of Stellenbosch University, philosophy doctor degree holder in juridical sciences (Stellenbosch, Republic of South Africa)

Serjakov Ivan Stepanovich, academician of Agriculture and Forestry of Latvia, head of Pig Breeding and Small Livestock of Belarusian State Agricultural Academy, doktor nauk degree holder in agriculture, professor (Mogilev, Belarus)

Sosunov Aleksandr Alekseevich, Columbia University, department of neurosurgery,

doktor nauk degree holder in medicine, professor (New York, USA)

Janovskij Oleg Antonovich, kandidat nauk degree holder in history, professor, head of Russian history chair of Belorussia State University (Minsk, Belarus)

Janosh Pustai, director of «Collegium Fenno-Ugricum» Institute, doktor nauk degree holder in philosophy, professor (Szombathely, Hungaria)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Е. О. Наумов. Оформление военно-организационной структуры	
1-й армии Восточного фронта в годы Гражданской войны	12
М. А. Елдин. Имперские традиции Евразии: опыт Византии и России	
Д. В. Доленко. Конституция и Российское государство:	
политическая модернизация и историческая преемственность	33
С. И. Малоземов. Обеспечение продовольственной безопасности –	
приоритетное направление деятельности государства	39
Р. С. Тарасов, М. И. Рутковская, Н. В. Раслова. Состояние фабрик и заводов по	
производству чугуна и железа Пензенской губернии XIX в.	
(по материалам правительственных запросов)	48
С. А. Мальченков. Западное и восточное	
направления во внешней политике России в 90-е гг. XX в.	53
Е. А. Скопцова. Куртаги как одна из форм	
светского придворного общения в России XVIII в.	58
А. П. Лебедев. Содержание и направленность	
аграрной политики в СССР (1965–1985 гг.)	64
ИСТОРИЯ МОРДОВИИ	
истогил могдовии	
С. В. Кистанов. Деятельность политических	
организаций мордовского края накануне первой российской революции	75
В. К. Абрамов. Терюхане – Пургасова Русь?	
Н. Ю. Персидская. Мордовский голова	
в системе органов местного управления XVII в.	88
Е. Н. Мокшина, Ю. В. Катламина. Из истории	
сакральных мест Республики Мордовия	93
К. М. Романов, Н. В. Журавлева, Д. К. Романов. Психологическое содержание	
традиционного обряда прощания у народа эрзя	98
Н. Ф. Мокшин. Проблемы этнической самоидентификации	
мордовского народа в свете итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.	102
Н. И. Изергина. Конституция Республики Мордовия	
1995 г. как инструмент социальных преобразований	106
О. Н. Тюлякова. Этнически ориентированные СМИ	
Республики Мордовия о проблемах языка и культуры	115
Г. А. Корнишина. Предсвадебная обрядность	
фино-угорских народов в контексте теории А. ван Геннепа	121
СОЦИОЛОГИЯ	
Р. Буквич. Региональная проблема социалистической Югославии в 1945–1991 гг	129
Н. С. Савкин. Социальная адаптация: завершающая стадия	147
О. А. Богатова. Секулярная религиозность в России: самоидентификация	
и социальные установки верующих (на примере Республики Мордовия)	153
В. В. Козин. Константы регионального развития	

Д. С. Блинов, Н. Н. Чернова, О. П. Балыкова, С. А. Ляпина, О. В. Коблова.	
Оценка распространенности использования генетически	
модифицированных продуктов питания в повседневной жизни людей	
(по материалам Республики Мордовия)	165
Е. Ю. Каштанова, А. И. Гулягина. Влияние лидера на	
управленческие процессы в молодежных организациях	172
В. Н. Мотькин. Особенности работы Приемной Президента	
Российской Федерации с обращениями граждан Республики Мордовия	177
С. В. Полутин, Г. И. Щанкина. Демографический фактор	
социальных рисков в Республике Мордовия	181
К. М. Романов. Радикальные социальные группы как предмет научного анализа	187
Ж. В. Чашина, Е. Н. Чекушкина. Междисциплинарный подход	
в вопросе изучения профессиональных врачебных ошибок	194
В. Я. Цветков. Неявное знание и его разновидности	

Редакторы: Т. А. Чужайкина, Л. А. Пудовкина Перевод О. Ю. Малышева, Н. Н. Плеханковой Компьютерная верстка А. С. Полутина Информационная поддержка Р. В. Карасева

Подписано в печать 11.09.14. Формат 70 × 100 $^{1/}$ ₁₆. Усл. печ. л. 17,07. Тираж 200 экз. Заказ № 1218. Свободная цена.

Типография Издательства Мордовского университета 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24

CONTENTS

HISTORY OF RUSSIA

E. O. Naumov. Creation of the military organizational structure of the first army of the Eastern front during the Russian Civil War	12
M. A. Eldin. Imperial traditions of Eurasia: experience of Byzantium and Russia	
D. V. Dolenko. Constitution and Russian state: political modernization and historical continui	
S. I. Malozemov. Ensuring the food security – the priority direction of government actions	•
R. S. Tarasov, M. I. Rutkovskaya, N. V. Raslova. Status of factories and plants	
on production of cast iron and iron of the Penza province the 19 th	
century (based on materials of governmental inquiries)	48
S. A. Mal'chenkov. Western and Eastern	
directions in the foreign policy of Russia in 1990s.	53
E. A. Skoptsova. Kurtags as one of civil	
court communication forms in Russia in the 18th century	
A. P. Lebedev. Contents and focus of agricultural politics of USSR (1965 – 1985)	64
HISTORY OF MORDOVIA	
S. V. Kistanov. The activities of political organizations in	
Mordovian region on the thresholt of the first Russian revolution	
V. K. Abramov. Were terjuhanes the Purgaz's Rus'?	
N. Yu. Persidskaya. The Mordvinian head in system of local authorities of the 17th century	
E. N. Mokshina, Yu. V. Katlamina. From the history of sacred places of Mordovia	93
K. M. Romanov, N. V. Zhuravleva, D. K. Romanov. Psychological content	
of a traditional farewell ceremony of the Erzya people	98
N. F. Mokshin. Issues of ethnic self-definition of the Mordvinians	102
in the context of 2010 all-Russia population census	102
N. I. Izergina. The constitution of the Mordovia Republic of 1995 as a tool for social transformation	106
O. N. Tjuljakova. Ethnos-oriented mass-media	100
of the Republic of Mordovia about the issues of language and culture	115
G. A. Kornishina. Pre-wedding rituals of the fino-ugric	
peopls in the context of the theory A. van Gennep	121
SOCIOLOCY	
SOCIOLOGY	
R. Bukvich. Regional problem in socialist Yugoslavia 1945–1991	
N. S. Savkin. Social adaptation: the final stage	147
O. A. Bogatova. Secular religiosity in Russia:	
self-identity and social attitudes of believers (The case of the Republic of Mordovia)	
V. V. Kozin. Constants of regional development	159

165
.172
.177
.181
.187
.194
.199

Editors T. A. Chuzhajkina, L. A. Pudovkina Translation O. Ju. Malyshev, N. N. Plehankova Desktop publishing A. S. Polutin Informational support R. V. Karasjov

Signed to print 11.09.14. Sheet size $70 \times 100^{-1}/_{16}$. Conventional printed sheets 17,07. Number of copies 200. Order no. 1218.

Publishing House of Mordovia State University 24 Sovetskaya Str., 430005 Saransk, Republic of Mordovia

ИНСТИТУТ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ПУБЛИКАЦИЙ

Серия «Естественные и технические науки»

Медицина

Балашов Владимир Павлович, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия) Бебнева Тамара Николаевна, кандидат медицинских наук (Москва, Россия) Блинов Дмитрий Сергеевич, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Власов Алексей Петрович, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Герасимова Наталья Геннадьевна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Давыдкин Василий Иванович, кандидат медицинских наук, доцент (Саранск, Россия) Еремина Елена Юрьевна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Инчина Вера Ивановна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Камаев Игорь Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Нижний Новгород, Россия) Кораблева Наталья Николаевна, кандидат медицинских наук, доцент (Сыктывкар, Россия) Лешанкина Нина Юрьевна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Мозеров Сергей Алексеевич, доктор медицинских наук, профессор (Обнинск, Россия) Моисеева Инесса Яковлевна, доктор медицинских наук, профессор (Пенза, Россия) Мосина Лариса Михайловна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Новикова Людмила Владимировна, кандидат медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Павелкина Вера Федоровна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Пиксин Иван Никифорович, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Плотникова Надежда Алексеевна, доктор медицинских наук, профессор (Саранск, Россия) Ураков Александр Ливиевич, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный изобретатель Российской Федерации (Йжевск, Россия)

Биология

Девяткин Аркадий Анатольевич, кандидат биологических наук, доцент (Саранск, Россия) Кадималиев Давуд Али оглы, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия) Кузнецов Вячеслав Александрович, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия) Лукаткин Александр Степанович, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия) Силаева Татьяна Борисовна, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия) Трофимов Владимир Александрович, доктор биологических наук, профессор (Саранск, Россия) Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биологических наук, профессор (Саратов, Россия)

Математика

Андреев Александр Сергеевич, доктор физико-математических наук, профессор (Ульяновск, Россия) Смольянов Андрей Григорьевич, кандидат физико-математических наук, доцент (Саранск, Россия) Щенников Владимир Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор (Саранск, Россия)

Физика и химия

Васин Виктор Алексеевич, доктор химических наук, профессор (Саранск, Россия)
Зюзин Александр Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор (Саранск, Россия)
Курков Андрей Семенович, доктор физико-математических наук, профессор (Москва, Россия)
Логунов Михаил Владимирович, доктор физико-математических наук, профессор (Саранск, Россия)
Рябочкина Полина Анатольевна доктор физико-математических наук, доцент (Саранск, Россия)
Томилин Олег Борисович, кандидат химических наук, доцент (Саранск, Россия)
Шорохов Алексей Владимирович, доктор физико-математических наук, доцент (Саранск, Россия)

Технические науки

Амелькина Светлана Анатольевна, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия) Ашрятов Альберт Аббясович, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия) Богатов Андрей Дмитриевич, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия) Горбунов Алексей Алексеевич, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия) Животовский Григорий Альбертович, доктор технических наук, доцент (Сиранск, Россия) Ивлиев Сергей Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия) Коваленко Ольга Юрьевна, доктор технических наук, доцент (Саранск, Россия) Кокинов Андрей Михайлович, доктор технических наук, профессор (Саранск, Россия) Кудаев Сергей Петрович, кандидат физико-математических наук, доцент (Саранск, Россия) Митин Эдуард Валерьевич, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия) Панфилов Степан Александрович, доктор технических наук, профессор (Саранск, Россия) Федоренко Анатолий Степанович, доктор технических наук, профессор (Саранск, Россия) Чугунов Михаил Владимирович, кандидат технических наук, доцент (Саранск, Россия)

Науки о Земле

Каверин Александр Владимирович, кандидат географических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия)
Масляев Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент (Саранск, Россия)
Носонов Артур Модестович, доктор географических наук, доцент (Саранск, Россия)

Сельскохозяйственные науки

Вельматов Анатолий Павлович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия)

Емельянов Сергей Владимирович, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент (Саранск, Россия) Еряшев Александр Павлович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия) Зенкин Сергей Александрович, доктор ветеринарных наук, профессор (Саранск, Россия) Ивойлов Александр Васильевич, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия) Матяев Владимир Иванович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия) Смолин Николай Васильевич, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Саранск, Россия) Тельцов Леонид Петрович, доктор естественных наук, профессор (Саранск, Россия)

Серия «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» Экономика

Ананьев Михаил Александрович, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия) Артемьева Светлана Степановна, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия) Кормишкина Людомила Александровна, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия) Краковская Ирина Николаевна, доктор экономических наук, доцент (Саранск, Россия) Неретина Евгения Алексевна, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия) Осипов Владимир Иванович, доктор экономических наук, профессор (Саранск, Россия) Полушкина Татьяна Михайловна, доктор экономических наук, доцент (Саранск, Россия) Федоськина Людмила Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Саранск, Россия)

Юриспруденция

Пудко Игорь Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор (Саранск, Россия) Емелькина Ирина Александровна, доктор юридических наук, доцент (Саранск, Россия) Еремин Алексей Роальдович, доктор юридических наук, профессор (Саранск, Россия) Калинкина Любовь Даниловна, кандидат юридических наук, доцент (Саранск, Россия) Фомина Лилия Юрьевна, кандидат юридических наук (Саранск, Россия) Худойкина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор (Саранск, Россия)

История, социология и философия

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук (Саранск, Россия)
Богатырев Эдуард Дмитриевич, доктор исторических наук доцент (Саранск, Россия)
Гагаев Андрей Александрович, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Елдин Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент (Саранск, Россия)
Емелькина Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Изергина Нина Ивановна, доктор политических наук, профессор (Саранск, Россия)
Кистанов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Саранск, Россия)
Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор (Саранск, Россия)
Мочалов Евгений Владимирович, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Новикова Надежда Львовна, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия)
Сергеенкова Вера Васильевна, кандидат исторических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь)
Шапошников Лев Евгеньевич, доктор философских наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Педагогика и психология

Андронов Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор (Саранск, Россия) Винтин Игорь Анатольевич, доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор (Саранск, Россия)

Мешков Николай Иванович, доктор психологических наук, профессор (Саранск, Россия) Романов Константин Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Саранск, Россия)

Филология

Акимова Эльвира Николаевна, доктор филологических наук, доцент (Саранск, Россия) Анашкина Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор (Саранск, Россия) Антонов Юрий Григорьевич, доктор филологических наук, доцент (Саранск, Россия) Гудкова Светлана Петровна, доктор филологических наук, доцент (Саранск, Россия) Демин Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор (Саранск, Россия) Ивлева Алина Юрьевна, доктор философских наук, доцент (Саранск, Россия) Киржаева Вера Петровна, доктор педагогических наук, доцент (Саранск, Россия) Клементьева Елена Филипповна, кандидат филологических наук, доцент (Саранск, Россия) Конкина Лариса Семеновна, доктор филологических наук, профессор (Саранск, Россия) Кудрявцева Раисия Алексеевна, доктор филологических наук, профессор (Йошкар-Ола, Россия) Ракин Анатолий Николаевич, старший научный сотрудник института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Свойкин Константин Бертольдович, доктор филологических наук, доцент (Саранск, Россия) Филиппова Ольга Викторовна, доктор педагогических наук, доцент (Саранск, Россия) Фурманова Валентина Павловна, доктор педагогических наук, профессор (Саранск, Россия)

Искусствоведение и культурология

Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия) Логинова Марина Васильевна, доктор философских наук, профессор (Саранск, Россия) Прокаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук (Саранск, Россия)

INSTITUTE OF PUBLICATIONS PEER REVIEWING

«Engineering and Natural Sciences» series

Medicine

Balashov Vladimir Pavlovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia) Bebneva Tamara Nikolaevna, kandidat nauk (PhD) degree holder in medical sciences (Moscow, Russia) Blinov Dmitrij Sergeevich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Vlasov Aleksej Petrovich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Gerasimova Natal'ja Gennad'evna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Davydkin Vasilij Ivanovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in medical sciences, docent (Saransk, Russia) Eremina Elena Jur'evna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Inchina Vera Ivanovna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Kamaev Igor' Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Nizhnij Novgorod, Russia) Korableva Natal'ja Nikolaevna, kandidat nauk (PhD) degree holder in medical sciences, docent (Syktyvkar, Russia) Leshhankina Nina Jur'evna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Mozerov Sergej Alekseevich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Obninsk, Russia) Moiseeva Inessa Jakovlevna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Penza, Russia) Mosina Larisa Mihajlovna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Novikova Ljudmila Vladimirovna, kandidat nauk (PhD) degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Pavelkina Vera Fedorovna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Piksin Ivan Nikiforovich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Plotnikova Nadezhda Alekseevna, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor (Saransk, Russia) Urakov Aleksandr Livievich, doktor nauk degree holder in medical sciences, professor, honorary inventor of Russian Federation (Izhevsk, Russia)

Biology

Devjatkin Arkadij Anatol'evich, kandidat nauk (PhD) degree holder in biological sciences, docent (Saransk, Russia)

Kadimaliev Davud Ali-ogly, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)

Kuznecov Vjacheslav Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)

Lukatkin Aleksandr Stepanovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)

Silaeva Tat'jana Borisovna, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)

Trofimov Vladimir Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)

Shljahtin Gennadij Viktorovich, doktor nauk degree holder in biological sciences, professor (Saransk, Russia)

Mathematics

Andreev Aleksandr Sergeevich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Ul'janovsk, Russia) Smol'janov Andrej Grigor'evich, kandidat nauk (PhD) degree holder in physico-mathematical sciences, docent (Saransk, Russia) Shhennikov Vladimir Nikolaevich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Saransk, Russia)

Physics and chemistry

Vasin Viktor Alekseevich, doktor nauk degree holder in chemical sciences, professor (Saransk, Russia)

Zjuzin Aleksandr Mihajlovich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Saransk, Russia)

Kurkov Andrej Semenovich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Moscow, Russia)

Logunov Mihail Vladimirovich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, professor (Saransk, Russia)

Rjabochkina Polina Anatol'evna, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, docent (Saransk, Russia)

Tomilin Oleg Borisovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in chemical sciences, docent (Saransk, Russia)

Shorohov Aleksej Vladimirovich, doktor nauk degree holder in physico-mathematical sciences, docent (Saransk, Russia)

Engineering science

Amel'kina Svetlana Anatol'evna, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Ashrjatov Al'bert Abbjasovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Bogatov Andrej Dmitrievich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Gorbunov Aleksej Alekseevich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Zhivotovskij Grigorij Al'bertovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, docent (Nizhnij Novgorod, Russia)
Ivliev Sergej Nikolaevich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Kovalenko Ol'ga Jur'evna, doktor nauk degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Kokinov Andrej Mihajlovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, professor (Saransk, Russia)
Kudaev Sergej Petrovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in physico-mathematical sciences,
docent (Saransk, Russia)

Mitin Jeduard Valer'evich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)
Panfilov Stepan Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, professor (Saransk, Russia)
Rimshin Vladimir Ivanovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, professor (Moscow, Russia)
Fedorenko Anatolij Stepanovich, doktor nauk degree holder in engineering sciences, professor (Saransk, Russia)
Chugunov Mihail Vladimirovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in engineering sciences, docent (Saransk, Russia)

Earth science

Kaverin Aleksandr Vladimirovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in geographical sciences, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)

Masljaev Valerij Nikolaevich, kandidat geograficheskih nauk, docent (Saransk, Russia)

Nosonov Artur Modestovich, doktor nauk degree holder in geographical sciences, docent (Saransk, Russia)

Agricultural science

Vel'matov Anatolij Pavlovich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)

Emel'janov Sergej Vladimirovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in agricultural sciences, docent (Saransk, Russia)
 Erjashev Aleksandr Pavlovich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
 Zenkin Sergej Aleksandrovich, doktor veterinarnyh nauk, professor (Saransk, Russia)
 Ivojlov Aleksandr Vasil'evich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
 Matjaev Vladimir Ivanovich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
 Smolin Nikolaj Vasil'evich, doktor nauk degree holder in agricultural sciences, professor (Saransk, Russia)
 Tel'cov Leonid Petrovich, doktor estestvennyh nauk, professor (Saransk, Russia)

«Humanitarian, Economic and Social Sciences» series

Economics

Anan'ev Mihail Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Artem'eva Svetlana Stepanovna, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Kormishkina Ljudmila Aleksandrovna, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Krakovskaja Irina Nikolaevna, doktor nauk degree holder in economic sciences, docent (Saransk, Russia)
Neretina Evgenija Alekseevna, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Osipov Vladimir Ivanovich, doktor nauk degree holder in economic sciences, professor (Saransk, Russia)
Polushkina Tat'jana Mihajlovna, doktor nauk degree holder in economic sciences, docent (Saransk, Russia)
Fedos'kina Ljudmila Aleksandrovna, kandidat nauk (PhD) degree holder in economic sciences, docent (Saransk, Russia)

Jurisprudence

Dudko Igor' Gennad'evich, doktor nauk degree holder in juridical sciences, professor (Saransk, Russia)

Emel'kina Irina Aleksandrovna, doktor nauk degree holder in juridical sciences, docent (Saransk, Russia)

Eremin Aleksej Roal'dovich, doktor nauk degree holder in juridical sciences, professor (Saransk, Russia)

Kalinkina Ljubov' Danilovna, kandidat nauk (PhD) degree holder in juridical sciences, docent (Saransk, Russia)

Fomina Lilija Jur'evna, kandidat nauk (PhD) degree holder in juridical sciences (Saransk, Russia)

Hudojkina Tat'jana Viktorovna, doktor nauk degree holder in juridical sciences, professor (Saransk, Russia)

History, sociology and philosophy

Bogatova Ol'ga Anatol'evna, doktor nauk degree holder in sociological sciences (Saransk, Russia)
Bogatyrev Jeduard Dmitrievich, doktor nauk degree holder in historical sciences, docent (Saransk, Russia)
Gagaev Andrej Aleksandrovich, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Eldin Mihail Aleksandrovich, kandidat nauk (PhD) degree holder in philosophical sciences, docent (Saransk, Russia)
Emel'kina Irina Vladimirovna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Izergina Nina Ivanovna, doktor nauk degree holder in political sciences, professor (Saransk, Russia)
Kistanov Sergej Vasil'evich, kandidat nauk (PhD) degree holder in historical sciences, docent (Saransk, Russia)
Kornishina Galina Al'bertovna, doktor nauk degree holder in historical sciences, professor (Saransk, Russia)
Mochalov Evgenij Vladimirovich, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Novikova Nadezhda L'vovna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)
Sergeenkova Vera Vasil'evna, kandidat nauk (PhD) degree holder in historical sciences, docent (Minsk, Respublika Belarus')
Shaposhnikov Lev Evgen'evich, doktor nauk degree holder in philosophical sciences,

Pedagogics and psychology

Andronov Vladimir Petrovich, doktor nauk degree holder in psychological sciences, professor (Saransk, Russia)
Vintin Igor' Anatol'evich, doktor nauk degree holder in pedagogical sciences, kandidat nauk (PhD) degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia)

Meshkov Nikolaj Ivanovich, doktor nauk degree holder in psychological sciences, professor (Saransk, Russia) Romanov Konstantin Mihajlovich, doktor nauk degree holder in psychological sciences, professor (Saransk, Russia)

Philology

Akimova Jel'vira Nikolaevna, doktor nauk degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)

Anashkina Irina Aleksandrovna, doktor nauk degree holder in philological sciences, professor (Saransk, Russia)

Antonov Jurij Grigor'evich, doktor nauk degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)

Gudkova Svetlana Petrovna, doktor nauk degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)

Demin Vasilij Ivanovich, doktor nauk degree holder in philological sciences, professor (Saransk, Russia)

Ivleva Alina Jur'evna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, docent (Saransk, Russia)

Kirzhaeva Vera Petrovna, doktor nauk degree holder in pedagogical sciences, docent (Saransk, Russia)

Klement'eva Elena Filippovna, kandidat nauk (PhD) degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia)

Konkina Larisa Semenovna, doktor nauk degree holder in philological sciences, professor (Saransk, Russia)

Kudrjavceva Raisija Alekseevna, doktor nauk degree holder in philological sciences,

professor (Joshkar-Ola, Russia)

Rakin Anatolij Nikolaevich, senior research associate of institute of language, literature and history of Komi of RAS Svojkin Konstantin Bertol'dovich, doktor nauk degree holder in philological sciences, docent (Saransk, Russia) Filippova Ol'ga Viktorovna, doktor nauk degree holder in pedagogical sciences, docent (Saransk, Russia) Furmanova Valentina Pavlovna, doktor nauk degree holder in pedagogical sciences, professor (Saransk, Russia)

Art criticism and culturology

Voronina Natal'ja Ivanovna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia) Loginova Marina Vasil'evna, doktor nauk degree holder in philosophical sciences, professor (Saransk, Russia) Prokaeva Ol'ga Nikolaevna, kandidat nauk (PhD) degree holder in philosophical sciences (Saransk, Russia)

История России

УДК 355.124.4:94(470)

DOI: 10.15507/VMU.024.201403.012

ОФОРМЛЕНИЕ ВОЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ 1-Й АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Е. О. Наумов

В статье рассматривается процесс создания 1-й армии Восточного фронта в годы Гражданской войны, в частности оформление ее внутренней структуры (дивизия – бригада – полк) путем объединения отрядов Красной армии в составе Западного Чехословацкого фронта и территориальных групп войск.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Чехословацкий корпус, Среднее Поволжье, Восточный фронт, отрядная система.

CREATION OF THE MILITARY ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE FIRST ARMY OF THE EASTERN FRONT DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

E. O. Naumov

The article describes the process of creating of the 1st Army of the Eastern Front during the Civil War, particulary developing of its internal structure (Division – Brigade – Regiment) by the integration of the Red Army in the Western part of the Czechoslovak Front and territorial groups.

Keywords: Civil War, Red Army, Czechoslovak Corps, Middle Volga, Eastern Front, detachment system.

Согласно военной энциклопедии, понятие *армия* может трактоваться двояко: в широком смысле это совокупность вооруженных сил государства, в узком — «оперативное объединение, состоящее из нескольких соединений и отдельных частей различных родов войск и специальных войск, предназначенное для выполнения оперативных задач» [23, с. 248, 255].

Структура полевой армии в годы Гражданской войны мало отличалась от объединения российской императорской армии времен Первой мировой. Американский историк Р. Пайпс отмечал: «Организованная с помощью профессиональных

офицеров, которые вскоре заняли в ней [Красной армии] почти все командные должности, она по своей структуре и дисциплине была, естественно, очень похожа на армию Российской империи» [20, с. 387]. Ее структура в начале XX в. была следующей: армия – корпус – дивизия – бригада – полк [11, с. 310].

Первые попытки организации полевых армий советскими военачальниками были предприняты во время боевых действий на Украине в начале 1918 г. Но, как писал военный историк Н. Е. Какурин, эти армии «были настолько малочисленны, что каждая из них могла быть названа собственно отрядом» [13, с. 64].

© Наумов Е. О., 2014

В связи с этим первые регулярные объединения Красной армии в годы Гражданской войны были созданы на территории Среднего Поволжья и Урала летом 1918 г. для подавления выступления чехословацкого корпуса и борьбы с вооруженными силами Комуча. Одним из таких объединений стала 1-я армия, организованная 19 июня 1918 г. распоряжением Революционного военного совета (РВС) Восточного фронта. Командующему армией А. И. Харченко было приказано «объединить войска, расположенные в сызрано-симбирском направлении <...> и соорганизовать из войск 1-ю Советскую армию, согласно красноармейским штатам» [3, с. 25].

К середине июня 1918 г. возникло несколько предпосылок формирования 1-й армии Восточного фронта. Первая заключалась в деятельности органов управления войсками, расположенных на сызрано-симбирском направлении (губернские и уездные революционные штабы, которые занимались созданием красноармейских отрядов, отправляемых на подавление мятежа Чехословацкого корпуса). Данная форма организации была обусловлена отсутствием постоянных формирований Красной армии в губернских центрах, расположенных в районе Пензы, Симбирска, Самары.

Весной 1918 г. процесс организации вооруженных сил в Среднем Поволжье находился в зачаточном состоянии. Несмотря на то, что к концу марта 1918 г. в 27-и губернских центрах из 33-х были созданы органы военного управления, в Пензе, Симбирске и других городах эта работа еще не завершилась. Если в Казани, Уфе, Оренбурге непосредственное строительство Красной армии началось еще в начале 1918 г., то в указанных выше – только в апреле 1918 г. [15, с. 109]. В Самарской губернии военные отделы при советах были созданы в 14 % уездов, в Симбирской губернии – в 12 %. Советы Пензенской губернии не имели ни одного военного отдела [Там же, с. 110].

Создание революционных штабов происходило примерно в одно время:

в Пензе — 28 мая [24, с. 55], Самаре — 30 мая [27, с. 96], Симбирске — 31 мая [28, с. 322], когда Поволжская группа Чехословацкого корпуса продвигалась от Пензы к Александровскому мосту с целью переправиться через Волгу и продолжить движение на восток.

На протяжении длительного времени основной минимальной единицей Красной армии являлся отряд. Несмотря на многочисленность данных формирований, они не представляли собой грозной вооруженной силы. П. Ф. Устинов, один из организаторов такого отряда в Самаре, вспоминал: «Мы действительно мало походили по внешнему виду на воинскую часть. В наших рядах можно было увидеть бывших солдат, сохранивших свое прежнее обмундирование и выправку, а рядом – рабочих в замасленных куртках; возле студентов в форменных фуражках стояли матросы в своих широченных брюках <...>. Отряды <...> были организованы или по географическому признаку (Самарский, Симбирский, Тверской), или по партийному (анархисты, максималисты), или по национальному (китайский, персидский), или, наконец, по роду оружия (пулеметчики, отряд матросов) < ... > .И каждый такой "отряд" имел своего начальника!» [29, с. 159; 217–218].

Принцип формирования вооруженных сил в штабах был следующим. Губернский штаб отправлял в уездные советы или комиссариаты телеграмму с просьбой об организации отрядов и отправке их в центр. Существовало несколько способов формирования данных отрядов. Общим в них было то, что они создавались посредством мобилизации.

В Сенгилеевском уезде Симбирской губернии на съезде советов 31 мая было принято следующее решение: «Каждая волость по прочтении настоящего приказа <...> на сходе должна избрать 10 человек самых отважных, сознательных и безусловно политически честных делегатов, которые обязаны через 24 часа явиться в Сенгилеевский Совдеп для вооружения и отправки в Симбирск <...>»

[22, с. 29–30]. Сконцентрированные в губернском центре отряды объединялись в сводные. В Симбирске 1 июня был создан сводный Симбирский красногвардейский отряд, состоявший из двух отрядов рабочих текстильных фабрик, отряда Карсунского уезда, интернационального отряда и пулеметной команды [5, с. 5; 32, с. 46].

В Самаре из мобилизованных рабочих было организовано 10 дружин, которые также были объединены в сводную коммунистическую дружину численностью около 2 тыс. чел. [30, с. 245]. Характерный для данного этапа строительства Красной армии оперативный способ создания отряда привел И. М. Штейнгауз, занимавший должность Начальника снабжения в Саратовском отряде А. Ф. Каменского: «Между Аткарском и Ртищевом, если я не ошибаюсь, есть село Переездино. И вот представители Аткарского Совета приезжают в это село, бьют в набат, собирают крестьян, открывают митинг и тут же крестьяне, часа два тому назад пахавшие, собираются в отряд, немедленно получают у меня обмундирование, вооружение и немедленно же отправляются на фронт. Процедура формирования такого отряда, приблизительно в 500 человек, продолжается максимум часов 7-8» [34, с. 39]. Добровольческие отряды были большим исключением. Газета «Известия Симбирского совета» сообщала, что наблюдались лишь отдельные случаи организации таких подразделений [22, с. 46].

Таким образом, деятельность губернских революционных военных штабов заложила основу организации и руководства войсками в Среднем Поволжье. Отряды, созданные Самарским и Симбирским революционными штабами, станут составной частью Симбирской группы войск, структурного подразделения Западного Чехословацкого фронта. Председателем Пензенского революционного штаба В. В. Кураевым в Рузаевке будет организован штаб по борьбе с чехословацким выступлением, который позднее станет основой базы снабжения 1-й армии.

Другой предпосылкой формирования 1-й армии стало создание единого управления вооруженными силами в сызрано-симбирском направлении в лице командующего Чехословацким фронтом А. Ф. Мясникова. До этого оперативное руководство отрядами данного направления осуществляли сразу несколько лиц: представитель Саратовского губернского исполнительного комитета А. Ф. Каминский, председатель Пензенского губернского исполнительного комитета В. В. Кураев, командир отряда ВЧК Д. И. Попов и др. [34, с. 39].

В приказе № 1 Главнокомандующего Чехословацким фронтом от 31 мая 1918 г. сообщалось: «Вступая в свою должность, объявляю ширину и глубину вверенного мне фронта: по линии Саратов – Сызрань – Симбирск и в тыл до линии Тамбов – Моршанск – Кадом. Все воинские части, находящиеся на названной территории и предназначенные для боевых целей, подчиняются мне, а учреждения и организации государственного характера, находящиеся на той же территории, призываются оказывать мне всяческое содействие. Место пребывания штаба фронта – Пенза» [9, с. 95]. Таким образом, все отряды, созданные революционными штабами Среднего Поволжья, а также формирования направленные в этот регион из западных и центральных губерний, переходили под руководство А. Ф. Мясникова. Например, приказом Высшего военного совета (ВВС) от 5 июня 1918 г. все отряды Пензенской губернии подчинялись командующему фронтом [Там же, с. 846]. Однако территория, которую охватывал Чехословацкий фронт, оказалась слишком большой. Поэтому 2 июня фронт был разделен на две части: Западный Чехословацкий, в который входили отряды, наступавшие от Сызрани и Симбирска на Самару под командованием А. Ф. Мясникова, и Восточный Чехословацкий под руководством Н. И. Подвойского [18, с. 5].

Однако осуществлять командование малочисленными отрядами даже на небольшой территории Западного Чехословацкого фронта А. Ф. Мясникову не удалось. Согласно воспоминаниям члена Высшей военной инспекции Р. И. Берзина (в дальнейшем – командующего 3-й армией Восточного фронта), все начальники отрядов, подчинявшиеся главкомам, считали себя «самостоятельными и независимыми <...>, жили и оперировали по своему» [21, с. 175]. Поэтому для руководства операциями в сызранском и симбирском направлениях приказом А. Ф. Мясникова № 7 от 11 июня 1918 г. были созданы две территориальные группы войск – Сызранская и Симбирская [4, с. 20].

Первая фактически начала формироваться в начале июня 1918 г. после отступления чешских легионеров из Сызрани. Спустя некоторое время в ее состав входило около 18-и полков и отрядов общей численностью 5 300 штыков, 35 орудий, 115 пулеметов [5, с. 5; 31, с. 28]. В середине июня значительная часть группы была отправлена на Восточный Чехословацкий фронт в распоряжение Н. И. Подвойского [10, с. 377].

Симбирская группа войск под командованием К. Ф. Иванова включала в себя отряды, сформированные Симбирским и Самарским революционными штабами и прибывшие сюда из других регионов страны. Первая попытка организовать централизованное управление вооруженными силами, сконцентрированными в районе Симбирска, была предпринята членами РКП(б). 8 июня на собрании городской партийной организации было принято постановление о том, что «советские отряды действуют не совместно, а отдельными единицами <...> Необходимо, чтобы все отряды были связаны и действовали бы по указанию Главного штаба» [22, с. 41]. В этот же день в Симбирске под руководством начальников отступивших из Самары отрядов А. Х. Митрофанова, М. П. Герасимова, В. В. Дубянского был образован «штаб Волжских отрядов» [27, с. 111]. Однако он действовал недолго и 13 июня был ликвидирован, «передав вооруженную силу в распоряжение вновь назначенного командующего Симбирской группой» К. Ф. Иванова [Там же, с. 118].

Указанные выше группы в дальнейшем стали основой для создания первых армейских объединений – дивизий. Если Симбирская группа войск продолжила свое существование с 11 июня до 22 июля 1918 г. (даты захвата Симбирска частями армии Комуча), то Сызранская действовала в течение намного меньшего времени. После взятия города противником, одноименная группа войск, вынужденная отступить, разделилась на две – Кузнецкую (Пензенскую) и Инзенскую. Это было связано с характером боевых действий («эшелонная война») и угрозой движения противника по следующим направлениям железнодорожного пути: Сызрань – Кузнецк – Пенза, Сызрань – ст. Барыш – ст. Инза. Необходимость прикрытия ключевых пунктов данных направлений (Пенза, Инза) и стало причиной распада Сызранской группы войск.

Начальник мобилизационного отдела Ш. Н. Ибрагимов, прибывший 1 июля 1918 г. в штаб армии, дал следующую характеристику новым формированиям: «В этих группах были так называемые полки и батальоны, вооруженные винтовками разных систем, дисциплины не было никакой. Культурно-просветительское дело было поставлено совершенно неудовлетворительно. Не устойчивым был и дух красноармейцев, вследствие чего, одновременно с проявлением в некоторых случаях настоящего геройства и исполнения своих служебных обязанностей не за страх, а за совесть, в других случаях красноармейцы вели себя ниже всякой критики» [19, с. 3]. Например, в середине июня 1918 г. стрелки 4-го латышского полка под видом экспроприации занялись грабежом гостиницы «Бремен», расположенной в Сызрани, и расхищением спирта с винного склада [26, с. 206]. Падение дисциплины в группе стало одной из причин ее отступления из города, что позволило противнику захватить его без боя.

Внутренняя структура территориальных групп войск не имела четкой организации. Согласно воспоминаниям политического комиссара О. Ю. Калнина, в армию входили следующие подразделения: 6 полков, 7 отрядов, 2 батареи и 1 бронепоезд А. В. Полупанова [14, с. 36]. В Инзенской группе войск в начале июля 1918 г. был только один полк – 4-й латышский. Все остальные формирования именовались отрядами: отряд ВЧК, Тверской отряд, Сызранский конный отряд [3, с. 256]. Большая часть формирований Пензенской (Кузнецкой) группы войск прибыла с Западного и Северного участков завесы. Например, 1-й Минский, 2-й Московский и Орловский полки были образованы из частей бывшей 36-й дивизии императорской армии, располагавшейся в Орле [8, с. 7]. Второй Петроградский морской отряд прибыл в расположение армии с Западного участка завесы [2, с. 179]. Кроме вышеуказанных частей, в состав дивизии вошли: 1-й Смоленский и 1-й Брянский отряды, 1-я Московская кавалерийская сотня, Пензенский советский отряд и др. [3, с. 256].

Симбирская группа войск имела сложную структуру, поскольку оперировала сразу несколькими направлениями, на каждом из которых была сформирована отдельная группа отрядов. Например, для прикрытия Симбирска с юга по направлению к Самаре 14 июня приказом К. Ф. Иванова под руководством Г. Д. Гая был создан «сводный отряд самарских боевых дружин», состоявший из 5 отрядов [27, с. 118].

Несмотря на попытку Л. Д. Троцкого объединить вооруженные силы на востоке страны под руководством А. Ф. Мясникова, к середине июня 1918 г. существовало несколько «фронтов» и «главкомов»: Западный Чехословацкий (А. Ф. Мясников), Восточный Чехословацкий (Н. И. Подвойский), Северо-Урало-Сибирский (Р. И. Берзин), Урало-Оренбургский фронт (В. В. Яковлев) и др. Согласно вспоминаниям Р. И. Берзина, попытка высшего военно-

го командования упорядочить управление Красной армией оказалась неудачной: «Справиться с этой задачей было не только трудно, но почти невозможно, так как тогдашние главкомы не думали кому-либо подчиняться; считали себя вполне самостоятельными и независимыми» [21, с. 175].

Поэтому 13 июня 1918 г. постановлением Совета Народных Комиссаров был создан РВС, в подчинении которого находились все вооруженные формирования Красной армии на востоке страны. РВС состоял из военного специалиста, бывшего офицера императорской армии М. А. Муравьева и двух политических комиссаров [9, с. 98]. Передача руководства Красной армией в Среднем Поволжье и на Урале в руки М. А. Муравьеву стала следующей предпосылкой организации 1-й армии. На одном из первых заседаний РВС им был поставлен вопрос о создании полевых армий из бывших «фронтов» и «участков» [13, с. 80]. Отряды, расположенные в районе Пензы, Сызрани, Симбирска, находившиеся ранее под командованием А. Ф. Мясникова, планировалось объединить в 1-ю армию [33, с. 18].

Вскоре между военными ведомствами возникли разногласия по поводу избранной РВС Восточного фронта формы организации Красной армии. ВВС предполагал, что на востоке страны (по аналогии с другими ее районами) необходимо создать участок завесы - пережиток добровольческого периода формирования армии. Поэтому постановлением ВВС № 3017 от 5 июля 1918 г. был создан Восточный участок завесы [9, с. 847]. 8 июля в постановлении ВВС Восточный фронт назывался «Восточным участком», а его армии - «группой отрядов» созданной завесы [18, с. 8]. Штаб фронта именовался «штабом Военно-революционного Совета» или «штабом войск Восточного участка». Что касается армий, то их предписывалось «впредь армиями не именовать, а называть «такая-то группа отрядов», во главе которой должен находиться

не штаб армии, а штаб группы отрядов по утвержденному штату штаба отряда завесы» [6, с. 76]. Члены РВС фронта выступили категорически против такого решения ВВС, считая, что исходя из сложившихся условий борьбы против чехословацкого выступления избранная СНК форма наиболее соответствует задачам, поставленным перед фронтом [9, с. 795]. Такое положение дел сохранялось вплоть до августа 1918 г. [15, с. 220]. В итоге победила точка зрения сторонников строительства регулярной армии. 11 сентября приказом РВСР создание Восточного фронта было оформлено официально [12, с. 152].

Наметив создание объединений, М. А. Муравьев приказал командармам начать формирование армейских соединений путем сведения отрядов в полки, а полков – в дивизии [17, с. 190]. Принцип создания первых соединений полевых армий заключался переименовании территориальных групп войск в дивизии, первые из которых были созданы в конце июня – начале июля 1918 г. Приказом № 7 о 1-й армии 30 июня создавалась Инзенская революционная дивизия, основой которой стала одноименная группа войск численностью около 500-600 чел. [16, с. 61; 19, с. 3]. 6 июля на базе Пензенской (Кузнецкой) группы войск создавалась Пензенская дивизия [7, с. 169]. 27 июля 1918 г. из отрядов бывшей Симбирской группы войск была организована 1-я Сводная Симбирская дивизия [22, с. 122].

Процесс реорганизации групп войск в соединения, а отрядов — в полки наиболее показателен на примере Симбирской дивизии. Структурные подразделения Симбирской группы войск (Сенгилеевская и Ставропольская группы) были сведены в 1-й и 2-й Симбирский полки соответственно [29, с. 209]. При этом отдельные отряды групп становились ротами. Например, в одном батальоне 2-го Симбирского полка 1-я рота представляла собой Козловско-нижегородский отряд, 2-я рота — Симбирский

коммунистический. В другом батальоне 1-я рота была образована из Московско-Смоленским отрядом, 2-я — Казанским [35, с. 277]. Всего 2-й Симбирский полк состоял из 6 отрядов [4, с. 67].

Следующая форма организации вооруженных сил - корпус - не получила распространения в пехотных объединениях того времени. Однако попытки их формирования в 1-й армии предпринимались. 25 июля 1918 г., согласно приказу М. Н. Тухачевского о наступлении на Симбирск, Вольская группа войск и Пензенская дивизия были объединены в корпус под руководством П. Я. Ловчара [22, с. 118–119]. В дальнейшем, исходя из тактических соображений, командование временно объединяло дивизии в отдельные группы. Например, для проведения операции по освобождению Сызрани в отдельную, южную группу войск были объединены Пензенская, Инзенская и Вольская дивизии. Симбирская дивизия образовала северную группу [25, с. 66].

Таким образом, процесс оформления структуры 1-й армии Восточного фронта состоял из нескольких этапов. На первом этапе происходило создание и сосредоточение отрядов Красной армии в районе Пензы, Симбирска, Сызрани для подавления мятежа Чехословацкого корпуса. На втором этапе оформилось общее руководство этими отрядами в лице командующего Западным Чехословацким фронтом А. Ф. Мясникова, который, по словам В. М. Арутюняна, не только предложил разграничительные линии, взятые за основу создания полевых армий РВС Восточного фронта, но и наметил организацию будущих объединений 1-й армии путем создания территориальных групп войск [1, с. 15]. На третьем этапе по инициативе командования РВС Восточного фронта происходит сведение всех отрядов сызраносимбирского направления в 1-ю армию, отдельных подразделений – в полки, а территориальных групп войск – в дивизии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Арутюнян, В. М.** Военно-организаторская деятельность А. Ф. Мясникова (Мясникяна), 1917–1925 гг. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / В. М. Арутюнян. Москва, 1989. 20 с.
- 2. **Березовский, Н. Ю.** Военные моряки на Восточном фронте (1918 г.) / Н. Ю. Березовский // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 179–184.
- 3. Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов : июнь 1918 февраль 1921 гг. : сборник документов и материалов. Ашхабад : Ылым, 1972. 285 с.
- 4. **Гай, Г.** Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге / Г. Д. Гай. Москва : Гос. воен. изд-во, 1931. 80 с.
- 5. Гай, Г. Д. В боях за Симбирск : Краткий очерк Гражданской войны в губернии / Г. Гай. Ульяновск : [б. и.], 1928.-43 с.
- 6. Голубев, **А. В.** Первый Советский Главком Вацетис И. И. / А. В. Голубев // Военно-исторический журнал. -1972. -№ 2. -C. 73–83.
- 7. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. Москва : Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
- 8. Давидич, В. И. Жизни своей не щадя: Боевой путь 20-й стрелковой Барановической дважды Краснознаменной, ордена Суворова дивизии / В. И. Давидич. Москва: Воениздат, 1981. 224 с.
 - 9. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Москва: Воениздат, 1969. 884 с.
- 10. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922) : в 4 т. Москва : Воениздат, 1971. Т. 1. 788 с.
- 11. **Ерошкин, Н. П.** История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. Москва: РГГУ, 2008. 710 с.
 - 12. Из истории Гражданской войны в СССР. Москва : Советская Россия, 1960. Т. 1. 832 с.
- 13. **Какурин, Н. Е.** Гражданская война : 1918-1921 / Н. Е. Какурин, И. М. Вацетис. Санкт-Петербург : Полигон, 2002.-672 с.
- 14. **Калнин, О. Ю.** Борьба на Восточном фронте / О. Ю. Калнин // Симбирская губерния в 1918—1920 гг. Ульяновск : Ульянов, книж, изд-во, 1958. С. 33—49.
- 15. **Кляцкин, С. М.** На защите октября: Организация регулярной армии и милиционного строительства в Советской Республике: 1917–1920 / С. М. Кляцкин. Москва: Наука, 1965. 475 с.
 - 16. **Королев, В. Г.** Ян Лацис / В. Г. Королев. Москва : Политиздат, 1980. 144 с.
- 17. **Максаков, В.** Хроника гражданской войны в Сибири 1917–1918 гг. / В. Максаков, А. Турунов. Москва : Госиздат, 1926. 300 с.
- 18. **Ненароков, А. П.** В. И. Ленин и создание Восточного фронта (1918 г.) / А. П. Ненароков // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 3-12.
- 19. Отчет Мобилизационного Отдела 1-й Революционной армии Восточного фронта о деятельности по проведению мобилизации за время с 15-го августа 1918 г. по 1-е мая 1919 г. Саранск: Тип, уездн. Совета, 1919. 159 с.
- 20. **Пайпс, Р.** Русская революция : Большевики в борьбе за власть / Р. Пайпс. Москва : Захаров, $2005. \mathrm{Kh}.\ 2. 720\ \mathrm{c}.$
- 21. **Подшивалов, И.** Гражданская борьба на Урале: 1917–1918: Опыт военно-исторического исследования / И. Подшивалов. Москва: Гос. Воен. изд-во, 1925. 221 с.
- 22. Симбирская губерния в годы гражданской войны (май 1918 декабрь 1920). Ульяновск : Ульянов. книж. изд-во, 1958. Т. 1. 488 с.
 - 23. Советская военная энциклопедия. Москва: Воениздат, 1976. Т. 1. 637 с.
- 24. **Соловьев, О. Ф.** Чехословаки в Пензе / О. Ф. Соловьев // Годовщина Первой революционной армии. Москва: Лит.-издат. отд. Полит. Упр. Революц. воен. совета Респ., 1920. С. 54–56.
- 25. **Стоянов, В.** Сызранская операция, проведенная 1-ой Революционной армией Восточного фронта / В. Стоянов. Москва: Лит.-издат. отд. Полит. Упр. Революц. воен. совета Респ., 1920. С. 63–69.
- 26. **Томан, Б. А.** За свободную Россию, за свободную Латвию : Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти / Б. А. Томан. Москва : Политиздат, 1975. 295 с.
- 27. **Троцкий, В. В.** Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии : хроника событий : в 2 т. / В. В. Троцкий. Самара : Средневолж. книж. изд-во, 1929. Т. 2. 302 с.

- 28. 1918 год на родине Ленина. Куйбышев: Куйбышев. книж. изд-во, 1936. 344 с.
- 29. **Устинов, П. Ф.** Даешь Самару / П. Ф. Устинов // Юность боевая : Воспоминания участников гражданской войны. Ленинград : Лениздат, 1961. С. 154–232.
- 30. **Хатаевич, М. М.** Из воспоминаний о чехословаковщине / М. М. Хатаевич // Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии : хроника событий : в 2 т. Самара : Средневолж. книж. изд-во, 1929. Т. 2. С. 242—249.
- 31. **Хрулев, В. В.** Чехословацкий мятеж и его ликвидация / В. В. Хрулев. Москва : Воен. изд-во народ. комиссариата обороны СССР, 1940. 100 с.
- 32. **Чистов, Б. Н.** Парторганизация в дни гражданской войны / Б. Н. Чистов // 1918 год на родине Ленина. Куйбышев : Куйбышев. книж. изд-во, 1936. С. 20–116.
- 33. **Чистов, Б. Н.** Посланец партии : Очерк военно-политической деятельности Π . А. Кобозева на Восточном фронте : 1918—1919 гг. / Б. Н. Чистов. Москва : Воениздат, 1980. 158 с.
- 34. **Штейнгауз, И. М.** Случай / И. М. Штейнгауз // Сборник воспоминаний непосредственных участников Гражданской войны 1918–1922. Москва: Воен. тип. штаба РККА, 1932. С. 38–42.
- 35. **Шуватов**, **П. А.** В рядах Железной дивизии / П. А. Шуватов // Симбирская губерния в 1918—1920 гг : сборник воспоминаний. Ульяновск : Ульянов, книж, изд-во, 1958. С. 274–284.

Поступила 20.10.2013 г.

Об авторе:

Наумов Евгений Олегович, аспирант кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), naumoveo@mail.ru

Для цитирования: Наумов, Е. О. Оформление военно-организационной структуры 1-й армии Восточного фронта в годы Гражданской войны / Е. О. Наумов // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. - С. 12–21.

REFERENCES

- 1. Harutyunyan V. M. Voenno-organizatorskaja dejatel'nost' A. F. Mjasnikova (Mjasnikjana), 1917–1925 gg. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Military organizational activities of A.F. Myasnikov (Miasnikyan), 1917–1925, autoabstract of cand. historical sci. diss.]. Moscow, 1989, 20 p.
- 2. Berezovsky N. Y. Voennye morjaki na Vostochnom fronte (1918 g.) [Navy sailors at the Eastern Front (1918)]. *Voprosy istorii* Issues of history. 1986, no. 9, pp. 179 184.
- 3. Boevoj put' pervoj revoljucionnoj armii Vostochnogo i Turkestanskogo frontov. Ijun' 1918 Fevral' 1921 gg.: Sbornik dokumentov i materialov [Operational record of the first revolutionary army of the East and Turkestan fronts. June 1918 February 1921: A collection of documents and materials]. Ashgabat, 1972, 285 p.
- 4. Guy G. D. Bor'ba s chehoslovakami na Srednej Volge [The fight against the Czechs in the Middle Volga]. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Publ., 1931, 80 p.
 - 5. Guy G. D. V bojah za Simbirsk [During the battles for Simbirsk]. Ulyanovsk, 1928, 43 p.
- 6. Golubev A. V. Pervyj Sovetskij Glavkom Vacetis I. I. [The first Soviet Commander I. I. Vatsetis]. *Voenno-istorichesky zhurnal* Journal of military history. 1972, no. 2, pp. 73 83.
- 7. Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR: Jenciklopedija [The Civil War and military intervention in Soviet Union. Encyclopedia]. Moscow, 1987, 720 p.
- 8. Davidich V. I. Zhizni svoej ne shhadja. Boevoj put' 20-j strelkovoj Baranovicheskoj dvazhdy Krasnoznamennoj, ordena Suvorova divizii [Even unto death. Operational record of 20th rifle division of Baranovichi]. Moscow, 1981, 224 p.
- 9. Direktivy Glavnogo komandovanija Krasnoj Armii (1917 1920) [Directives of the High Command of the Red Army (1917 1920)]. Moscow, 1969, 884 p.
- 10. Direktivy komandovanija frontov Krasnoj Armii (1917 1922) [Directives of the front command the Red Army (1917 1922)]. Moscow, 1971, vol. 1, 788 p.

- 11. Eroshkin N. P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow, 2008, 710 p.
- 12. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v SSSR [From the history of the Civil War in the USSR]. Moscow, vol. 1, 1960, 832 p.
- 13. Kakurin N. E., Vatsetis I. I. Grazhdanskaja vojna. 1918 1921 [Civil War. 1918 1921]. St. Petersburg, Poligon Publ., 2002, 672 p.
- 14. Kalnin O. Yu. Bor'ba na Vostochnom fronte. Simbirskaja gubernija v 1918 1920 gg. Sbornik vospominanij [Fighting on the Eastern Front (Simbirsk province in 1918-1920 years. Collection of memories)]. Ulyanovsk, 1958, pp. 33 49.
- 15. Klyatskin S. M. Na zashhite oktjabrja. Organizacija reguljarnoj armii i milicionnogo stroitel'stva v Sovetskoj Respublike [Protecting of the October. Organization of regular army forces and creation of militia in Soviet Republic]. Moscow, 1965, 475 p.
 - 16. Korolev V. G. Yan Latsis [Yan Latsis]. Moscow, 1980, 144 p.
- 17. Maksakov V., Turunov A. Hronika grazhdanskoj vojny v Sibiri 1917 1918 gg. [Chronicle of the Civil War in Siberia of 1917 1918]. Moscow, 1926, 300 p.
- 18. Nenarokov A. P. V. I. Lenin and the creation of the Eastern Front (1918) [Lenin i sozdanie Vostochnogo fronta (1918 g.)]. *Voenno-istorichesky zhurnal* Journal of military history. 1968, no. 12, pp. 3 12.
- 19. Otchjot Mobilizacionnogo Otdela 1-j Revoljucionnoj armii Vostochnogo fronta o dejatel'nosti po provedeniju mobilizacii za vremja s 15-go avgusta 1918 g. po 1-e maja 1919 g. [Report of Mobilization department of the 1st Revolutionary Army of the Eastern Front about the mobilization activities during the period from 15th August 1918 to 1st May 1919]. Saransk, Tipografija Uezdnogo Soveta Publ., 1919, 159 p.
 - 20. Pipes R. Russkaja revoljucija [The Russian Revolution]. Moscow, 2005, vol. 2, 720 p.
- 21. Podshivalov I. Grazhdanskaja bor'ba na Urale. 1917 1918 (Opyt voenno-istoricheskogo issledovanija) [Civil fight in the Urals. 1917 1918. Experience of military historical research]. Moscow, 1925, 221 p.
- 22. Simbirskaja gubernija v gody grazhdanskoj vojny (maj 1918 dekabr' 1920) [Simbirsk province during the Civil War (May 1918-December 1920)]. Ulyanovsk, vol. 1. 1958, 488 p.
 - 23. Sovetskaja voennaja jenciklopedija [Soviet Military Encyclopedia]. Moscow, 1976, vol. 1. 637 p.
- 24. Soloviev O. F. Chehoslovaki v Penze. Godovshhina Pervoj revoljucionnoj armii [Czechoslovaks in Penza (Anniversary of the First revolutionary army)]. Moscow, 1920, pp. 54 56.
- 25. Stoyanov V. Syzranskaja operacija, provedennaja 1-oj Revoljucionnoj armiej Vostochnogo fronta [Syzran operation conducted by First Revolutionary Army of the Eastern Front Penza (Anniversary of the First Revolutionary Army)]. Moscow, 1920, pp. 63 69.
- 26. Toman B. A. Za svobodnuju Rossiju, za svobodnuju Latviju [For the free Russia, for the free Latvia]. Moscow, 1975, 295 p.
- 27. Trotsky V. V. Revoljucija 1917 1918 gg. v Samarskoj gubernii: (hronika sobytij) [Revolution of 1917–1918 in Samara province]. Samara, 1929, vol. 2, 302 p.
 - 28. 1918 god na rodine Lenina [1918 at the homeland of Lenin]. Kuibyshev, Kuybyshev Publ., 1936, 344 p.
- 29. Ustinov P. F. Daesh' Samaru (Junost' boevaja. Vospominanija uchastnikov grazhdanskoj vojny) [Give Samara (Combat youth. Memories of the Civil War)]. Leningrad, 1961, pp. 154 232.
- 30. Khatayevych M. M. Iz vospominanij o cheho-slovakovshhine Trockij V. V. Revoljucija 1917 1918 gg. v Samarskoj gubernii: (hronika sobytij) [From the recollections of the Czecho-slovakovschina (Trotsky, V.V. Revolution of 1917–1918. in Samara province)]. Samara, 1929, vol. 2, pp. 242 249.
- 31. Hrulev V. V. Chehoslovackij mjatezh i ego likvidacija [Czechoslovak revolt and its liquidation]. Moscow, 1940, 100 p.
- 32. Chistov B. N. Partorganizacija v dni grazhdanskoj vojny. 1918 god na rodine Lenina [Party organization in the days of the Civil War (1918 in the homeland of Lenin)]. Kuibyshev, 1936, pp. 20 116.
- 33. Chistov B. N. Poslanec partii. Ocherk voenno-politicheskoj dejatel'nosti P. A. Kobozeva na Vostochnom fronte [Envoy of party. Epitome on politico-military activity of P. A. Kobzev at the Eastern theatre of war]. Moscow, 1980, 158 p.
- 34. Steinhaus I. M. Sluchaj. Sbornik vospominanij neposredstvennyh uchastnikov Grazhdanskoj vojny 1918 1922 [The Accident (Collection of memories direct participants of the Civil War 1918 1922)]. Moscow, 1932, pp. 38 42.

35. Shuvatov P. A. V rjadah Zheleznoj divizii. Simbirskaja gubernija v 1918-1920 gg. Sbornik vospominanij [In the ranks of the Iron Division (Simbirsk province in 1918-1920. Collection of memories)]. Ulyanovsk, 1958, pp. 274 – 284.

About the author:

Naumov Evgenij Olegovich, post-graduate student of History of Russia chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), inst-hist@adm.mrsu.ru

For citation: Naumov E. O. Oformlenie voenno-organizacionnoj struktury 1-j armii Vostochnogo fronta v gody Grazhdanskoj vojny [Creation of the military organizational structure of the first army of the Eastern front during the Russian Civil War]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 12 – 21.

ИМПЕРСКИЕ ТРАДИЦИИ ЕВРАЗИИ: ОПЫТ ВИЗАНТИИ И РОССИИ

М. А. Елдин

Византия и Золотая Орда — два источника российской имперской культурной традиции. Русь входила в «Византийское Содружество»; в кочевой империи золотордынцев на положении вассала Русь пребывала более двухсот лет. Именно из этих двух источников Россия заимствовала идеологию и технологию имперской традиции. Это объясняет дуалистическую «универсальность» духовной власти русского государства.

Ключевые слова: традиция, религия, культура, этнос, имперская традиция.

IMPERIAL TRADITIONS OF EURASIA: EXPERIENCE OF BYZANTIUM AND RUSSIA

M. A. Eldin

Byzantium and Golden Horde are two, certainly unequal, sources of Russian Imperia cultural traditions. Rus' was included in the «Byzantine Commonwealth» (D. Obolensky, 1971); its governor in Byzantine hierarchy bore the title ὅ επὶ τραπὲζης οφφίκιος (officiant) of the Emperor. In the Nomadic Empire of the Golden Horde Rus'ranked as a vassal for more than two centuries. Russia took the ideology and technology of the Imperial traditions of the Russians in Eurasia from these two sources. The dualistic «universality» of the spiritual power of the Russian state has originated from the said sources too.

Keywords: tradition, religion, culture, specific ethnic processes, imperial tradition.

При осмыслении процессов социокультурного развития восточноевропейского региона Евразии вне рамок исторических условий воздействия духовного наследия Византии представляется затруднительным и непродуктивным рассматривать специфику российских духовности и религиозной традиции. Автор современных исследований по истории русской философии Е. В. Мочалов отмечает: «Все византийское богословие стремилось к гармоническому сочетанию духовного начала и телесного начала в человеке. Оно стремилось обожить плоть и возвеличить духовное» [5, с. 29]. Значительное влияние на нравственную культуру оказывают именно исторические условия развития народа.

Необходимо отметить, что особенно значимым при анализе современного положения религиозно-социальных

традиций русской духовности является их нравственно-регулятивная функция. В этом плане русское православное наследие имеет единонаправленный вектор воздействия — «исцеление души человеческой». Эта особенность православной культуры особенно четко прослеживается в трудах российских философов.

При характеристике места этносов в имперских системах стоит учитывать определение империи как формы организации геополитического пространства, исторического способа преодоления мировой локальности, установление внутреннего мира, а также межрегиональных экономических и культурных связей. Империя выступает как единство власти, территории и населения. Она подразумевает наличие центра и периферии и имеет свою иерархию, что предполагает различные виды нера-

© Елдин М. А., 2014

венства регионов по отношению к центру. Фактически империя понимается как определенная форма господства и контроля. При этом периферия отличается от центра составом населения, региональными особенностями, политическими и социальными структурами. С точки зрения духовной жизни, единство империи освящается христианством и становится, как всякое утверждение догматической религии, абсолютной и безусловной. Власть императора наполняется духовным содержанием: он становится прежде всего царем христиан, а все иноверцы рассматриваются как потенциальные христиане, еще не просветившиеся светом Евангелия. Острого переживания территориальной неполноты не существует: империя продолжает восприниматься как вселенная, но вселенная освященная, ставшая одновременно реальностью и идеалом [11].

Учитывая, что формирование конфессиональной культуры многих этносов Евразии на территории современной РФ происходило на начальном этапе в условиях распространения языческого мировоззрения, считаем важным рассмотреть процессы, которые привели к созданию определенной социокультурной общности в данном регионе и установлению христианских духовнонравственных традиций.

Современный исследователь и ученый С. А. Иванов аргументированно констатирует обоснование существенной роли православной традиции в основном регионе Золотой Орды (Поволжье), которая генетически восходила к Руси и Византии: «О греческом православии в Золотой Орде данных у нас не очень много. В 1261 г. в столице этого государства была основана епископия, получившая наименование сарайская и переяславская, на которую русский митрополит Кирилл поставил Митрофана» [3, с. 285].

Восстановление Византии и образование независимой Золотой Орды произошли одновременно. Золотая Орда в 1262 г. фактически отделилась

от империи ханов Монголии. Государствам были выгодны мирные отношения, и одним из направлений политики ордынских ханов являлось развитие транзитной торговли между странами Востока и Запада.

Данные исследований сохранившихся остатков ордынских городов и опорных пунктов, относящихся к периоду расцвета Золотой Орды, свидетельствуют о том, что ее уровень культуры и качества жизни был самым высоким среди государств Восточной Европы. Золотоордынские города отличались не только от западноевропейских, но и от восточных. Численность 110 выявленных степных городов была аналогичной населенным пунктам Западной Европы. Наиболее крупные из них являлись не только административными центрами, но и ключевыми пунктами промышленного производства военного и гражданского назначения (металлургического, ювелирного, керамического, стекольного и др.). Мы считаем, что в это время в Орде появилась существенная потребность в соответствующем культурном и экономическом обслуживании степных районов, плотность населения которых была относительно высокой. Отметим, что у таких населенных пунктов фактически не было стен, а значит, и характерных для Западной Европы свобод и привилегий. Население каждого из трех наиболее крупных городов Орды (двух Сараев и Солхата в Крыму) составляло 75-150 тыс. жителей. Общая численность остального городского населения в степи, согласно подсчетам исследователей, составляет 1 млн чел., не считая жителей 39 итальянских городов-колоний Генуи и Венеции, также расположенных на землях Золотой Орды.

Богатство городов, отмечаемое археологами, свидетельствуют о сравнительно высоких культурных запросах как городского, так и степного населения. Специфика Золотой Орды, где существовал религиозный плюрализм, где межконфессиональная рознь преследо-

валась государством, где торговые магистрали проходили по землям, где жили разные народы, говорившие на разных языках, где по своему этническому происхождению государственные чиновники, купцы и воины происходили фактически из всех народов империи, где довольно быстро в городах преобладающей религией населения стал ислам, где универсальным языком общения горожан стал тюркско-татарский, что объективно способствовало консолидации населения в Орде, вела к органичному соединению кочевников и горожан-тюрков.

В 1269 г. византийца Митрофана на посту епископа Сарайского сменил саранский епископ Феогност: «...он представлял в Орде интересы Руси, но с другой – сам он был греком, и Константинополь активно использовал его для сношений с ханами». Так, в 1279 г. русская летопись сообщает, что Феогност возвратился «из Грек, послан бо бе митрополитом к патриарху и царем Менгутемером к царю гречскому Палеологу» [Там же, с. 285]. Таким образом, ордынские власти стремились контролировать византийское влияние имперских духовных институтов на Руси.

В 1270-е гг. связь Золотой Орды с Византией осуществлял Феогност, который ездил в Константинополь по заданию русского митрополита Кирилла и золотоордынского хана Менгу-Тимура. В непростых условиях ордынского иноверческого владычества византийцы стремились по возможности внедрить свою религиозную традицию: «В 1276 г. епископ Феогност адресовал Константинопольскому патриарху Ионанну Векку список вопросов, которые возникли у него в ходе пастырской деятельности среди варваров в Золотой Орде» [Там же]. И действительно: «Ситуация, при которой иерархам приходилось в ступать в бой и проливать кровь, - это самый наглядный пример экстраординарности тех условий, в которых существовал византийский клир в Орде» [10, с. 285]. Между тем пришедшие к процветанию, а отчасти вновь возникшие в XI–XIV вв. города Поволжья и Причерноморья, воспроизведением и возрождением располагавшиеся в аналогичных местах культурно-городских центров золотоордынской эпохи, представляются в широкой исторической перспективе. Урбанисткий проект Золотой Орды — это искусственное насаждение городов в Поволжье, куда сгоняли ремесленников из покоренных стран. Феномен ордынской «гардарики» опирался, как и все государство, на доходы от транзитной торговли и оседлых вассалов.

Без эксплуатации земледельцев и ремесленников кочевническая государственность невозможна. Неслучайно царевич-чингизид получал определенную долю во «внешней эксплуатации»: наряду с элем (люди-кочевники) и юртом (земли для кочевания) ему выделялся инджу (мал, ремесленники и земледельческий район) [Там же, с. 102].

Согласно сообщениям византийского историка Георгия Пахимера, во второй половине XIII в. главную роль в отношении Византии и русских земель играл Ногай – хозяин западных улусов государства, находившихся в Северном Причерноморье. Со временем аланы, зихи, готы, русские и другие народы изучили язык, приняли нравы монголов и татар и сделались их союзниками. Сведения Пахимера свидетельствуют об интенсивной взаимной интеграции татар и населения Северного Причерноморья. При этом перечисленные этносы исповедовали православие и испытывали постоянное влияние греческой культуры [6, с. 15].

Греческое, аланское, готское и русское православное население жило в рассматриваемый период смежно в городах Золотой Орды: Солхат, Кырк-Ер (Чуфут-Кале), Азаке (Азов), Аккермане (Белгород-Днестровский) или зависимых от нее территориях: Херсонес, Сугдея, Кафа, Боспор, Матрега. Их зависимость от Орды была значительной. В Северном Причерноморье в XIII в. существовали православные епархии, ставшие к XIV в. митрополиями (Херсонская, Сугдейская, Готская, Зихо-Матрегская, Вичинская, Алаская и Тан-

ская). Их границы совпадали с государственными, церковная организация повторяла политическую. Кроме этого, все указанные епархии составляли Понтийский диоцез Константинопольского патриарха. Их возвышение до митрополий было обусловлено ослаблением роли Византии и осознанием духовенством необходимости действовать более активно после монгольского нашествия в новой политической и этнической обстановке. Проявлялся также фактор необходимого противостояния католической пропаганде.

В поздневизантийскую эпоху прочеткий слеживается аналитический формат возможных пределов культурного влияния этого государства в Приволжском регионе. Большая Волга с ее многочисленными речными притоками с древнейших времен являлась важнейшей водной магистралью Восточной Европы. Она обеспечивала местным племенам обширные связи с юго-восточными и восточными народностями. Этот регион был местом интенсивных взаимовлияний различных традиций и культур.

Великолепным знатоком географических данных был византийский философ Георгий Гемист Плифон. В своем политическо-географическом трактате «Исправления некоторых утверждений Страбона» при характеристике Восточной Европы он упоминает некоторые территории нашей страны. Автор византийского «перипла» именует ее Росией, которая расположена там, где «...населяют побережье Венедского залива пермии, народ, живущий охотой, а восточнее и южнее их живут мордивы и месторы. Месторы кормятся рыбой из озер в истоках реки Рас (Волга)» [9, с. 382]. Данные Плифона о России были опубликованы впервые [Там же, с. 383].

В применении традиции византийства к полиэтничной среде Поволжья, в XIII–XIV вв. находившемся под властью тюрко-исламских государств, константинопольский патриарх не только проявляет большую терпимость, но

и демонстрирует общие познания о кочевниках и их психологии: «Империя все-таки смогла выработать некую целостную и гибкую идеологию миссионерства, осуществлявшуюся смелыми, предприимчивыми и непредвзятыми энтузиастами» [3, с. 286].

Нельзя не согласиться с тем обстоятельством, что, несмотря на возникавшие перед византийцами и русскими проблемы в поликонфессиональной Золотой Орде, «...православие до какойто степени пустило корни в Орде, о чем свидетельствует найденная в Астрахани иконка местного производства, на которой изображен св. Георгий. Личность святого удостоверяется надписью погречески – однако сам он имеет при этом абсолютно монголоидные черты лица» [7, с. 123].

Возникновение исламского мира еще в регионе Ближнего Востока, в эпоху правления императора ромеев Ираклия вынуждало христиан осмысливать его как некую параллельную культуру. Николай Мистик, патриарх Константинополя, писал: «Две власти, сарацинская и ромейская, превосходят все власти на земле и блистают, как два великих светила на тверди небесной»; «вследствие этого нам необходимо относиться друг к другу по-братски» [12, с.16].

Действительно, очевидно, даже после того, как ислам в правление хана Узбека (1313–1341 гг.) стал официальной религией государства, в отношении зависимого населения правители Золотой Орды не предпринимали никаких активных действий, направленных на исламизацию. Это, разумеется, не исключает отдельных фактов принятия мусульманской религии представителями мордвы, марийцев и удмуртов. Кроме того, заметим, что в числе последних еще с булгарских времен под влиянием соседей-мусульман происходило обособление этносоциальной группы бесермян. Деятели русско-византийской духовной традиции выдвинули защиту своего типа религиозного миропонимания против исламского прозелитизма, сделав акцент на нравственно-этической стороне христианства – человеколюбии.

Исламизация степного мира Золотой Орды совместила два образа инобытия: кочевой и исламский. Однако степной мир продолжал восприниматься как особая империя Джучидо-Чингизидов: в нем признавалось императорское достоинство как османского султана, так и «царя Перекопского» (крымского хана, обладавшего правами на Великую степь) [2, с. 39].

История совершает резкие, подчас непредсказуемые повороты. Народ, казалось бы, обреченный на исчезновение, вдруг начинает активно развиваться. Например, во время 4-го Крестового похода западные крестоносцы в 1204 г. взяли штурмом Византию. На ее месте возникла так называемая Латинская империя, большая часть земель которой была поделена между крестоносцами (в основном французами). Однако в Малой Азии сохранилось небольшое государство-«осколок» Византии – Никейская империя. Оно располагалось между землями турок, сельджуков и латинян, захвативших Византию. Папский престол побуждал монголов к походу против него с целью искоренить остатки православной «схизмы». Несмотря на эти обстоятельства, Латинская империя просуществовала всего 58 лет, и в 1261 г. Византия была восстановлена под властью новой династии Палеологов. В следующие 200 лет на ее территории образовались богословская система св. Григория Паламы и движение исихастов на Афоне, которое оказало решающее влияние на духовную жизнь России, готовившейся дать отпор монголо-татарам. Последователями исихастов были были св. Сергий Радонежский и – позже – св. Нил Сорский. Именно из Византии двух последних веков ее существования Россия получила второй после крещения духовный импульс.

Никейская империя просуществовала всего 57 лет, однако нельзя отрицать значение, которое она оказала на историю Византии, а также спасение и обеспечение дальнейшего развития эллинистической христианской культуры.

Быстрое становление Никейского государства обусловлено спецификой внутреннего развития и географического положения западных районов Малой Азии, а также политикой, проводимой императорами династии Ласкарисов. Внутренняя политика никейских правителей отражала интересы прежде всего средних землевладельцев. Они вместе с зажиточным свободным крестьянством, а также с военными поселенцами (стратиотами и акритами) составляли социальную базу и являлись опорой государства.

Имперская традиция как научное направление только начинает свое формирование, поэтому наукой еще не определено проблемное поле исследований. Однако потребность в таких исследованиях возрастает в связи с тем, что в современном обществе все более отчетливо проявляется тенденция самосознания, самоидентификации и самоутверждения как индивидов, так и народов. Изучение имперской культуры этносов Евразии, определение соотношения моральных универсалий и национально-специфинравственных представлений ческих и норм, а также особенностей преломления в них общечеловеческих моральных требований и норм, являются особенно актуальными.

В эпоху Нового времени вместо сакральных ценностей особой державности «святой Руси» и «Третьего Рима» появлялись другие мировоззренческие доминанты: сциентизм, технократизм и государственный утилитаризм. Наряду с высокими социальными идеалами государство осваивало утилитаристский механизм могущества российской монархии. Господство антитрадиционализма среди властной структуры империи было особенно сильным во внутренних сферах государственной деятельности. Последствия вестернизации во многом имели характер фрагментирующего импульса для судьбы русской духовной культуры.

Современный подход к явлениям традиционности локальных и универсальных форм общества основывается на представлении о единстве общественно-культурного процесса и конкретных исторических особенностей его развития. Сам факт заинтересованности наших соотечественников в духовном наследии, знакомство с ним, возможность обсуждения, оценочного анализа указывает на некую постоянную среди многих переменных — культурные и социальные ценности, жизненные ориентации, которые движут людьми.

Осмысливая духовное наследие прошлого, люди приходят к более глубокому пониманию этических проблем современности. Достижения русской духовной традиции заставляют обращаться к исконным ценностям, которые утвердились в процессе развития обшества.

Также отметим, что основным и систематизирующим на протяжении всей истории Византии было церковно-патристическое направление общественной мысли. В формирование парадигмы общественного развития на ранневизантийском этапе внесли вклад Афанасий Александрийский, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, псевдо-Дионисий Ареопагит и др.

Первое, о чем следует упомянуть при анализе византийского имперского наследия – это проблема оптимизации общего (в том числе историко-философского, общефилософского, общегуманитарного и социального) контекста традиций как типа знания, а также конкретного исследуемого контекста (социологического, политологического и т. д.). Как следствие, встает вопрос о локализации включаемого в окончательный текст соответствующего материала. В результате проблема значения имперского универсализма византийцев сложной и дискуссионной проблемой приоритетов и их иерархии в современном византиноведении.

Идея единой универсальной империи закрепилась в некоторых религиоз-

ных текстах: книге пророка Даниила говорится о переходе всемирной империи; Евангелии — что Августова перепись осуществлялась «по всей земле»; в рождественской стихире, приписываемой византийской монахине Кассии, поется о «единоначалии» Августа на земле; отцы I Вселенского собора приветствуют императора как «царя земли» [8, с. 38].

Своеобразие византийской социально-исторической парадигмальной концепции империи составляли относительно четко выраженные индивидуализм и религиозно-этический оптимизм. Наиболее существенным проявлением христианской культуры Византии в области общественного сознания человека явилась идея «обожения человеческой природы» и соборности как выражение взаимной любви между людьми, которая постоянно интерпретировалась в рамках ортодоксально-ригористского направления (исихазма).

В истории Византии прослеживается перманентное чередование социальных бедствий и военных катастроф с медленным восстановлением общественного и государственного единст-Французский исследователь Фернан Бродель в своей концепции «материальной цивилизации» отмечает, что византийское общество то интенсивно развивалось, то медленно затухало. Рассмотрим данный аспект подробнее, поскольку социокультурная парадигма византинизма оказалась структурообразующей как для традиций народов Российской Федерации, так и других стран.

Балканский и Восточноевропейский регионы на протяжении столетий оказывали влияние на восточноевропейскую духовную парадигму общественного мироустройства. С XV в. ситуация осложнилась соперничеством традиций ислама, православия и католичества. Восточноевропейские общества испытывали влияние Греции, Рима, Византии, Волжской Булгарии, Турции, Золотой Орды и России.

Несмотря на это, современные православные христиане также считают

свою веру единственно истинной. Согласно данным константинопольского патриархата, на сегодняшний день «православная церковь включает в себя около 300 млн чел. по всему миру. Первичный географический ареал распространения лежит в северо-восточном Средиземноморье, Северной и Восточной Европе, а также на Ближнем Востоке. Православная церковь, состоящая из нескольких патриархатов, представляет собой межнациональную федерацию, в которой каждая поместная церковь сохраняет свою независимость, однако остается едина с другими в вере и богослужении» [1, с. 63].

Противоречивость российского подхода к указанной этноконфессиональной проблеме, как показали последние события истории России, проявилась в том, что, с одной стороны, общественные деятели добивались западного признания, а с другой – россияне включались в борьбу за легитимизацию себя как поствизантийского ортодоксального общества. Среди восточнохристианского наследия также возникали проблемы. Например, Грузия – общность, создававшаяся на традициях христианского Востока, – имела полное право претендовать на статус не менее важный, чем Россия в среде ортодоксальных традиций, поскольку Грузинская православная церковь сохранила уникальную чистоту религии в условиях турецкого геноцида, когда религиозность оставалась едва ли не последним оплотом эзотерической православности закавказского народа. Аналогичной была ситуация с Арменией.

Лишенная сакральной санкции, петербургская империя оказалась перед очередной пропастью этнокультурного распада. Этой проблеме было посвящено немало исследований А. Буровского, В. Тросникова и др. Главным положением учения об общественном идеале, сформулированном в работах русских мыслителей Серебряного века, был тезис о духовно целостной, но секуляризированной структуре общественного

сознания как высшей цели всемирного исторического процесса. При этом сущность такой культуры, несмотря на различные терминологические варианты, понималась экуменистично, в духе принципа всеединства.

В настоящее время у народов России наблюдается рост не только этнического, но и конфессионального самосознания, продолжается группирование населения по религиозным направлениям. В этой связи особую актуальность приобретают исследования различных религиозных течений, а также взаимозависимости этнических и конфессиональных компонентов, их роли в самоопределении группы и личности, вопросы культурной жизни. Отметим, что общественная жизнь современного россиянина, определявшаяся через поведение государственных структур регулирования, изменилась. Новые времена утвердили соответствующие им типы социальноморальных отношений людей, которые оказались подчас весьма далекими от исконных нравственных идеалов России. А. Шмеманов справедливо пишет: «Рассмотрение культуры в перспективе самоидентификации определяет особую логику подхода к ней. С одной стороны, культура воплощает в себе результаты осмысления мира, с другой – является способом общения и детального взаимодействия людей друг с другом и с преобразуемым ими природным окружением» [11, с. 15].

Следует отметить, что в среде совосточнославянской здававшейся теллектуальной традиции византийское воспринималось духовное наследие Известный уважительно. достаточно исследователь традиций русской словесности В. В. Кожинов отметил комплиментарность древних традиций Руси и Византии: «...до XVIII в. Византия Руси – в общем воспринималась на и целом – в самом положительном духе, а в последующее время для наиболее влиятельных идеологов характерно негативное отношение к ней <...> и можно без преувеличения утверждать, что

и сегодня очень широко распространена более или менее отрицательная оценка роли Византийской империи в истории России» [4, с. 38].

В переломные моменты исторического бытия Руси поднималась проблема отношения к духовному и культурному наследию Византии. Так, например, в период древнерусского культурно-политического возрождения в XIV-XV вв. подвижнические идеалы Сергия Радонежского, направленные на «духовное врачевание» народного сознания, пробудили русскую землю от «жесточей и неправд» иноземного господства. A в XVI–XVII вв., когда встал вопрос о реформировании русской национальной культуры, популярное на Руси сказание Нестора-Искандера «О взятии Царьграда» утверждало в народе мысль о том, что Московское царство должно стать преемником «тысячелетнего царства» Ромейского и его духовного наследия.

В интеллектуальной элите и Российской империи неуклонно продвигался тезис об имперском православно-теологическом единении сийского общества, что в значительной степени оказалось, во-первых, утопичным, а во-вторых, онтологически несостоятельным в рассматриваемой исторической ситуации, поскольку гносеологически исходила из спекулятивных познавательных предпосылок немецкой классической философии, а не исторически сложившейся социальной реальности. Однако тезис о социальном единстве и духовном преемстве российского общества был услышан, и в этом заслуга отечественной интеллектуальной элиты XIX – начала XX в.

Особенно большую значимость и стабилизирующее социальный порядок культурное влияние имело конструирование новых универсалистских традиций как в СССР, так и странах Восточной Европы. Культурная революция и направленное уничтожение традиций в порядке расчистки почвы для строительства новой культурной реальности

оставили за собой вакуум ценностей и моделей, который сам по себе представлял угрозу для удержания власти. Элиты вели идеологическую борьбу против того, что называлось «пережитками национализма» и «буржуазной культурой» как в высокой, так и в массовой ее ипостасях. В противовес необходимо было создать культуру с социалистическим содержанием, придав ей определенную национальную окраску. Патриарх Константинопольский Варфоломей справедливо отмечал: «...жестокие гонения и беды, постигшие Древнюю церковь, оказались плодотворной почвой для ее роста. И недавние столетия, особенно в России и в Малой Азии, история церкви отмечена преследованиями и нестроениями, определяющими идентичность и формирующими духовность православия. Смирение, выработанное страданием, – специфически православная добродетель, точно определяющая и на глубинном уровне формирующая православное богословие и духовность на протяжении веков» [1, с. 68].

Элиты социалистических режимов целеустремленно создавали новые традиции, конструируя искусственную систему ритуалов — «социалистическую систему празднований». Началось разрушение многовекового уклада внешней жизни религиозных общин, а по сути — всего строя жизни российского общества. Фактически «вероисповедная политика» новых властей была направлена на разрушение устоявшегося веками религиозного строя.

Духовная ситуация времени, которая сложилась в сегодняшней системе отношений личности человека и современного российского социума, может быть признана критической. Пути преодоления кризиса лежат в контексте обращения к истокам российской духовно-нравственной культуры. Высокие достижения византийской и древнерусской культур заставляют нас вновь обращаться к тем ценностным аспектам религии, которые могут быть побудительным мотивом культуросозидающей че-

ловеческой деятельности в сфере современной деятельности общества, инструментом к воссозданию универсального социокультурного пространства [18]. В указанном плане весьма актуальным является теоретический дискурс по проблемам роли публичности религии в современности. По мнению Дж. Бекфорда, одну из форм «управления различиями» в рамках политики мультикультурализма заключается, с одной стороны, в признании религиозных организаций в качестве «сообщества верующих», а с другой в приглашении их к сотрудничеству области предотвращения экстремистской деятельности, обеспечении гражданской лояльности мигрантских сообществ и проведении и межконфессиональных совещаний и круглых столов [13]. В зависимости от политической мобилизованности и ее инициатора в религии можно выделить, по мнению Х. Цусиро, пять видов взаимодействия в рамках публичности религии:

- 1) религия, мобилизованная политиками;
- 2) культура, мобилизованная политиками:
 - 3) религия, мобилизованная культурой:
 - 4) политика, мобилизованная религией;

5) культура, мобилизованная религией [14].

Следует отметить и то, что особенную сложность представляет сопоставление традиционного и инновационного оснований в культуре при рассмотрении традиции как неизменного ядра культуры [15]. Размывание самоидентифкационности в культуре современности, угрожающий массовой деструкцией идентичностей, согласно Дж. Томлинсону, существует, когда разрыв с традиционными практиками и мировоззрением приводит к утрате культурных смыслов и размыванию традиции [16].

В настоящее время многими исследователями отмечались тенденции высокой экономической и политической неопределенности в условиях трансформации культурно-поведенческих стереотипов, обусловленных глобализацией и экуменическими тенденциями [17]. В этой связи возникает вопрос: возможно ли существование духовной культуры в современном обществе? Мы считаем, что ее судьба зависит от того, смогут ли ее потенциальные творцы и адепты отказаться от тех комплексов и мифов, что внедряются сейчас в культурное пространство современного российского общества (в том числе с Запада) ради преображения сознания, времени и жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Варфоломей,** патриарх. Приобщение к таинству: Православие в третьем тысячелетии / патриарх Варфоломей. Москва: Эксмо, 2008. 368 с.
- 2. **Зайцев, И. В.** Между Москвой и Стамбулом : Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV первая половина XVI вв.) : очерки / И. В. Зайцев. Москва, 2004. С. 138.
- 3. **Иванов**, **С. А.** Византийское миссионерство : Можно ли сделать из варвара христианина? / С. А. Иванов. Москва : Языки славян. культуры, 2003. 376 с.
 - 4. Кожинов, В. В. История Руси и русского слова / В. В. Кожинов. Москва : Эксмо-Пресс, 2001. С. 38.
- 5. **Мочалов, Е. В.** Антропологические темы в философии всеединства в России XIX–XX вв. / Е. В. Мочалов. Нижний Новгород : Нижегород. гуманитар. центр, 2002. 303 с.
- 6. **Пахимер, Г.** История о Михаиле и Андронике Палеологах / Г. Пахимер. Санкт-Петербург : Тип. Департамента уделов, 1862. 546 с.
 - 7. Полубояринова, М. Д. Русские люди в Золотой орде / М. Д. Полубояринова. Москва, 1978. 133 с.
- 8. Приветственная речь Императору Константину от I Вселенского Собора // Деяния Вселенских соборов. Санкт-Петербург, 1996. Т. 1. С. 38.
 - 9. Развитие географии // Культура Византии. Москва, 1991. С. 382.

- 10. Султанов, Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды: Судьба и власть / Т. И. Султанов. Москва, 2006. С. 102.
- 11. **Шмеманов, А.** Самоидентификация и культура : монография / А. Шмеманов. Москва : Акад. проект, 2007.-479 с.
- 12. **Флоровский, Г.** Империя и пустыня: Антиномии христианской истории [Электронный ресурс]. URL: http://www.krotov.info/library/f/florov/imperia.html (дата обращения 02.09.2013).
 - 13. Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters. Washington, 1973. № 1. C.16–18.
- 14. **Becford**, **J. A.** The Return of Public Religion? A Critical Assessment of a Popular Claim / J. A. Becford // Nordic Journal of Religion and Society. 2010. № 2 (32). P. 128.
- 15. **Tsushiro**, **H. A.** Multi-dimensional Understanding of public Religion wait Special reference to the Yasukuni Shrine / H. A. Tsushiro // Politics and Religion. 2010. Vol. 4, № 1. P. 58.
- 16. **Belfore**, **E.** Auditing Culture: the subsidized cultural sector in the New Public Management / E. Belfore // International Journal of cultural Policy. 2004. Vol. 10, № 3. P. 281–299.
- 17. **Tomlinson, J.** The Culture of Speed: The Coming of Immediacy / J. Tomlinson. Sage Publications Ltd., 2007.
- 18. **Lebedev, A.** Russian orthodox and protestant individualism as patterns of European thought / A. Lebedev, M. Dungworth. Kazan, 2003. 60 p.
- 19. **Eldin, M. A.** Spirituality of Eastern Europe and Russia as Traditional basis of Russian spiritual culture / M. A. Eldin [et al.] // Middle East Journal of Scientific Research. USA, 2012. Vol. 15, № 7. P. 1054–1058.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Елдин Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), eldin1974@yandex.ru

Для *цитирования*: Елдин, М. А. Имперские традиции Евразии: опыт Византии и России / М. А. Елдин // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 22–32.

REFERENCES

- 1. Varfolomej, the patriarkh. Priobshhenie k tainstvu: Pravoslavie v tret'em tysjacheletii. Vsesvjatejshij vselenskij patriarh Varfolomej [Rapture for the sacrament: orthodoxy in the third millennium. Varfolomei, the Holiest patriarch of Constantinople]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 368 p.
- 2. Zajcev I. V. Mezhdu Moskvoj i Stambulom : Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaja imperija (nach. XV per. pol. XVI vv.): Ocherki [Between Moscow and Istanbul: Jochid states, Moscow and Ottoman Empire (beginning of 14th first half of 16th century): sketch book]. Moscow, 2004, 138 p.
- 3. Ivanov S. A. Vizantijskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz varvara hristianina? [Byzantium missionary work: is it possible to translate a borbarian into a Christian?]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003, 376 p.
- 4. Kozhinov V. V. Istorija Rusi i russkogo slova [History of Rus' and Russian philology]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2001, 38 p.
- 5. Mochalov E. V. Antropologicheskie temy v filosofii vseedinstva v Rossii XIX–XX vv. [Anthropological themes in philosophy of all-encompassing unity in Russia of 19th–20th centuries]. Nizhnij Novgorod, Nizhegorodskij Gumanitarnyj Centr Publ., 2002, 303 p.
- 6. Pahimer G. Istorija o Mihaile i Andronike Paleologah [Story of Mihail and Andronik Paleologs]. St. Petersburg, Tipografija Departamenta udelov Publ., 1862, 546 p.
- 7. Polubojarinova M. D. Russkie ljudi v Zolotoj orde [Russian people in the Golden Horde]. Moscow, 1978, 133 p.
- 8. Privetstvennaja rech' Imperatoru Konstantinu ot I Vselenskogo Sobora [Welcome speech to emperor Constantine from the 1st Ecumenical Council. Acts of Ecumenical Councils]. *Dejanija Vselenskih Soborov* Saint-Petersburg, vol. 1, 1996, 38 p.

- 9. Razvitie geografii. Kul'tura Vizantii [Development of geography. Byzantium Culture]. Moscow, 1991, 382 p.
- 10. Sultanov T. I. Chingiz-han i Chingizidy: Sud'ba i vlast' [Genghis Khan and Chingizids: fate and power]. Moscow, 2006, 102 p.
- 11. Shmemanov A. Ju. Samoidentifikacija i kul'tura : monografija [Self-identity and culture: monograph]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2007, 479 p.
- 12. Florovskij G. Imperija i pustynja: Antinomii hristianskoj istorii [Empire and desert: antinomies of Christian history]. URL: http://www.krotov.info/library/f/florov/imperia.html.
 - 13. Nicholas I Patriarch of Constantinople. *Letters*. Washington, 1973, no. 1, pp.16 18.
- 14. Becford J. A. The Return of Public Religion? A Critical Assessment of a Popular Claim. *Nordic Journal of Religion and Society*, 2010, no. 2 (32), 128 p.
- 15. Tsushiro H. A. Multi-dimensional Understanding of public Religion wait Special reference to the Yasukuni Shrine. *Politics and Religion*. 2010, vol. 4, no. 1, 58 p.
- 16. Belfore E. Auditing Culture: the subsidized cultural sector in the New Public Management. *International Journal of cultural Policy*. 2004, vol. 10, no. 3, pp. 281 299.
 - 17. Tomlinson J. The Culture of Speed: The Coming of Immediacy. Sage Publications Ltd. Publ., 2007.
- 18. Lebedev A., Dungworth M. Russian orthodox and protestant individualism as patterns of European thought, Kazan, 2003, 60 p.
- 19. Eldin M. A. Spirituality of Eastern Europe and Russia as Traditional basis of Russian spiritual culture. *Middle East Journal of Scientific Research*. USA, 2012, vol. 15, no. 7, pp. 1054 1058.

About the author:

Eldin Mihail Aleksandrovich, associate professor of Philosophy chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Philosophical sciences, eldin1974@yandex.ru

For citation: Eldin M. A. Imperskie tradicii Evrazii: opyt Vizantii i Rossii [Imperial traditions of Eurasia: experience of Byzantium and Russia]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 22 – 32.

32

КОНСТИТУЦИЯ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Д. В. Доленко

В статье рассматривается роль Конституции Российской Федерации в политическом развитии государства; анализируется соотношение политической модернизации и исторической преемственности в ее содержании; обосновывается вывод о завершении конституционного перехода от социалистического к демократическому правовому государству; показывается преемственность конституции по отношению к политико-правовому опыту российского государства имперского и советского периодов.

Ключевые слова: Конституция, Российское государство, политическая модернизация, историческая преемственность, демократическое государство.

CONSTITUTION AND RUSSIAN STATE: POLITICAL MODERNIZATION AND HISTORICAL CONTINUITY

D. V. Dolenko

This article examines the role of the Russian Federation Constitution in the political development of the state. The author analyzes the correlation of political modernization and historical continuity in its content. The author justifies the conclusion that the constitutional transition from a socialist to democratic state has completed and shows the continuity of the constitution in the context of the political and legal experience of the Russian state of the Imperial and Soviet periods.

Keywords: Constitution, Russian state, political modernization, historical continuity, democratic state.

Принятие Конституции Российской Федерации на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. является важнейшим этапом в процессе политической модернизации государства, сущность которой - переход к демократии. Начало этому процессу было положено еще в советский период в процессе политической перестройки - радикальных реформ, целью которых было объявлено соединение социализма с демократией. Они способствовали росту и активизации гражданского общества, которое становилось важным фактором радикализации этих реформ и обострения борьбы как в обществе в целом, так и внутри политической элиты. Одним из ее последствий стали острые политические кризисы.

Первый такой кризис, связанный с конфликтом внутри правящей элиты, привел к срыву подписания Союзного договора 1991 г., а затем – заключению Минского (Беловежского) соглашения о прекращении существования СССР. Второй масштабный политический кризис уже в рамках российской политической элиты назрел в 1993 г. и был связан с противостоянием между президентом и Верховным Советом. Он разрешился силовым, неконституционным способом: Верховный Совет был распущен, его руководители арестованы, а вся политическая власть в стране перешла к президенту, его администрации и правительству.

DOI: 10 15507/VMU 024 201403 033

При этом в стране налицо были легитимный и конституционный кризисы:

© Доленко Д. В., 2014

власть была получена неконституционным путем, и таким же путем были внесены изменения в саму Конституцию страны. Что же касается проекта новой Конституции, подготовленного комиссией Верховного Совета, то после роспуска последнего он остался невостребованным. Другой проект был разработан администрацией президента, чья легитимность вызывала сомнение у значительной части общества.

В таких условиях единственным правомерным выходом из затянувшегося политического кризиса могло быть только принятие Конституции на всенародном референдуме. Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ позволило разрешить конституционный кризис, а также сформировать легитимный представительный орган власти и создать правовые основы для дальнейшего политического развития.

С точки зрения содержания, Конституция осуществила радикальную конституционно-правовую модернизацию, ставшую основой настолько же радикальной политической модернизации государства.

На конституционно-правовом уровне произошел переход от социалистического государства к современному, определяемому Конституцией РФ как «демократическое федеративное правовое» [1, с. 4]. Этот переход является значимым событием в мировой истории: он означал окончание первого в мире революционного политического проекта по созданию коммунистического общества. Составной частью этого проекта являлось создание и развитие уникального социалистического государства, первоначальной формой которого была «диктатура городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» [2, с. 199]. После построения основ социализма это государство, согласно Конституции СССР 1936 г., переросло в «социалистическое государство рабочих и крестьян» [Там же, с. 226], а после того как социализм стал «развитым» - в «социалистическое общенародное». Это государство строилось на принципах «социалистической демократии», для которой, согласно Конституции, было характерно отрицание всех либерально-демократических институтов – свободных конкурентных выборов, политического и идеологического плюрализма и т. д. Политическая система «социалистического общенародного государства» имела моноцентрическую структуру: единственная партия руководила всеми государственными органами и системой общественных организаций, с помощью которых осуществляла мобилизацию граждан на реализацию поставленных ею задач.

Такая система считалась «подлинной демократией». Однако во второй половине 1980-х гг. правящая партия начала перестройку – реформы, целью которых была объявлена демократизация общества (фактически это означало признание того, что реальное социалистическое общество не являлось демократическим). Сначала она осуществлялась в виде либерализации культурно-идеологической жизни, а затем - проведения конституционных реформ, кардинально изменявших политические институты: отмены статьи о руководящей партии и, следовательно, легализации многопартийности, введения поста президента и т. д. Преобразования проходили и на уровне как союзных, так и автономных республик. Другими словами, в ходе конституционных реформ рубежа 1980-90-х гг. происходила трансформация советской политической системы в современную, базировашуюся на так называемых уни-(либерально-демократичеверсальных ских) нормах: свободных конкурентных выборах, многопартийности, разделении властей, идеологическом плюрализме. Принятие Конституции РФ завершило этот процесс.

Новое государство базировалось на качественно иных основаниях по сравнению с советским. В экономической сфере Конституция закрепила признание и равную защищенность различных форм собственности, включая част-

ную. Последнее обладало особенной значимостью: институт частной собственности, являющийся неотъемлемым атрибутом всех современных развитых демократических стран, в советском государстве не существовал, а замена ее общественной являлась базовым положением официальной идеологии. В политической и идеологической сферах вместо однопартийной системы и государственной идеологии Конституция установила политическое и идеологическое многообразие; вместо демократического централизма закрепился принцип разделения властей.

Таким образом, Конституция заложила основы качественно нового типа государства, с современными экономическими и политическими институтами, тем самым поставив Россию, с точки зрения ее конституционно-правовых основ, в один ряд с развитыми демократическими странами.

В то же время, осуществив радикальную политическую модернизацию российского государства, Конституция сохранила определенную историческую преемственность. В первую очередь, она была заметна по отношению к досоветскому политико-правовому опыту, достижениям либерально-демократического этапа российской модернизации XIX-XX вв., а также к такому политико-правовому представлявшему акту, основы конституционного государства, как Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Прежде всего она конституционно в более полном виде закрепила те «основы гражданской свободы», которые были не только впервые провозглашены в вышеупомянутом Манифесте, но и в значительной степени реализованы: свободу слова, совести, политических объединений и т. д. Формально права и свободы человека были закреплены и в советской конституции, но они не предполагали свободы объединения в какие-либо политические партии, кроме коммунистической, и какие-либо общественные объединения, кроме руководимых ею. Свобода слова в СССР не допускала критики самого государства, а политическое инакомыслие преследовалось по закону.

Символично, что в названии одной из палат современного российского парламента Конституция буквально воспроизвела название первого российского парламента - Государственной думы. При этом посвященные ей конституционные нормы представляют собой развитие и конкретизацию положения Манифеста, в котором говорилось о роли Думы в законодательной сфере и контроле за исполнительной властью: без ее одобрения ни один закон «не мог воспринять силу» и «чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия поставленных от нас [императора] властей» [3, с. 304–305].

В Конституции закреплено, что «федеральные законы принимаются Государственной Думой» [1, с. 45], а в сфере контроля за исполнительной властью в ее ведении находятся дача согласия на назначение председателя Правительства (этого права дореволюционная Дума упорно, но безуспешно добивалась от царя), решение вопроса о доверии правительству, назначение на должности председателей Центрального Счетной палаты, уполномоченного по правам человека и т. д. Принципиально новым моментом в конституционно-правовом и политическом развитии было закрепление за Государственной думой права выдвижения обвинения против Президента РФ с целью отстранения его от должности.

Очевидно, Конституция РФ опиралась на имперский опыт земского самоуправления при установлении института местного самоуправления. В советском государстве вместо него были организованы местные Советы народных депутатов, составлявшие вместе с Верховными Советами союзных и автономных республик «единую систему органов государственной власти» [2, с. 129]. Кроме этого, российская Конституция опи-

ралась также на опыт демократических государств, где местное самоуправление является одним из важнейших базовых институтов, а также на историю Российской империи. В зарубежных странах местное самоуправление, как правило, юридически не отделено от государства, в отличие от земского самоуправления на губернском и уездном уровнях в Российской империи. Конституция РФ, очевидно, продолжила эту традицию, установив, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» [1, с. 7].

Также в Конституции очевидна и определенная преемственность по отношению к советскому конституционализму. Так, в сфере государственного устройства она опирается не на опыт российской империи, а продолжает советскую традицию, закрепляя федеративное устройство государства. При этом следует отметить, что советский федерализм был сугубо конституционно-правовым феноменом: реальное политическое устройство страны носило жестко централизованный унитарный характер (высшей властной структурой в политической системе была правящая коммунистическая партия, которая строила свою деятельность на основе не федерализма, а «демократического централизма» во всех регионах страны независимо). Однако даже конституционно-правовые основы советской и современной федерации существенно различаются. Первая базировалась на национальном принципе: ее субъектами были национальногосударственные образования (союзные и автономные республики, автономные области, национально-автономные округа); области и края в советской федерации считались лишь административно-территориальными единицами. Конституция же, продолжая традицию Федеративного договора 1992 г., закрепила принципиально новую и уникальную модель федерации, включающую два типа субъектов: национальные и территориальные.

Таким образом, формально продолжив советскую традицию федерализма,

Конституция заложила основы качественно новой формы федерации, отличной и от советской и, очевидно, от всех других, существующих в мире. Кроме того, у нас есть основания утверждать, что эта уникальная федеративная модель не осталась лишь формально-юридическим феноменом, а стала реальной, функционирующей.

Определенную преемственность по отношению к советскому конституционализму можно констатировать и в сфере социальных функций. Советское государство было «социалистическим», Российская Федерация – «социальным». Первое подразумевало широкий круг социальных обязательств; политика второго, согласно его Конституции, также «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Там же, с. 6]. Следует отметить, что понятие «социальное государство» было заимствовано не из советского конституционного права, а из европейского: подобные характеристики впервые появились в XX в. в конституциях Германии, Франции, Испании и др. вследствие тенденции к расширению его социальных функций в условиях рыночной экономики. Логично, что Россия, переходя к рыночной экономике, также закрепила самую современную модель государства в области социальной политики. Кроме того, между социалистическим и современным социальным государством есть существенное различие. Оно заключается в том, что первое было собственником основных средств производства и главным работодателем, тогда как вторму приходится осуществлять свои функции в условиях смешанной экономики, а следовательно, использовать иные механизмы реализации своих социальных функций.

Так же очевидна формальная преемственность Конституции РФ по отношению к Советскому государству в области взаимоотношений с церковью. В СССР, в отличие от Российской империи, церковь была отделена от государства, а школа от церкви; РФ, согласно Конституции, является «светским государством» [Там же, с. 8]. Отметим, что этот феномен не является уникальным достижением советского политико-правового опыта: такая модель взаимоотношений с церковью характерна для большинства современных государств.

Кроме того, между советской и современной моделью светского государства есть принципиальное различие. Советское государство было идеологическим, и необходимо помнить, что атеизм являлся важнейшим элементом его политики. В РФ конституционно закреплен принцип идеологического многообразия, вследствие чего атеизм перестал быть насаждаемым обществу с помощью системы образования и культуры.

В связи с анализом исторической преемственности применительно к Конституции РФ следует отметить, что она в определенном аспекте продолжает политическую традицию как имперского, так и советского периодов, поскольку закрепляет моноцентрическую структуру власти, в рамках которой один институт играет ключевую роль в системе органов власти, обладая самыми широкими полномочиями. В царской России таким институтом был император, который и после появления представительного органа, Государственной Думы, оставался самодержцем, единолично осуществлявшим формирование исполнительной власти, обладавший правом распускать Государственную думу и т. д. В советской политической системе уже на конституционном уровне был закреплен высший политический институт [2, с. 13]. Он осуществлял руководство всеми органами государственной власти, определял перспективу развития общества, «линию внутренней и внешней политики», руководил «созидательной деятельностью народа» и т. д. [Там же, с. 113–114]. В реальной политике роль высшей власти (аналогичную роли императора) выполнял руководитель партии, который, даже не занимая никаких государственных постов, обладал неограниченными полномочиями.

В РФ, согласно Конституции, роль центра власти закреплена за президентом. Именно он выполняет высшие политические функции: во-первых, «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти», во-вторых, «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» [1, с. 33]. Президент обладает широкими полномочиями во всех сферах государственной власти: назначает правительство, руководит внешней политикой, является главнокомандующим, распускает Государственную думу, подписывает законы, издает указы нормативного характера и т. д.

моноцентричная политическая система, соответствующая традиции политического развития страны на протяжении большей части ее истории, очевидно, отражала степень зрелости демократических институтов и гражданского общества РФ, а также исторически сложившейся политической культуре большей части общества. Вероятно, в будущем, в условиях более зрелой демократии и гражданского общества, конституционные изменения с целью перераспределения властных полномочий между президентом и парламентом станут возможными.

Подводя итоги, скажем, что действующая Конституция заложила основы политической модернизации государства и обеспечила определенную преемственность по отношению к предшествовавшему политико-правовому опыту, наиболее ценным достижениям имперской и советской эпох. На обозримый период приоритетом политического развития мы видим не в изменении Конституции, а в том, чтобы действия всех властных институтов на всех уровнях соответствовали конституционным нормам, а гражданское общество было способно обеспечить контроль за их соблюдением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Конституция Российской Федерации. Москва : Юрид. лит., 1993 г. 64 с.
- 2. Конституция общенародного государства. Москва: Политиздат, 1978 г. 247 с.
- 3. Политическая история : хрестоматия. Москва : МНЭПУ, 1993 г. 324 с.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Доленко Дмитрий Владимирович, доктор политических наук, заведующий кафедрой регионоведения и политологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), stamal@rambler.ru

Для цитирования: Доленко, Д. В. Конституция и Российское государство: политическая модернизация и историческая преемственность / Д. В. Доленко // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. - C. 33–38.

REFERENCES

- 1. Konstitucija Rossijskoj Federacii [Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Juridicheskaja literature Publ., 1993, 64 p.
- 2. Konstitucija obshhenarodnogo gosudarstva [Constitution of a nationwide state]. Moscow, Politizdat Publ., 1978, 247 p.
 - 3. Politicheskaja istorija. Hrestomatija [Political history. Anthology]. Moscow, MNJePU Publ., 1993, 324 p.

About the author:

Dolenko Dmitrij Vladimirovich, head of Regionology and Politology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Political sciences, stamal@rambler.ru

For citation: Dolenko D. V. Konstitucija i Rossijskoe gosudarstvo: politicheskaja modernizacija i istoricheskaja preemstvennost' [Constitution and the Russian state: political modernization and historical continuity]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 33 – 38.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

С. И. Малоземов

В статье рассматривается проблема продовольственной безопасности в условиях глобализации и современного состояния обеспечения продовольствием с учетом перспектив, содержащихся в Доктрине продовольственной безопасности.

Ключевые слова: национальная продовольственная безопасность, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, государственное регулирование, продовольственная независимость, зарубежный опыт.

ENSURING THE FOOD SECURITY – THE PRIORITY DIRECTION OF GOVERNMENT ACTIONS

S. I. Malozemov

The article considers the problem of food security in the context of the globalization and current state of providing food security taking into account the prospects specified in the Food Security Doctrine.

Keywords: national food security, Russian Food Security Doctrine, government regulation, food sovereignty, foreign experience.

Продовольственная безопасность предполагает такое состояние агропромышленного комплекса, при котором обеспечиваются продовольственная независимость страны, ее способность противостоять внешним угрозам, а также возможность динамичного устойчивого развития сферы производства и потребления продовольствия. Обеспечение продовольственной безопасности страны тесно связано с решением более общей задачи – достижением уровня гарантирования национальной безопасности – и справедливо ставится с ней в один ряд [2, с. 123].

Первоначально проблема продовольственной безопасности рассматривалась применительно к развивающимся странам и связывалась с недоступностью продовольствия для населения по рыночным ценам. Однако, поскольку

с началом рыночных преобразований в России произошел резкий спад потребления основных продуктов питания и ухудшение калорийности суточного рациона, вызванные снижением платежеспособного спроса, данная проблема проявилась и в развитии России как страны с переходной экономикой.

Вопрос обеспечения национальной продовольственной безопасности имеет не только социально-экономическое, но и политическое значение. Особенную важность он приобрел в переходный период, когда вследствие поспешных и непродуманных преобразований уровень отечественного агропромышленного производства лишь понижался, а ориентация на импорт наносила ущерб базовым отраслям сельского хозяйства, обрекая их на разрушение и деградацию, а значительную часть населения — на нищету

и бедность [5]. Россия была вынуждена расплачиваться за импорт продовольствия невозобновляемыми природными ресурсами и ослаблением своей роли в мировой экономике, торговле и политике. Импортируя в больших объемах продовольствие за счет разорительной продажи природных ресурсов, она финансировала зарубежных товаропроизводителей.

В своем становлении продовольственная безопасность в России прошла несколько этапов. Вплоть до 1998 г. осуществлялся переход от планового снабжения продовольствием к рыночной координации на продовольственных рынках. Либерализация цен и внешней торговли, приватизация, ликвидация дотаций на продовольственные товары, резкое уменьшение доходов населения Российской Федерации привели к серьезному снижению потребления пищи к реализации продовольственных продуктов внутри страны преимущественно по мировым ценам. Федеральное руководство почти полностью устранилось от обеспечения продовольственной безопасности: произошла регионализация в решении этой проблемы. В дальнейшем (с начала 2000-х гг.) стал наблюдаться рост реальных доходов населения, произошло увеличение потребления основных продуктов питания; как следствие укрепления вертикали власти расходы федерального бюджета на АПК, начиная с 2002 г., превысили расходы региональных бюджетов; появились благоприятные условия для самообеспечения улучшения продовольствием.

В Концепции национальной безопасности продовольственная безопасность страны неслучайно выступает в качестве самостоятельного элемента, поскольку сельское хозяйство в большей степени нуждается в государственной опеке.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ, продовольственная безопасность — это способность государства гарантировать удовлетворение потребностей в качественном, экологически чистом продовольствии

на таком уровне, на котором создается нормальная жизнедеятельность всего населения в масштабе страны. В ней также сделан акцент на необходимости создания экономических стимулов для модернизации сельскохозяйственного производства. Например, в отношении тех, кто внедряет и использует экологически чистые и/или энергосберегающие технологии, будут предоставляться соответствующие льготы по налогу на прибыль организаций, имущество, доходы физических лиц, а также земельному налогу [8].

В сфере продовольственной безопасности государство призвано решать следующие первостепенные задачи: проводить аграрную реформу, развивать отечественные сельскохозяйственное производство и продовольственный рынок, уменьшать зависимость России от мирового рынка продовольствия, а также способствовать социальному развитию села, уровень которого в значительной степени определяет платежеспособность потребителей в различных регионах страны.

Следует отметить, что право на защиту от голода вытекает из международных норм и принципов. Так, Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности (Рим. 16 ноября 2009 г.) гласит о необходимости принятия мер на национальном, региональном и глобальном уровнях с целью незамедлительного сокращения числа людей, страдающих от голода, недоедания и отсутствия продовольственной безопасности. Согласно Декларации, основной задачей в этой области является достижение к 2015 г. последовательной реализации права на достаточное питание. Предотвращение глобального продовольственного кризиса невозможно без усиления международной координации и регулирования мер по обеспечению продовольственной безопасности, которое должно осуществляться на основе Глобального партнерства по сельскому хозяйству, продовольственной безопасности и питанию [4].

Очевидно, что принципиальной является необходимость принятия обязательств по увеличению поддержки сельского хозяйства, развитию сельских районов и обеспечения продовольственной безопасности как на национальном. так и международном уровнях. В рамках Глобального партнерства следует сделать решительный шаг в преодолении трудностей за счет сокращения внутреннего и международного нансирования сельского хозяйства, что особенно актуально для нашей страны. Однако, по мнению исследователей в области международного права, большинство гарантий, предусмотренных в национальном и инвестиционном законодательстве России и направленных на привлечение инвестиций из развитых рыночных стран с целью модернизации сельского хозяйства, долгое время носили декларативный характер по причине отсутствия четко разработанных механизмов их реализации [13, с. 85]. В этой связи логичным выглядит утверждение Указом Президента № 120 от 30 января 2010 г. Доктрины продовольственной безопасности РФ (далее Доктрина), содержащей новые положения по привлечению инвестиций и внедрению инноваций в сельском и рыбном хозяйстве.

Активная разработка этой Доктрины началась созданием специальной рабочей группы лишь в июне 2008 г. В октябре того же года министр сельского хозяйства РФ А. Гордеев представил ее проект в Совете Федерации [7]. На важность принятия подобного документа обратили внимание некоторые специалисты, отметив, что он «опаздывает лет на десять» [14, с. 2].

Заметим, что над этим проектом работал не только аппарат Министерства сельского хозяйства РФ, но и научно-исследовательские учреждения, общественные организации и органы местного управления. Кроме того, при разработке Доктрины анализировался опыт законотворчества в сфере обеспечения продовольственной безопасности международных организаций, развитых

государств, входящих в G8, ОЭСР, ЕС и США, Канады, Японии, Германии, Великобритании и Франции; государств с новыми развивающимися экономиками — Бразилии, Индии и Китая; государств — участников СНГ, а также субъектов РФ.

Анализируя ЭТОТ документ, Е. Б. Скрынник, являвшаяся министром сельского хозяйства РФ, характеризовала его следующим образом: «Доктрина представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, основные направления государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности страны». Сам по себе этот документ является базовым и «станет основой для разработки нормативных правовых актов в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов» [9, с. 1].

Стратегической целью продовольственной безопасности страны определялось надежное обеспечение населения безопасными и качественными сельскохозяйственной и рыбной продукцией, сырьем и продовольствием; гарантиями ее достижения должны выступать стабильность внутреннего производства и наличие необходимых резервов и запасов. В систему понятий продовольственной безопасности входит продовольственная независимость, т. е. обеспечение внутреннего рынка в основном отечественной продукцией и существенное снижение зависимости от импорта [11].

Одним из существенных элементов системы продовольственной безопасности является внешнеторговая политика. Она должна основываться на понимании того, что Россия при рациональной аграрной политике в состоянии обеспечивать себя основными продуктами питания (не становясь при этом автаркией), а также на осознании необходимости протекционистской внешнеторговой системы, хотя в Доктрине эти моменты не оговариваются. Прежде всего это означает создание едино-

го экономического пространства с рядом государств - членов СНГ, а также проведение активной внешнеторговой политики с учетом сравнительных преимуществ российского сельского хозяйства. В настоящий момент это проявляется в возможности экспорта пшеницы. Таким образом, в международном плане предполагается проведение протекционистской политики, повышение конкурентоспособности российского сельского хозяйства и, в конечном счете, превращение страны в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира. Это означает создание более благоприятного положения России в мировом продовольственном хозяйстве.

Нововведениями Доктрины являются ее долговременный характер, а также существенная корректировка аграрной, продовольственной и внешнеторговой политики. В реальности это должно выражаться в существенном увеличении роли РФ в корректировке рыночного механизма, государственном стимулировании и решении комплекса проблем продовольственной безопасности в полной мере.

Однако обратим внимание на отсутствие в Доктрине конкретных мер, путей и инструментов для достижения поставленных целей. Она носит, скорее, установочный характер. И для того чтобы этот документ не повторил судьбу законодательных актов, принятых ранее, необходимо создать систему законов и подзаконных актов, а также наполнить эти общие положения конкретным юридическим и экономическим содержанием. Так, в 2006 г. был принят закон «О развитии сельского хозяйства»; кроме этого, функционировала пятилетняя Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг., которая была продолжена аналогичной программой сроком действия до 2020 г.

Учитывая масштаб целей и задач, потребуются огромные усилия российских властей для реализации Доктрины. Так, согласно расчетам, к 2020 г. предполагается увеличить уровень производства продовольствия по сравнению с 2007 г. в 1,9 раза, т. е обеспечить как минимум 6%-ный среднегодовой прирост, что является высоким показателем как в мировых масштабах, так и для реалий российского сельского хозяйства [6, с. 278]. Согласно прогнозам, в конечном счете Россия превратится в одного из ведущих экспортеров на мировом рынке зерна.

Однако после принятия Доктрины среди специалистов возникли разногласия в вопросах определения необходимой степени продовольственной независимости страны. Большинство российских специалистов сходятся во мнении, что ее можно считать достаточной, если удельный вес отечественного продовольствия в общем объеме потребления составляет не менее 80 %. В Доктрине также обозначено, что доля импорта в суммарном потреблении продовольствия в стране не должна превышать 20 %. При этом, в соответствии с рекомендациями продовольственной сельскохозяйственной организации ООН – ФАО, для обеспечения продовольственной безопасности совокупное потребление импортированных продуктов питания не должно превышать 16 %. В США, например, этот показатель соответствует 17 %. Китай также активно стимулирует производство продуктов питания в своей стране и защищает внутренний рынок от импорта продовольствия.

Существует и другое мнение. Так, сотрудники Института аграрных проблем РАН убеждены, что такой «точечный» подход к оценке продовольственной безопасности трудно признать убедительным. Этот вывод основан на том, что доля импорта в потреблении зависит от структурных факторов, а готовые продукты могут производиться из импортного сырья, на импортном оборудовании, либо

на предприятиях перерабатывающей промышленности с преобладанием иностранного капитала [1, с. 361]. Действительно, создание особых условий для российского аграрного сектора, направленных на устранение конкуренции со стороны зарубежных товаропроизводителей, способно обеспечивать страну продовольствием в полной мере. Мы считаем целесообразным сосредоточить усилия на производстве тех товаров, где она добилась относительно большей эффективности, и экспортировать их в обмен на товары, по которым преимущество минимально. В связи с этим в области аграрной политики, по нашему мнению, государству следует не сокращать импорт продовольствия, который приведет к росту внутренних цен, а сосредоточить усилия на наращивании агропродовольственного экспорта. В определенной степени примером удачной реализации такой программы служит Англия, сочетающая максимальное использование собственного производства продовольствия и импортные поставки недостающего количества из экономически зависимых от нее стран – бывших колоний.

В настоящее время институты власти, обеспечивая экономическую безопасность, создавая механизмы реализации и защиты национальных интересов в сфере отечественной экономики, поддерживая социально-политическую стабильность общества, должны учитывать не только объективный рост внешнеэкономических связей, способствующий зарубежных импорту сельскохозяйственных продуктов, но и важность недопущения зависимости от зарубежных Учет этих поставок продовольствия. факторов и разумное их соотношение позволит России стать надежным и независимым партнером на мировом рынке.

Проблема улучшения потребления продовольствия в России и странах с переходной экономикой напрямую связана не с увеличением производства отечественной сельскохозяйственной продукции, а с низкой покупательной способностью населения и высокой дифференциаци-

ей его доходов. Это макроэкономические факторы, и ведущая роль в их преодолении принадлежит государственному регулированию как на федеральном, так и на региональном уровнях. В связи с этим, рассуждая о важности обеспечения продовольственной безопасности страны, следует уделить особое внимание достижению макроэкономической стабилизации, при которой рост экономики обусловливает увеличение доходов населения и спроса. В дальнейшем это определит рост агропромышленного сектора. Также не следует забывать о систематической государственной поддержке с целью активного наращивания объемов производства.

В этой связи обратимся к опыту Евразийского экономического сообщества, в рамках которого действует система как межгосударственного, так и государственного регулирования продовольственного рынка, включающая следующие экономические, организационные и административные меры:

- стимулирование спроса на продовольствие (установление государственного заказа на социально значимые виды продовольствия и продажа его по фиксированным ценам);
- развитие межгосударственных товаропотоков при сезонном субсидировании транспортных затрат;
- стимулирование предложения (в том числе льготное кредитование, развитие лизинга скота, техники и оборудования для переработки, а также установление согласованных гарантированных цен);
- регулирование равновесия продовольственного рынка (проведение в экстремальных ситуациях товарных и закупочных интервенций, создание достаточных национальных и межнациональных продовольственных резервов, внедрение системы регулируемых государствами цен и нормативных индикаторов, регулирование импорта, антимонопольное регулирование, поддержка экспорта конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции) [10, с. 19].

Обращаясь к опыту России в области государственного стимулирова-

ния и регулирования комплекса проблем продовольственной безопасности, обратим внимание на анализ системы государственного регулирования отечественных продуктовых подсистем Г. Г. Файзуллина, который разделяет ее на следующие функциональные блоки:

- 1. Блок формирования базовой экономической среды регулирования:
- создание регламентов функционирования экономических субъектов, обеспечивающих прозрачные условия их экономических взаимоотношений;
- создание системы управления процессами регулирования продуктовых подсистем;
- формирование современной рыночной инфраструктуры, включая обеспечение субъектов рынка достоверной и доступной информацией;
- локализация влияния теневого рынка на продуктовые подсистемы;
- формирование подсистем государственных интересов, способных обеспечить полноценное питание спецпотребителей и бедных слоев населения.
- 2. Блок экономических методов регулирования:
- закупка сельскохозяйственной продукции и продовольствия для государственных нужд и социального обеспечения;
- формирование федерального и регионального продовольственных фондов для проведения товарных и закупочных интервенций;
- система государственных цен на сельскохозяйственную продукцию, заготавливаемую в федеральный и региональный фонды;
- выплата дотаций за конечную продукцию сельского хозяйства;
- льготное кредитование и предоставление кредитных гарантий для осуществления инвестиционных проектов, направленных на увеличение объемов или снижение себестоимости производства той или иной продукции;
- льготное страхование урожая стратегических видов сельскохозяйственных культур;

- дотации к розничным ценам на жизненно важные продукты питания для снижения расходов потребителей;
- регулирование цен на жизненно важные виды продуктов питания с целью сглаживания инфляционных процессов;
- экспортные, импортные таможенные тарифы, субсидии на экспорт продукции;
- налоговые льготы для всех участников цепи производства, переработки и распределения жизненно важных продуктов;
- пропаганда здорового питания и приобретение отечественных продуктов
- 3. Блок административных методов государственного регулирования:
- введение обязательных поставок продукции для социальных и государственных нужд;
- разработка стандартов на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию и контроль за их соблюдением;
- установление квот и других нетарифных ограничений на импорт и экспорт сельскохозяйственной продукции и продовольствия [12, с. 330–332].

Попытки либерализации в России подсистемы государственных интересов путем организации конкурсов и тендеров на поставку продовольствия, не дали положительных результатов, о чем свидетельствует неблагоприятный опыт деятельности Федеральной продовольственной корпорации при Министерстве сельского хозяйства РФ (ФПК). Несмотря на то, что в основе деятельности этой организации лежал принцип рыночной открытости, недостаточная проработанность регламентов функционирования и излишняя коммерциализация деятельности, на наш взгляд, предопределили ее разорение и экономические злоупотребления [3, с. 69]. Опыт ФПК продемонстрировал необходимость качественно новых подходов к регулированию и построению подсистем государственных интересов, основанных на продуктовой специализации, закрытости и строгой регламентации хозяйственной деятельности. Примерами являются «Орловская Нива». «Санкт-Петербургская продовольственная корпорация», «Иркутская продовольственная корпорация», «Чипродовольственная корпорация», «Новосибирская продовольственная корпорация». Эти представительства при поддержке региональных органов управления смогли трансформироваться в эффективных операторов региональных и муниципальных подсистем государственных интересов.

Таким образом, для создания эффективного конкурентоспособного агропромышленного производства необходим механизм государственной поддержки аграрного сектора экономики страны. В целях гарантированного снабжения населения жизненно важными продуктами питания за счет отечественного

производства необходимо обеспечить ежегодные темпы его роста.

Bce вышеизложенные проблемы показывают, что задачу продовольственной безопасности России следует рассматривать как первоочередную. поскольку без обеспечения страны собственным продовольствием и изменения ее роли на мировых рынках общее восстановление экономики будет очень сложным. Очевидно, что решение этой задачи затрагивает не только производственные, но и экономические, социальные и политические аспекты. И теперь, после принятия Доктрины продовольственной безопасности, необходимо не откладывая ставить и решать вопросы о путях и средствах ее осуществления, а главное - о политической воле, особенно необходимой в период экономического кризиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Стратегия развития АПК России в контексте обеспечения продовольственной безопасности / А. А. Анфиногентова [и др.]; отв. ред. Д. С. Львов // Россия в глобализирующемся мире: политико-экономические очерки. Москва: Наука, 2004. С. 353–367.
- 2. **Бобылев, А. И.** Исполнительная власть в России : теория и практика ее осуществления / А. И. Бобылев, Н. Г. Горшкова, В. И. Ивакин. Москва : Право и государство, 2003. 304 с.
- 3. **Быстров, Г. Е.** Вопросы теории аграрного права и методики его преподавания в юридических вузах России / Г. Е. Быстров // Государство и право. 1998. № 11. С. 58—71.
- 4. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/summit2009_declaration.pdf (дата обращения 02.10.2013).
- 5. **Кистанов, С. В.** Динамика развития общественно-политического конфликта на территории мордовского края начала XX века / С. В. Кистанов // Вестник Мордовского университета. 2012. № 3–4. С. 98–107.
- 6. **Назаренко, В. И.** Продовольственная безопасность (в мире и в России) / В. И. Назаренко. Москва : Памятники ист. мысли, 2011.-286 с.
- 7. О состоянии продовольственной безопасности Российской Федерации и мерах по ее обеспечению: тезисы выступления А. В. Гордеева в Совете Федерации Российской Федерации 27 октября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mcx.ru/news/news/show/2820.150.htm.
- 8. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. (с изменениями и дополнениями): распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/194365/ (дата обращения 02.10.2013).
- 9. Скрынник, Е. Б. Доктрина продовольственной безопасности базисный документ агропродовольственной стратегии Российской Федерации / Е. Б. Скрынник // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. -2009. -№ 12. С. 1-6.
- 10. **Тарасов, В. И.** Основные положения концепции обеспечения продовольственной безопасности ЕврАзЭС / В. И. Тарасов, З. М. Ильина, Б. С. Оспанов // Аграрное и земельное право. 2009. № 1. С. 15–19.
- 11. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 [Электронный ресурс]. URL: http://rg.ru/2010/02/03/prod-dok.html (дата обращения 02.10.2013).

- 12. **Файзуллин,** Г. Г. Государственное и муниципальное управление сельским хозяйством в Российской Федерации : теоретические правовые проблемы и пути их решения / Г. Г. Файзуллин. Уфа : РИЦ Башкир. гос. ун-та, 2010. 364 с.
- 13. Фархутдинов, И. З. Инвестиционное право : учеб.-практ. пособ. / И. З. Фархутдинов, В. А. Трапезников. Москва : Волтерс-Клувер, 2006. 168 с.
- 14. **Чкаников, М.** Доктрина на обед: За образец продовольственной безопасности в России принимают американскую модель // Российская газета. 2008. 29 октября. С. 2.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Малоземов Сергей Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), semalozemov@yandex.ru

Для интирования: Малоземов, С. И. Обеспечение продовольственной безопасности — приоритетное направление деятельности государства / С. И. Малоземов // Вестник Мордовского университета. — 2014. — № 3. — С. 39—47.

REFERENCES

- 1. Anfinogentova A. A., Pis'mennaja A. B., Ermolova O. V., Korostelev V. G. Strategija razvitija APK Rossii v kontekste obespechenija prodovol'stvennoj bezopasnosti. Rossija v globalizirujushhemsja mire. Politiko-jekonomicheskie ocherki [The development strategy of the Russian agro-industrial complex in context of providing of food security. Russia in a globalizing world. Political and economic epitome], ed. by D. S. L'vov. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 353 367.
- 2. Bobylev A. I., Gorshkova N. G., Ivakin V. I. Ispolnitel'naja vlast' v Rossii : teorija i praktika ee osushhestvlenija [The Executive Branch in Russia: theory and practice of its conduction]. Moscow, Izdat. dom «Pravo i gosudarstvo» Publ., 2003, 304 p.
- 3. Bystrov G. E. Voprosy teorii agrarnogo prava i metodiki ego prepodavaniya v yuridicheskikh vuzakh Rossii [Issues of theory of agrarian law and its teaching methodology in juridical universities of Russia]. *Gosudarstvo i pravo* State and Law. 1998, no. 11, pp. 58 71.
- 4. Deklaratsiya Vsemirnogo sammita po prodovolstvennoy bezopasnosti [Declaration of international food security summit]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/summit2009 declaration.pdf.
- 5. Kistanov S. V. Dinamika razvitiya obshchestvenno-politicheskogo konflikta na territorii mordovskogo kraya nachala XX veka [Dynamics of development of public policy conflict in the Mordovian territory in the beginning of the 20th century]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* Mordovia University Bulletin. 2012, no. 3 4, pp. 98 107.
- 6. Nazarenko V. I. Prodovolstvennaya bezopasnost (v mire i v Rossii) [Food security (in Russia and abroad)]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2011, 286 p.
- 7. O sostoyanii prodovolstvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i merakh po eyo obespecheniyu. Tezisy vystupleniya A. V. Gordeyeva v Sovete Federatsii Rossiyskoj Federatsii, 27 oktyabrya 2008 g. [On the state of the Russian Federation food security and ways of it supporting. Notes for the statement of A. V. Gordeev at Federation Council of Russia]. Available at: http://www.mcx.ru/news/news/show/2820.150.htm
- 8. Rasporyazheniye Pravitelstva RF ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r O Konceptsii dolgosrochnogo socialno-ekonomicheskogo razvitiya RF na period do 2020 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Order of gthe overnment of Russia d/d November 17, 2008 №1662-r On the concept of long-term social and economic development of Russia till the year 2020]. Available at: http://base.garant.ru/194365/.
- 9. Skrynnik E. B. Doktrina prodovol'stvennoj bezopasnosti bazisnyj dokument agroprodovol'stvennoj strategii Rossijskoj Federacii [Food security policy basic document of agrifood strategy of Russia]. *Jekonomika sel'skohozjajstvennyh i pererabatyvajushhih predprijatij* Economy of agricultural and processing companies, 2009, no. 12, pp. 1 6.

- 10. Tarasov V. I., Il'ina Z. M., Ospanov B. S. Osnovnye polozhenija koncepcii obespechenija prodovol'stvennoj bezopasnosti EvrAzJeS [Bases concepts of food security supporting of EurAsEc]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* Agricultural and land law. 2009, no. 1, pp. 15 19.
- 11. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 janvarja 2010 g. № 120 «Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Edict of the President of the Russian Federation from January 30, 2010 №120 "On maintaining of food security policy of Russian Federation]. Available at: http://rg.ru/2010/02/03/prod-dok.html.
- 12. Fajzullin G. G. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie sel'skim hozjajstvom v Rossijskoj Federacii: teoreticheskie pravovye problemy i puti ih reshenija [State and municipal management in agriculture of Russia: theoretic legal issues and ways of solution]. Ufa, RIC BashGU Publ., 2010, 364 p.
- 13. Farhutdinov I. Z., Trapeznikov V. A. Investicionnoe pravo: ucheb.-prakt. posobie [Investment law: guidebook]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006, 168 p.
- 14. Chkanikov M. Doktrina na obed. Za obrazec prodovol'stvennoj bezopasnosti v Rossii prinimajut amerikanskuju model' [Policy for dinner. American model is taken as a standard for food security policy]. *Rossijskaja gazeta* The Russian Gazette. 2008, October 29, p. 2.
- 15. Malozemov S. I. Transformacionnye processy v Rossii : problemy, tendencii, posledstvija [Transformational processes in Russia: issues, trends, implications]. *Gumanitarij : aktual'nye problemy nauki i obrazovanija* Humanitarian: actual issues of science and education. 2012, no. 4, pp. 41 50.

About the author:

Malozemov Sergej Ivanovich, associate professor of Universal History and World Political Development chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Historical sciences, semalozemov@yandex.ru

For citation: Malozemov S. I. Obespechenie prodovol'stvennoj bezopasnosti – prioritetnoe napravlenie dejatel'nosti gosudarstva [Ensuring the food security – the priority direction of government actions]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 39 – 47.

СОСТОЯНИЕ ФАБРИК И ЗАВОДОВ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЧУГУНА И ЖЕЛЕЗА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX в.

(по материалам правительственных запросов)

Р. С. Тарасов, М. И. Рутковская, Н. В. Раслова

Металлургия является одной из ведущих отраслей промышленности, которые обеспечивают машиностроение, строительство дорог и путей сообщения, а также военную мощь Российской Федерации. Политика правительства должна ориентироваться на поддержание и развитие российской промышленности, что в XIX в. было особенно актуально. Для решения проблем развития металлургии были сделаны запросы о ее состоянии во все регионы страны. Политические события являлись регуляторами принятия действенных мер в этой области. Экономическая политика была направлена на получение финансовых доходов в казну и поэтому ограничивалась поддержанием протекционистских пошлин.

Ключевые слова: экономическая политика, металлургия XIX в., Министерство финансов, административные меры, промышленность.

STATUS OF FACTORIES AND PLANTS ON PRODUCTION OF CAST IRON AND IRON OF THE PENZA PROVINCE THE 19th CENTURY (based on materials of governmental inquiries)

R. S. Tarasov, M. I. Rutkovskaya, N. V. Raslova

The metallurgical industry of a country is one of the leading branches that provide machine building, roads and railways building as well as the military power of the country. The policy of the government should be oriented at support and development of Russian industry. That was especially topical in the 19th century. To solve the problems of developing metallurgical industry the requests on its state all over the country were made. Political events regulated the process of taking the effective measures for the development of industry. The economic policy was oriented towards acquisition of income in the treasury and therefore was limited to supporting protective duties.

Keywords: economic policy, metallurgical industry of the 19th century, ministry of finance, administrative measures, industry.

Материалы о фабрично-заводской, винокуренной промышленности, строительстве и открытии фабрик и заводов, питейных домах и торговых лавках, постройке казенных зданий и другие значимые сведения содержатся в указах Сената, особых протоколах, журналах и ведомостях Пензенского губернского правления. Оно было учреждено в 1801 г. по указу Сената «О восстановлении пяти губерний» как местное

административное учреждение, являвшееся коллегиальным органом при губернаторе. Все государственные структуры на территории губернии были подотчетны губернскому правлению и непосредственно губернатору, «который мог решать дела, не считаясь с общим присутствием». В функции этого органа входили общее административное управление губернии, обнародование законов, указов и распоряжений выс-

© Тарасов Р. С., Рутковская М. И., Раслова Н. В., 2014

ших и центральных учреждений, надзор за их исполнением, решение дел, не требующих разбирательства, а также рассмотрение жалоб на подчиненные учреждения и лица. Наиболее важные дела велись общим присутствием, другие — административно-распорядительными отделами губернского правления, во главе которых стояли советники [1, с. 14–15].

На этом основании все предписания Министерства финансов доводились до сведений гражданского губернатора, который обязывал губернских советников к их выполнению. Так, в 1826 г. городской и земской полиции было предписано «установить и предоставить ведомость о фабриках и заводах за текущий и последующий год». В них должны были быть указаны сведения «о тех фабриках и заводах, которые в 1826 г. в действии не были или совсем уничтожены, с объяснением причин бездействия». Ведомости предоставлялись министерству и подписывались самими фабрикантами или руководителями заведениями [2]. При анализе архивного материала подчеркнем, что к этим ведомостям предъявлялись большие требования о достоверности и достаточности информации.

Такого рода запросы поступали регулярно, что подтверждается дальнейшим изучением архивного материала. Так, в феврале 1857 г. Департамент мануфактур и внутренней торговли при Министерстве финансов поручил начальнику Пензенской губернии «доставлять в министерство финансов ведомости о фабриках и заводах действующих в вверенных им губерниях и сведения о происходящих в них переменах». Эти сведения должны были ДЛЯ обобщения истинного служить положения различных отраслей мануфактурной промышленности с целью решения необходимых вопросов. Гражданский губернатор возложил обязанности на начальника Министерства внутренних дел Пензенской губернии «по примеру прежних лет и согласно предписанию от 13 октября 1856 г. градским и земским полицейским предоставить сведения о фабриках и заводах по форме донесений, какие именно фабрики и заводы в 1857 г. были в бездействии, какие вновь устроены и какие уничтожены» [3]. Таким образом, государство всегда обращалось к местным управлениям с целью контроля (а впоследствии и решения проблем) организации и развития фабричного и заводского дел.

В Государственном архиве Пензенской области в фонде 5 «Канцелярии пензенского губернатора 1800—1858 гг.», содержатся предписания губернскому начальству с требованием ежегодно сообщать определенные сведения о фабриках и заводах, мастеровых, торговле, ярмарках, а также в фонде 6 «Пензенское губернское правление» — сведения о торговле и распространении металлов и изделий из них в сельском хозяйстве.

Однако эти отчеты дают мало информации о действительном состоянии металлургических заводов, находившихся в рассматриваемый период на территории Пензенской губернии. Однако в других источниках, представленных в центральных архивах, существуют подробные сведения о состоянии заводов, производстве, продажах и т. д. Детальное изучение архива позволяет сделать предположение о нежелании управляющих информировать местных чиновников о реальных доходах, получаемых в результате производства: «Вся хозяйственная деятельность наша имеет одну единственную цель - удовлетворение потребностей человека, и, если задаться правильным распределением различных стадий этой деятельности, то на первое место нужно поставить производство, а на конечном месте - потребление <...> с точки зрения национальной и общественной экономии, статистика потребления важней статистики производства» [4, с. 1–2].

В Пензенской губернии существовал Авгорский чугуноплавильный завод, который находился в 35 верстах от Краснослободска около р. Авгор.

Он был построен в 1754 г. Андреем Миляковым, уже имевшим металлургические предприятия на р. Сивинь. Ранее эти заводы принадлежали жене купца Щеканчикова и представляли собой единое хозяйство. Вследствие этого данные об их работе нередко приводятся совместно.

Основу металлургической промышленности составляет руда, которая добывалась и доставлялась из Инсарского уезда местными жителями. На заводе работали крепостные крестьяне, посессионные и вольнонаемные рабочие. Во время Пугачевского восстания в 1774 г. он функционировал три месяца (в 1775 г. производство было остановлено из-за повреждения доменного горна).

Техническое оснащение заводов было недостаточно удовлетворительным: имелась 1 домна и 3 молота, а ежегодная выплавка составляла 25-35 тыс. пудов чугуна. Такой уровень производства сохранялся вплоть до 1830-40 гг. В архивных материалах содержатся сведения о том, что в 1850-х гг. выплавка чугуна стала более активной. В этих же документах имеется перечень произведенных изделий и их суммарная стоимость: штыковой и мелкий чугун – 12 281 руб. 76 коп. серебром; изделия чугунные, литые в формах – 23 171 руб. 80 коп.; изделия и припасы из чугунных вагранок - 16 687 руб. 50 коп. Общая сумма составила 52 141 руб. 6 коп. серебром, а общее количество выплавки чугунных изделий – 65 446 пудов 12 фунтов.

В 1857 г. производство выросло на более чем 45 %. В это время оба завода уже принадлежали мануфактур-советнику Манухину и содержали в числе своего оборудования доменную печь, вагранку, 2 кричных горна, а также 4 водяных колеса и паровую машину (в 48 и 12 сил соответственно). Авгорский завод пользовался сырьем с приписанных к нему рудников в Инсарском уезде при с. Рыбкине, Ефаеве, Шаверки и д. Дергановке. Кроме этого, были арендованы 4 рудника на дачах казенных приисков. Инсарская руда содержала только 25 % железа, тогда как уральская — от 40 до 55 %.

Таким образом, развитие заводов тормозили недостаток руды, технические неполадки и учащавшиеся волнения рабочих, которые требовали повышения заработной платы и «права рубить без ограничения дрова в заводских дачах», что неблагоприятно сказываалось на уровне выплавки чугуна. Происходило постепенное разорение завода, не совершенствовалась техникотехнологическая база (холодное дутье, водяное колесо, старая паровая машина, маломощные молоты). К концу XIX в. продукция составила всего годовая 15 тыс. пудов [5, с. 6–7].

В архиве имеются сведения о Рябкинском металлургическом заводе Пензенской губернии Краснослободского округа, принадлежавшем сыну советника и московского купца Андрея Ивановича Шапкина. Завод был построен по указу государственной Берг-коллегии в 1719 г. на р. Рыбки на крепостной земле, отданной заводу во время генерального размежевания. Согласно ведомости 1805 г., его годовой оборот составлял 16 500 руб. На заводе использовались 1 домна, 7 молотовых горнов, 4 молота [6]. Из железа и чугуна изготавливалась посуда, которая продавалась на ярмарках (Макарьевской, Пензенской, Тамбовской) и при заводе. К середине XIX в. предприятие разорилось.

Рассматривая причины упадка производства этих заводов, необходимо отметить отсутствие технической базы для перехода к индустриализации, низкокачественные руды, ограниченные лесные угодья, нерациональное распределение рабочей силы (основной ее частью являлись крепостные крестьяне, которые не были заинтересованы в развитии производства, поскольку их основная работа и благосостояние были связаны с земледелием).

Оценивая производство этих заводов, заметим, что они являлись типичными для своего времени, однако смогли обеспечить потребности местного населения. Впрочем, следует сказать, что народ в России в рассматриваемый период

был малообеспеченным и не определял производств железа по своему усмотрению, хотя и нуждался в нем: «У нас народ без сомнения, нуждался бы в железе более того, сколько он его употребляет, но слишком беден для приобретения сего металла в большом количестве, и чем выше цена, тем более ограничива-

ется его потребление. Потребность в железе повсеместна. Российские крестьяне не куют своих лошадей и не обтягивают шинами колеса своих телег не по тому, что это излишне, а потому что им слишком дорого. Утверждать противное значит противоречить здравому смыслу и очевидности фактов» [7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Путеводитель по фондам Государственного архива Пензенской области периода до 1917 г. / сост. Л. Н. Кушкова; под ред. Т. А. Евневича. Пенза, 2009. 266 с.
 - 2. Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1229. Л. 1.
 - 3. Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3388. Л. 1–3.
- 4. **Гливиц, И. Б.** Потребление железа в России: Экономико-статистический очерк со статистическими и графическими таблицами в тексте / И. Б. Гливиц. Санкт-Петербург, 1913. 134 с.
- 5. Металлургические заводы на территории СССР с XVI в. до 1917 г. : Абаканский-Иштеряковский. Москва: Ленинград, 1937. Т. 1. 396 с.
 - 6. Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 33–36.
 - 7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 81. Л. 197.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторах:

Тарасов Роман Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), 9023060@mail.ru

Рутковская Марина Ильинична, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), rutkovski@rambler.ru

Раслова Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры экоомической истории и информационных технологий Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), depart-econom-hist@isi.mrsu.ru

Для цитирования: Тарасов, Р. С. Состояние фабрик и заводов по производству чугуна и железа Пензенской губернии XIX в. (по материалам правительственных запросов) / Р. С. Тарасов, М. И. Рутковская, Н. В. Раслова // Вестник Мордовского университета. — 2014. — № 3. — С. 48—52.

REFERENCES

- 1. Putevoditel' po fondam gosudarstvennogo arhiva penzenskoj oblasti perioda do 1917 goda [Penza record office holdings guide (before the year 1917)]. Kushkova L. N.; ed. by Evnevich T. A. Penza, 2009, 266 p.
 - 2. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti [Penza record office holdings]. F. 5, Op. 1, D. 1229, L. 1.
 - 3. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti [Penza record office holdings]. F. 5, Op. 1, D. 3388, L. 1 3.
- 4. Glivic I. B. Potreblenie zheleza v Rossii. Jekonomiko-statisticheskij ocherk so statisticheskimi i graficheskimi tablicami v tekste [Iron consumption in Russia. Economic and statistic outline with statistic and graphic tables in text]. St. Petersburg, 1913, 134 p.
- 5. Metallurgicheskie zavody na territorii SSSR s XVI v. do 1917 g. T. 1: Abakanskij-Ishterjakovskij [Metallurgical plants at the territory of USSR from 16th century till the year 1917. Vol. 1: Abakan-Ishteryakovo]. Moscow, Leningrad, 1937, 396 p.
 - 6. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti [Penza record office holdings]. F. 5, Op. 1, D. 141, L. 33 36.
 - 7. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. F. 1152, Op. 5, D. 81, L. 197.

About the authors:

Tarasov Roman Sergeevich, associate professor of Economical History and Information Technology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Historical sciences, 9023060@mail.ru

Rutkovskaja Marina Il'inichna, associate professor of Economical History and Information Technology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Historical sciences, rutkovski@rambler.ru

Raslova Natal'ja Viktorovna, senior lecturer of Economical History and Information Technology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), depart-econom-hist@isi.mrsu.ru

For citation: Tarasov R. S., Rutkovskaja M. I., Raslova N. V. Sostojanie fabrik i zavodov po proizvodstvu chuguna i zheleza Penzenskoj gubernii v XIX v. (po materialam pravitel'stvennyh zaprosov) [Status of factories and plants on production of cast iron and iron of the Penza province the 19th century (based on materials of governmental inquiries)]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 48 – 52.

ЗАПАДНОЕ И ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 90-е гг. XX в.

С. А. Мальченков

В статье рассматриваются региональные геостратегические приоритеты России в период последнего десятилетия XX в.; показываются уникальные особенности ее геополитической трансформации; анализируется соотношение между западным и восточным направлениями внешней политики России.

Ключевые слова: внешняя политика, геополитика, геостратегические приоритеты, цивилизационный выбор, Европейский союз, Азиатско-Тихоокеанский регион.

WESTERN AND EASTERN DIRECTIONS IN THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA IN 1990s.

S. A. Mal'chenkov

The article is dedicated to the most important regional geostrategic priorities of the Russian Federation in the last decade of the 20th century. The author focuses on unique qualities of the Russian geopolitical transformation. The article analyses the correlation between western and eastern directions of the Russia foreign policy.

Keywords: foreign policy, geopolitics, geostrategical priorities, civilizational choice, European Union, Pacific Rim.

Период становления российской внешней политики в 90-е гг. XX в. характеризируется отсутствием согласия по вопросу о ее приоритетных направлениях. Главный спор разгорелся по поводу выбора между двумя вариантами геополитического курса — западным и азиатско-тихоокеанским.

В течение этого десятилетия идеологи внешнеполитического курса признали, что по интересам России соответствует политика баланса западного и восточноазиатского направлений. Возникло понимание того, что Россия должна быть активным участником процессов в Тихоокеанском сообществе, которое за короткое время превратилось в мировой центр экономики и политики. Однако, согласно замечанию корейского историка Ли Ен Квона, за прошедшие десятилетия Россия оказалась изолированной от экономических и политиче-

ских процессов, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе [1, с, 45].

DOI: 10 15507/VMU 024 201403 053

Наряду с изменением геополитического положения в мире перед государством возникла необходимость строить новую европейскую и азиатскую политику, не противопоставляя одну другой. Идейные дебаты привели к острому спору о том, в чем заключаются истинные интересы России. Министр иностранных дел А. В. Козырев и государственный советник Российской Федерации по политическим вопросам Б. Станкевич разошлись в определении главных направлений российской внешней политики. Первый настаивал на том, что «Россия должна пойти по пути вхождения в западную семью государств и следовать западным нормам, чтобы скорее стать цивилизованным государством». Второй полагал, что в последнее время во внешнеполитической

© Мальченков С. А., 2014

практике России намечаются две линии, которые условно можно обозначить как «атлантизм» и «евразийство», и предупреждал, что «ни одна из этих идей ни в коем случае не может и не должна доводиться до крайности» [1, с. 46].

Основные положения концепции внешней политики РФ появились в самый разгар этих споров. Создатели попытались примирить оба направления, выделив сразу 10 региональных приоритетов: страны Содружества; США; Европа; Азиатско-Тихоокеанский регион; Южная и Западная Азия; Ближний Восток; Африка; Латинская Америка; ООН и другие международные организации; Движение неприсоединения [4, с. 36].

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что такое расширенное толкование не было оправданным. Фактически для реализации примерно половины из заявленных направлений в 1990-е гг. ничего не предпринималось — они остались лишь задекларированными на бумаге [2, с. 177].

Тем не менее список представляет значительный интерес, поскольку на его основе мы можем сделать вывод о своеобразной «иерархии» значимости регионов для России. Рассуждая таким образом, отметим, что западное направление в начале 90-х гг. XX в. преобладало над восточным.

Развитие отношений с США оказались на втором месте в списке региональных приоритетов России во многом по инициативе министра иностранных дел того времени А. Козырева — сторонника западного направления внешней политики. Условия, в которых начали складываться двусторонние отношения, безусловно, были непростыми: государствам предстояло пересмотреть существовавшие подходы, избавиться от наследия «холодной войны».

В российско-американских отношениях последнего десятилетия XX в. четко прослеживаются два этапа:

1) 1991–1996 гг. – время первоначальной «эйфории»; 2) 1996–1999 гг. – период охлаждения отношений.

В первой половине 1990-х гг. встречи лидеров США и России были регулярными и во многом плодотворными. В этот период основной темой переговоров являлись проблемы международной безопасности. Констатируем, что, несмотря на потерю статуса сверхдержавы, Россия по-прежнему оставалась влиятельным субъектом в сфере борьбы с глобальными угрозами.

К сожалению, в других сферах (например, экономической) сотрудничество оказалось не настолько продуктивным. Прежде всего это объясняется тем, что в рассматриваемый период Россия не могла выступать в качестве равнозначного партнера Америки.

В дальнейшем двусторонние отношения не получили должного развития. Новый глава МИД Е. М. Примаков подходил к вопросам российско-американских отношений более скептично; частота контактов между странами в 1996—1999 гг. заметно снизилась.

Кроме того, вторая половина 1990-х гг. ознаменовалась расхождением позиций по вопросу урегулирования конфликта в Югославии. Статус-кво перестал существовать 23 марта 1999 г. в связи с подготовкой военной акции НАТО против Югославии. Председатель Правительства России Е. М. Примаков прервал свой визит в США. Это можно было расценить как начало нового витка напряжения.

В целом период 1990-х гг. в отношениях России и США определим как «эпоху упущенных возможностей»: различные интересы и цели во внешней политике не позволили странам наладить реальное партнерство на взаимовыгодной основе.

Отношения России и Европейского союза в этот период складывались более благоприятно. Это отразили такие важные документы как «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» (1994 г.), «Общая стратегия ЕС в отношении России» (лето 1999 г.) и ответная «Стратегия развития отношений

Российской Федерации и Европейского союза на среднесрочную перспективу (2000–2010)» (осень 1999 г.) [6, с. 18].

После распада СССР главным направлением российской внешней политики являлось вхождение страны в семью европейских демократических государств, сотрудничество с Западом и международными институтами для подтверждения России как ведущей европейской державы — государства, воспринявшего статус СССР. Эта позиция была расценена российским обществом как верная.

Тем не менее итогом почти десятилетия благоприятных отношений оказался глубокий кризис 1999 г. Позиции России и всех без исключения членов ЕС резко разошлись по вопросу о косовском конфликте (европейцы подвергли нелицеприятной критике Москву за ее действия в Чечне), одновременно обострилась полемика вокруг проблемы российского долга Парижскому клубу стран-кредиторов. Все это сопровождалось антироссийскими высказываниями ведущих европейских СМИ [Там же, с. 22].

Ряд европейских авторов справедливо указывает на то, что за 1990-е гг. Россия не выработала единой и скоординированной политики в отношении ЕС. Она всегда поддерживала отношения по отдельности с Великобританией, Германией, Францией, Италией и другими странами Европы, но никогда — с Европейским союзом как таковым. Такое отношение к ЕС российская внешняя политика унаследовала от СССР [Там же, с. 25].

Осложнение ситуации мы видим в том, что обе стороны находились в процессе трансформации: для Европы он заключался в расширении Евросоюза и углублении степени его интегрированности вплоть до включения оборонного компонента; для России — во внутренней стабилизации и формировании осознанной внешней политики.

Отношения со странами Востока в первой половине 1990-х гг. были второстепенным направлением интересов России. По мнению дел А. В. Козырева, «выпячивание восточного направления

нашей политики... превращает евразийство в азиатчину...» [1, c. 23].

В этот период Россия, исходя из «приоритета экономической дипломатии», ограничилась вниманием к Японии, рассчитывая разрешить территориальный спор и заключить мирный договор, чтобы на этой основе всесторонне улучшить отношения между двумя странами. Надо отметить, что сотрудничество с Японией рассматривалось не как с восточноазиатской, а, скорее, как с западной державой, обладающей большой экономической мощью.

События следующих лет показали, что подход, основанный на недооценке восточного направления российской внешней политики, является ошибочным. Впоследствии во внешнюю политику России были внесены некоторые коррективы. Поездки Б. Н. Ельцина в КНР и Южную Корею в конце 1992 г. явились началом изменения внешнеполитического курса российского правительства.

Одним из крупнейших торговых партнеров России стал динамично развивающийся Китай. 25 апреля 1996 г. Б. Н. Ельцин и Председатель КНР Цзян Цзэминь подписали в Пекине Совместную российско-китайскую Декларацию о стратегическом взаимодействии в XXI в., в соответствии с которой стороны провозгласили свою решимость развивать отношения равноправного доверительного партнерства.

В конце 1997 г. произошло официальное принятие РФ в АТЭС – ведущую структуру по выработке стратегии экономической интеграции в регионе [5, с. 142]. Членство в этой влиятельной организации, официально оформленное в ноябре 1998 г., не только позволило России получить значительные преимущества в торговле, но и усилило ее политические позиции.

Следует отметить, что значимость Азиатско-Тихоокеанского региона для экономического развития России в 1990-е гг. была оценена по-новому. В связи с утратой ею ряда портов на Балтийском и Черном морях дальневосточ-

ные порты приобрели «стратегическое значение» для международных коммуникаций. Россия впервые была поставлена перед необходимостью формулирования собственных национальных и экономических интересов в данном регионе, а также разработки стратегии сотрудничества, соответствующей новой расстановке сил между ведущими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона [Там же, с. 146].

Заметим, что азиатско-тихоокеанское направление стало единственным во внешней политике РФ, где в конце 1990-х гг. можно было ожидать прогресса, в отличие от советского периода. Это в первую очередь объясняется значительным повышением роли Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой политике и экономике.

Подводя итоги, отметим, что анализ положения России на международной арене в 1990-х гг. свидетельствует о значительных трудностях в определении внешнеполитической стратегии. Не всегда лидеры государства принимали во внимание то, что Россия — евразийское государство, и в силу его географического положения, исторического опыта, политических и экономических условий внешнеполитические приоритеты страны должны быть направлены

в равной степени и на Запад, и на Восток. Также заметим, что ни по одному из обозначенных в «Основных положениях концепции внешней политики» региональных направлений поставленные задачи не были решены в полной мере.

В сотрудничестве с США России не удалось добиться статуса равноправного партнерства — слишком разным оказался «геополитический вес» государств. Отношения со странами ЕС и НАТО оказались испорченными в связи с дефолтом 1998 г. и войной в Югославии 1999 г. Фактически отношения с Западом в первой и второй половине 1990-х гг. противоположны по своим результатам.

Что касается других региональных направлений, то они оказались на задворках внешнеполитической стратегии России по причине дефицита геополитических ресурсов. Ощутимый успех был достигнут лишь в отношениях со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Почти такими же неоднозначными были в 90-е гг. российские достижения в реализации внутриполитических приоритетов, а также интересов в сфере глобальной политики [3, с. 62]. Все это означало, что большую часть из поставленных в 1992—1993 гг. задач государству придется решать в XXI в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Квон, Ли Ен.** Внешняя политика России в 1990-е гг.: проблемы и тенденции / Ли Ен Квон // Москва, 1999. 191 с.
- 2. **Мальченков, С. А.** Геостратегия России: внутренние и внешние приоритеты / С. А. Мальченков // Известия Российского педагогического университета имени А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2008. № 26 (60) С. 176–181.
- 3. **Мальченков, С. А.** Реализация геостратегических приоритетов во внутренней политике России в 1991–1999 гг. / С. А. Мальченков // Вестник Мордовского университета. 2012. № 3–4. С. 60–63.
- 4. Основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России: 1991-2002: хрест. в 4 т. / ред.-сост. Т. А. Шаклеина. Москва, 2002. Т. 4. С. 19-50.
- 5. **Попова**, **Л. В.** Формирование системы экономических интересов России в АТР : (На примере развития российско-китайского сотрудничества) : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / Л. В. Попова. Санкт-Петербург, 1999. 302 с.
- 6. **Худолей, К. И.** Отношения России и Европейского союза: новые возможности, новые проблемы / К. И. Худолей; под ред. А. Мошеса. Москва: Гендальф, 2003. 119 с.

Об авторе:

Мальченков Станислав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и политологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), stamal@yandex.ru

Для цитирования: Мальченков, С. А. Западное и восточное направления во внешней политике России в 90-е гг. XX в. / С. А. Мальченков // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. - C. 53-57.

REFERENCES

- 1. Lee Yeon Kwon. Vneshnjaja politika Rossii v 1990-e gody: Problemy i tendencii [Russian Foreign Policy in the 1990s: Issues and Trends]. Moscow, 1999, 191 p.
- 2. Malchenkov S. A. . Geostrategija Rossii: vnutrennie i vneshnie prioritety [Russian geostrategy: domestic and foreign priorities]. *Izv. Ros. ped. un-ta imeni A.I. Gercena* Reports of Herzen State Pedagogical University of Russia. St. Petersburg, 2008, no. 26 (60), pp. 176 181.
- 3. Malchenkov S. A. Realizacija geostrategicheskih prioritetov vo vnutrennej politike Rossii v 1991-1999 godah [Implementation of geostrategic priorities in Russia's domestic politics during 1991–1999]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* Mordovia University Bulletin, «Historical sciences» series. 2012, no. 3 4, pp. 60 66.
- 4. Osnovnye polozhenija Koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. Vneshnjaja politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii, [Main provisions of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Foreign and Security Policy of modern Russia. 1991–2002]. Moscow, 2002, Vol. 4, pp. 19 50.
- 5. Popova L. V. Formirovanie sistemy jekonomicheskih interesov Rossii v ATR (Na primere razvitija rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva) [Formation of Russia's economic interests in the Asia-Pacific region (the example of development of Russian-Chinese cooperation), autoabstract of Cand. Econ. Sci. Diss.]. St. Petersburg, 1999, 302 p.
- 6. Khudoley K. I. Otnoshenija Rossii i Evropejskogo sojuza: novye vozmozhnosti, novye problemy. Rossija i Evropejskij sojuz: pereosmyslivaja strategiju vzaimootnoshenij [Relations between Russia and the European Union: new opportunities, new challenges. Russia and the European Union: rethinking of relations strategy]. Moscow, Gandalf Publ., 2003, 119 p.

About the author:

Mal'chenkov Stanislav Aleksandrovich, associate professor of Regionology and Politology chair, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Historical sciences, stamal@yandex.ru

For citation: Mal'chenkov S. A. Zapadnoe i vostochnoe napravlenija vo vneshnej politike Rossii v 90-e gg. XX v. [Western and Eastern directions in the foreign policy of Russia in 1990s]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 53 – 57.

КУРТАГИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ СВЕТСКОГО ПРИДВОРНОГО ОБЩЕНИЯ В РОССИИ XVIII в.

Е. А. Скоппова

В статье описывается одна из форм дворянского интеллектуального досуга в России XVIII в. – куртаги – ориентированная на обязательное обсуждение различных вопросов научной, военной, искусствоведческой сфер, а также бытовых проблем.

Ключевые слова: куртаг, дискуссия, тематика бесед, светское общение, салонная речевая культура.

KURTAGS AS ONE OF CIVIL COURT COMMUNICATION FORMS IN RUSSIA IN THE 18th CENTURY

E. A. Skoptsova

One of the forms of the nobiliary social activities is touched in the article. Kurtags of the 18th century in Russia were an element of the European semiotic system, a sort of diffusion provided the mutual cooperation of Russian and European culture. Kurtags as a style of social behavior existed quite long and based on discussing art, science, military and everyday issues.

Keywords: kurtag, discussion, topics of conversations, secular communication, small talk.

В последние десятилетия появился ряд серьезных работ, посвященных русской культуре XVIII в. [2–3; 5; 7; 9]. Однако многие частные вопросы, связанные с этой темой, остаются малоизученными. Цель данной статьи — на основании мемуарных и документальных источников представить характеристики куртажных собраний как одной из форм интеллектуального досуга российского дворянства XVIII в.

После правления Петра I вместо ассамблей была введена новая форма придворных развлечений: именным указом Екатерины I от 11 января 1727 г. было «велено еженедельно по четвергам в пятом часу пополудни собираться в доме императорского величества на курдах или съездах» [14].

Слово *куртаг* образовано слиянием двух лексем: фр. *cour* (двор) и нем. *tag*

(день) [18]. В Словаре современного русского литературного языка представлено следующее значение понятия куртаг: «Прием, приемный день в царском дворце» [13, с. 1878]. В отличие от петровских ассамблей куртаги устраивались только при дворе монарха.

Куртаги являлись заимствованной формой увеселения российских коронованных персон, о чем свидетельствуют описания придворной жизни французского, прусского, датского, польско-саксонского и английского дворов, составленные российскими послами графами Г. Гроссом, Г. К. Кейзерлингом, П. И. Паниным и А. П. Бестужевым-Рюминым. Согласно этим описаниям-реляциям, куртаги существовали при дворе Вены, Варшавы, Дрездена, Версаля и т. д. [12].

«Церемониальный камер-фурьерский журнал» (КФЖ) содержит сведения о регулярно проводившихся куртагах. Что касается частотности куртажных дней, согласно КФЖ, каждый монарх имел свои предпочтения: Екатерина I — четверг; Анна Иоанновна, Петр II, Елизавета Петровна — воскресенье и четверг; Екатерина II — воскресенье и среда; Павел I — воскресенье.

Куртаги представляли собой культурное пространство, в рамках которого сосуществовали следующие элементы:

- беседа;
- игра;
- музыка.

Куртаги имели корпоративный характер, поскольку проводились только для высших представителей дворянского сословия. При Екатерине I на придворные собрания приглашались лица не ниже 7-го класса Табели о рангах, а также иностранные министры [10, с. 64]. Аналогичные требования к статусу участников куртагов сохранились до конца XVIII в. Подробные сведения о присутствовавших на куртагах высокопоставленных лицах эпохи Екатерины II содержатся в «Записках Семена Порошина» [11, с. 129, 228, 276, 461]. Таким образом, куртаг – это придворформа досуга, отличительным признаком которой являлось ние на суперсоциальной дистанции [6, с. 105–107], под которой понимается регистр общения между партнерами высшего социального статуса. Следует подчеркнуть интернациональный характер куртагов, поскольку в процессе них происходило общение императорского двора и российской элиты с иностранными послами и министрами.

Благодаря участию в куртагах монархи могли отвлечься от повседневных государственных дел. В связи с этим 17 февраля 1732 г. появилось распоряжение Кабинета министров о недопустимости на куртагах письменно или словесно «подавать прошения» императрице [1, с. 7]. Факты, взятые из «Записок...» Порошина [11, с. 125, 153, 347,

373, 389–390, 467], свидетельствуют о том, что во время куртагов за бильярдным или карточным столом проходила непринужденная светская беседа, сопровождавшаяся нередко соревновательным остроумием и даже легким подтруниванием:

- 7 ноября 1764 г. «Лев Александрович [обер-шталмейстер граф Нарышкин. Е. С.] передразнивал турецкого посланника, также гр. Ржеутского, как он Государыне речь на аудиенции говорил, и еще комедианта Репо, который в опере, называемой: "молошница", наряжался в медведей»;
- «Ея Величество сегодня быть изволила в Новодевичьем монастыре <...>. Изволила спрашивать шутя [23 ноября 1764 г.] у Великого Князя, не хочет ли он тут же жить с девушками»;
- 31 июля 1765 г. «Я [Порошин. E. C.] разсказывал на ухо Захару Григорьичу [генерал-фельдмаршалу графу Чернышову. — Е. С.] один анекдот о Его Высочестве. Государыня, приметя сие, изволила, оборотясь к гр. Захару Григорьичу, спросить; пожалуй, скажи, што тебе Семен Андреич разсказывал?»;
- -14 августа 1765 г. «шутили и разные загадки загадывали, как на пример: что не сядет другой на том месте, где я сидел; что два яйца одно за другим на-тощак не съесть; је ne suis pas ce que је suis, car si j'йtais ce que је suis, је serais un впе [я не тот, кто я есть, если бы я был тем, кто я есть, я был бы ослом. -E. C.]»;
- «Государыня во время игры [29 августа 1765 г.] разсуждать изволила, как бы тогда жили, если бы комета нас с собой утащила, и мы бы хрустальными сделались. Ея Величество очень сей мыслию изволила забавляться, и шутить весело, остроумно и замысловато»;
- -18 октября 1765 г. «фрейлины шпыняли [посмеивались. -E. C.] над страстью Великого Князя к его возлюбленной [фрейлине А. П. Шереметевой. -E. C.]».

Таким образом, завсегдатаи куртагов отходили от требований парадного, официального этикета, вели себя просто и непринужденно.

Кроме этого, в ходе подобных мероприятий обсуждались бытовые проблемы, например, предстоявшие путешествие (27 февраля 1765 г. «Ея Величество говорить изволила, что она будущим летом намерена проехать ладожским каналом и вверх по реке Волхову, c'est trus nucessaire, plus nucessaire que vous ne vous imaginez peut-кtre [это намного важнее, чем вы себе представляете. -E. C.]»); затрагивались вопросы военной сферы (27 июля 1765 г. «Петр Ив. [генерал-аншеф граф Панин. – E. C.] разсуждал о действиях артиллерии, отдавая преимущество старой перед новоизобретенными гоубицами Шуваловскими»); научная проблематика (11 марта 1765 г. «...между прочим граф Григорий Григорьич [Орлов. – E. C.] заговорил о Физике и упомянул о гремящем золоте, aurum fulminans, то пристал Его Высочество к речи и спорил против Григория Григорьича»); вопросы искусства (31 июля 1765 г. «...как игры окончились и все встали, изволила Ея Величество смотреть миниатюрный портрет гр. Федора Григорьича Орлова, который очень искусно и схоже написан живописцем Датским») [Там же, с. 288, 339, 305, 347].

В куртажной беседе непосредственное участие принимали также иностранные послы и министры |Там же, с. 109, 139, 501, 521], присутствие которых требовало использования российской аристократией иностранных языков. Более того, иноязычная речь Екатерины II и ее приближенных (примеры представлены выше) свидетельствует о том, что общение между представителями российского дворянства происходило на иностранных языках. Ю. М. Лотман подчеркивает естественность их употребления дворянской элитой: «Перед нами не прихоть моды и не гримаса невежества, а характерная черта лингвистического процесса. В этом смысле употребление иностранных языков составляет элемент русского культурного языкового общения» [8, с. 65].

Важной составляющей куртагов были карточные игры, реже – бильярд.

Посещавший куртаги в 1735–1736 гг. шведский ученый К. Р. Берк писал, что при дворе Анны Иоанновны «время проводят за jeux de commerce [азартные игры. — E. C.], но ставки порядочные. Сама императрица играла в пикет или на бильярде» [4, с. 155]. В эпоху Екатерины II карты и бильярд также пользовались популярностью. Например, на куртаге 9 марта 1765 г. «Ея Величество изволила играть в карты в ломбер с графом Кирилой Григорьевичем Разумовским и с Григорием Григорьевичем Орловым. Его Высочество начал играть в билиард с камер-юнкером Баскаковым. В других углах были также игры: партию в ломбер играли Николай Иванович Зеновьев, граф Федор Григорьич Орлов и Иван Иваныч Юшков; другую партию в ломбер же играли генерал князь Александр Михайлович Голицын, Граф Роман Ларионович Воронцов и гвардии майор князь Матвей Александрович Гагарин. В четвертом углу фрейлины с кавалерами в берлан играли» [11, с. 302]. Подобные сведения часто встречаются в «Записках...» Порошина [Там же, с. 276, 284, 319, 355, 544].

Музыка на куртагах являлась преимущественно фоном, сопровождавшим общение и игры. Во время Великого поста она не звучала [Там же, с. 313; 15, с. 102, 112].

Исполнителями на куртагах являлись певцы и инструменталисты, часто обладавшие мировой известностью. Во время Анны Иоанновны предпочтение отдавалось итальянским композиторам и музыкантам: Ф. Арайи, Л. Мадонису, Д. Далольо, К. и Ф. Джиорджи, Р. и Дж. Бон и др. Исполнялись их арии, сонаты и кантаты [19, с. 80, 83].

Музыкальный репертуар куртагов эпохи Елизаветы Петровны можно восстановить при помощи некоторых косвенных данных. Так, например, запись в КФЖ от 26 апреля 1756 г. о количестве подвод и экипажей, необходимых для доставки музыкантов во дворец в «куртажные дни», дает возможность составить представление о том, как строи-

лись программы. В этой записи упомянуты капельмейстер Ф. Арайя, «Мадониус скрипач», певцы Д. Карестини и Л. Салетти, певицы Ш. В. Шлаковская и К. Джорджи, а также «12 персон» без уточнения рода их деятельности (видимо, оркестровые музыканты). Певцы исполняли, вероятно, арии из опер, которые ставились на петербургской придворной сцене; два скрипача, помимо сопровождения певцам, могли играть соло. Возможно, оркестр также исполнял самостоятельно какое-нибуль произведение. Я. Штелин подчеркнул высокий профессионализм придворных музыкантов: «Изящный вкус и тонкое понимание так развились при дворе, что здесь могло иметь место только истинное искусство» [Там же, с. 87].

В период царствования Екатерины II КФЖ часто сообщал о проводимых куртагах, но, к сожалению, не фиксировал информацию о репертуаре и исполнителях, а ограничивался указанием на то, что во время мероприятия играла «обычная Италианская музыка», «вокальная и инструментальная музыка», «пели певчие», «ЕИВ изволила с кавалерами забавляться в карты; причем играно на скрипицах» [16, с. 30, 32, 40, 41, 43, 46, 61, 63, 68, 71; 17, с. 11, 16, 35, 97, 122, 201, 219]. Восторженные отзывы о куртажной музыке эпохи Екатерины II

содержатся в «Записках...» Порошина: 26 ноября 1765 г. «...музыка чрезвычайно хороша, огромна и приятна; если прилежно вслушаешься, то сердце восхищается. Ее Величество чрезвычайно оною довольна»; 27 сентября 1765 г. «...на клавикордах играл и оркестром управлял славный в Европе капельмейстер Г. Б. Галуппи. Музыку слушали все с крайним наслаждением» [11, с. 435, 518].

Таким образом, говоря о куртагах как одной из форм дворянского интеллектуального досуга в России XVIII в., акцентируем внимание на следующих моментах:

- куртаги ассимилированный в России элемент европейского придворного развлечения, где общение происходило на суперсоциальной дистанции, т. е. коммуникантами выступали лица с высшим статусом;
- в процессе общения высокопоставленные персоны отходили от правил официального этикета;
- понятие «светское общение» на куртагах реализовывалось через симбиоз беседы, игры, музыки; последняя являлась важным семиотическим элементом, отражавшим художественный вкус высших слоев общества;
- употребление иностранных языков выполняло роль «этикетного маркера» являлось показателем принадлежности к высшей аристократии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Агеева, О. Г.** Увеселения русского двора от Петра I до Екатерины Великой / О. Г. Агеева // Отечественная история. -2006. -№ 5. C. 3-15.
- 2. **Артемова, Е. Ю.** Культура России глазами посетивших ее французов (последяя треть XVIII в.) / Е. Ю. Артемова. Москва : Инст. Рос. истории, 2000. 254 с.
- 3. **Беляцкая**, **А. А.** Культурообразующие функции придворного российского этикета в первой половине XVIII в. : дис. на соиск. учен. степ. канд. наук / А. А. Беляцкая. Саранск, 2007. 163 с.
- 4. **Берк, К. Р.** Путевые заметки о России / К. Р. Берк; пер. Ю. Н. Беспятых // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях : Введение. Тексты. Комментарии. Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1997. С. 111–302.
- 5. **Воробьев, Ю. К.** Заподноевропейские языки в русской культуре XVIII в. / Ю. К. Воробьев, И. В. Седина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 232 с.
 - 6. **Карасик, В. И.** Язык социального статуса / В. И. Карасик. Москва : «Гнозис», 2002. 333 с.
- 7. **Курочкина, И. Н.** Взаимодействие этикета, обычаев и традиций в русском обществе второй половины XVIII в.: (историко-культурологический аспект) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. наук / И. Н. Курочкина. Москва, 1997. 30 с.

- 8. **Лотман, Ю. М.** Семиосфера / Ю. М. Лотман. Санкт-Петербург: Искусство, 2000. 704 с.
- 9. **Лотман, Ю. М.** Беседы о русской литературе: Быт и традиции русского дворянства (XVIII начало XIX в.) / Ю. М. Лотман. Санкт-Петербург: Искусство, 1994. 412 с.
 - 10. **Павленко, Н. И.** Екатерина I / Н. И. Павленко. Москва: Молодая гвардия, 2003. 495 с.
- 11. **Порошин, С. А.** Записки Семена Порошина, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича / С. А. Порошин. Санкт-Петербург: 1844. 589 с.
 - 12. Российский государственный исторический архив. Ф. 473. Оп. 3. Д. 20. Л. 1–11.
- 13. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т.; под ред. В. И. Чернышева. Москва : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. 1918 с.
 - 14. Центральный государственный архив древних актов. Ф. 198. Д. 237. Л. 1.
 - 15. Церемониальный, банкетный и походный журнал 1756 г. Санкт-Петербург, 1756. 336 с.
- 16. Церемониальный, банкетный и походный журнал 1762 г., за первый год царствования императрицы Екатерины Второй: с 1-го августа 1762 г. Санкт-Петербург, 1762. 75 с.
 - 17. Церемониальный, банкетный и путевый журнал 1764 г. Санкт-Петербург, 1764. 352 с.
- 18. **Чудинов**, **А. Н.** Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс] // URL: http://www.sugargrovelibrary.org/index.php/list/10-slovar-inostrannyh-slov/10,K,У,.xhtml (дата обращения 12.10.13).
- 19. **Штелин, Я. Я.** Известия о музыке в России / Я. Я. Штелин ; пер. Б. И. Загурского // Музыка и балет в России XVIII в. Ленинград : Муз. изд-во. 1935. С. 49–143.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Скопцова Екатерина Андреевна, аспирант кафедры теории и истории культуры Факультета иностранных языков ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», Katerina-Skoptsova@yandex.ru

Для цитирования: Скопцова, Е. А. Куртаги как одна из форм светского придворного общения в России XVIII в. / Е. А. Скопцова // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 58–63.

REFERENCES

- 1. Ageyeva O. G. Uveseleniya russkogo dvora ot Petra I do Ekateriny Velikoy [Entertainment of Russian royal household from Peter I to Ekaterina The Great]. *Otechestvennaya Istoriya* National History, 2006, no. 5, pp. 3 15.
- 2. Artemova E. Yu. Kultura Rossii glazami posetivshikh eyo frantsuzov (posl. tret' 18 v.) [Russian culture through the eyes of French people who visited it]. Moscow, In-t Ross. Istorii Publ., 2000, 254 p.
- 3. Beliatskaya A. A. Kulturoobrazuyushchiye funktsii pridvornogo rossiyskogo etiketa v pervoy polovine XVIII veka. Dis... kand. kul'turologii [Culture forming functions of Russian royal household etiquette in the first half of 18th century. Diss. of cand. of culturology]. Saransk, 2007, 163 p.
- 4. Berk K. R. Putevye zametki o Rossii (per. Ju. N. Bespiatykh). Bespyatykh Ju. N. Peterburg Anny Ioannovny v inostrannykh opisaniyakh. Vvedenie. Teksty. Kommentarii [Travel notes about Russia (translated by Ju. N. Bespiatykh. *Petersburg of Anna Ioannovna in descriptions of foreigners. Introduction. Texts. Commentaries*]. St. Petersburg, BLITS Publ., 1997, pp. 111 302.
- 5. Vorobyev Yu. K., Sedina I. V. Zapadnoyevropeyskiye yazyki v russkoy kulture XVIII veka [Languages of Western Europe in Russian culture of the 18th century]. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2007, 232 p.
- 6. Karasik V. I. Yazyk sotsialnogo statusa [The social status language]. Moscow, ITDGK Gnozis Publ., 2002, 303 p.
- 7. Kurochkina I. N. Vzaimodeystviye etiketa, obychayev i traditsy v russkom obshchestve vtoroy poloviny XVIII v. (istoriko-kul'turologicheskiy aspekt). Avtoref. dis... kand. istor. Nauk [Interaction of etiquette, manners and traditions in the Russian society of the second half of the 18th century (historical and culturological aspect). Author's abstract of Cand. Hist. Sci. Diss.]. Moscow, 1997, 30 p.

- 8. Lotman Yu. M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000, 704 p.
- 9. Lotman Yu. M. Besedy o russkoy literature: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII nachalo XIX veka) [Russian literature talks: traditions and way of life of the Russian noble class (18th beginning of the 19th century)]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1994, 412 p.
 - 10. Pavlenko N. I. Ekaterina I [Catherine the Great]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003, 495 p.
- 11. Poroshin S. A. Zapiski Semyona Poroshina, sluzhashchiye k istorii Ego Imperatorskogo Vysochestva blagovernogo Gosudarya Tsesarevicha i Velikogo Knyazya Pavla Petrovicha [Notes of Semyon Poroshin on the history of His Imperial Majesty crown prince and grand duke Pavel Petrovich]. St. Petersburg, 1844, 589 p.
 - 12. RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 473. Op. 3. D. 20. L. 1 11.
- 13. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language in 17 volumes]. Ed. by V. I. Chernyshev. Moscow, AN SSSR Publ., 1956, vol. 5, 1918 p.
 - 14. TSGADA [Central State Archive of Ancient Acts]. F. 198, d. 237, l. 1.
- 15. Tseremonialny, banketny i putevy zhurnal 1756 goda [Ceremonial, banquet and driving log of the year 1756]. St. Petersburg, 1756, 336 p.
- 16. Tseremonialny, banketny i putevy zhurnal 1762 goda, za pervy god tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny Vtoroy. S 1-go Avgusta 1762 goda [Ceremonial, banquet and driving log of the year 1762, for the first year of ruling of the empress Ekaterina II. Since August 1 of the year 1762]. St. Petersburg, 1762, 75 p.
- 17. Tseremonialny, banketny i putevy zhurnal 1764 goda [Ceremonial, banquet and driving log of the year 1764]. St. Petersburg, 1764, 352 p.
- 18. Chudinov A. N. Slovar inostannykh slov russkogo yazyka [Dictionary of loan words of Russian language]. URL: http://www.sugargrovelibrary.org/index.php/list/10-slovar-inostrannyh-slov/10,K,Y,xhtml.
- 19. Shtelin Ya. Ya. Izvestiya o muzyke v Rossii (Per. B. I. Zagurskogo). Muzyka i balet v Rossii XVIII veka [Russian music proceedings (translated by B. I. Zagurskiy). Music and ballet in Russia of XVIII century]. Leningrad, Muz. izd-vo Publ., 1935, pp. 49 143.

About the author:

Skopcova Ekaterina Andreevna, post-graduate student of Theory and History of Culture chair of Foreign Languages Department, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Katerina-Skoptsova@yandex.ru

For citation: Skopcova E. A. Kurtagi kak odna iz form svetskogo pridvornogo obshhenija v Rossii XVIII v. [Kurtags as one of civil court communication forms in Russia in the 18th century]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 58 – 63.

СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР (1965–1985 гг.)

А. П. Лебедев

В статье на основе анализа партийно-государственных документов, архивных материалов, официальных статистических данных и научной литературы предпринята попытка рассмотреть актуальные проблемы аграрной политики и аграрного развития СССР в 1960–80 гг.; показать, почему, несмотря на многочисленные решения в области сельского хозяйства, не удалось создать высокоэффективный аграрный сектор, каковы были ведущие тенденции в эволюции аграрной политики, влияние на решение задач модернизации аграрного сектора идеологических установок правящей партии.

Ключевые слова: аграрная политика, партия, государство, экономика, хозрасчет, реформа, контрреформа.

CONTENT AND FOCUS OF AGRICULTURAL POLICY OF USSR (1965 – 1985)

A. P. Lebedev

The article, basing on the analysis of party and government documents, archival materials, the official statistical data and scientific literature, attempts to consider urgent problems of agrarian policy and rural development in the USSR of 1960 – 1980 years, to find causes of fail in creation of a highly efficient agricultural sector despite numerous solutions in the field of agriculture, to determine the major trends in the evolution of agricultural policy and impact ideological orientation of the ruling party on the solution of the problems of modernization in the agricultural sector.

Keywords: agricultural policy, the party, the state, the economy, self-sufficiency, reform, counter-reform.

Период с середины 1960-х до 1980-х гг. принято называть «двадцатилетием упущенных возможностей». Именно тогда накапливавшиеся десятилетиями негативные трудности, нерешенные проблемы и загнанные внутрь болезни общества привели его к глубокому кризису: стагнации экономики, деформациям общественно-политической жизни, духовному кризису.

Начало этому периоду положил октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК, освободивший Н. С. Хрущева от партийных и государственных должностей. Отставка Хрущева, по существу, продемонстрировала победу того курса, который утверждался самим Хрущевым, – курс

на самовластие партаппарата. Брошенный с трибуны Пленума лозунг «Стабильности» в противовес беспорядочным, импульсивным, непродуманным реформам Хрущева не мог не импонировать обществу. Однако скоро стало ясно, что на почве четко проступившего в общественном сознании «императива гарантированности, стабильности существования пошла верхушечная контрреформа, связанная с дезавуированием хрущевских перемен» [4, с. 153]. Длительное господство сталинизма создало мощные силы, заинтересованные в сохранении административной экономики и авторитарной политики. Одновременно это господство означало уничтожение всего, что могло стать зародышем общественной самоорганизации, перерыв традиции, физическое отсутствие людей, имеющих опыт жизни в иных, не авторитарных условиях, оно превращало в инстинкт боязнь инициативы, отступление от принятых установок, вело к тотальному распространению вульгаризированных форм идеологии. Соответственно замедлялось и затруднялось сплочение сил, объективно заинтересованных в ликвидации сталинизма.

Результатом сложения множества факторов, действовавших в этой необычной обстановки, явилось преобладание внутренне противоречивых, непоследовательных форм общественного развития. Пришедшее к власти третье поколение советских партийно-государственных деятелей, провозглашая курс на дальнейшее развитие социалистической демократии, освобождение партии от несвойственных ей хозяйственных функций, научное руководство обществом, по существу, занялось «мягким» администрированием - бюрократической перестановкой и перетасовкой без затрагивания политической основы строя, трансформации способа хозяйствования. В современной литературе действия брежневской администрации в этом направлении трактуются как период контрреформ, включавших в себя партийную, управленческую, политическую и гражданскую контрреформу, псевдореформу экономики [4, с. 155–159].

Наиболее ярко сохранение консервативных устоев и порядков проявилось в сфере партийной жизни. Формально КПСС оставалась стержнем советской политической системы. Обществу усиленно навязывался тезис «о возрастании руководящей роли КПСС в условиях развитого социализма и ее становлении как партии всего советского народа». Конкретным проявлением данной тенденции, как утверждалось в партийных документах, являлся рост численности коммунистов, достигший в середине 1980-х гг. 80 млн чел. Между тем быстрый рост рядов партии, переход ре-

альной власти к исполнительным органам (бюро, секретариатам парткомов, а фактически к аппарату) снижали былое значение к членству в партии. Как следствие бюрократизации КПСС рядовые коммунисты отстранялись от реального участия в определении политики партии, проведении принятых решений в жизнь. Почти полное отсутствие возможности критики снизу создавало обстановку благодушия и безнаказанности. Формировалась особая атмосфера достижений, успехов, устойчивого роста, атмосфера якобы существовавшего в обществе высшего единения, хотя все это отсутствовало в повседневной жизни.

Новое руководство, заинтересованное в сохранении незыблемости системы, авторитарных методов руководства провозгласило курс на стабильность в кадровой политике. На XXIII съезде КПСС (1966 г.) из устава было исключено требование ротации кадров. С XXIV съезда (1971 г.) наметилась линия на явную геронтократизацию партийных функционеров, о чем свидетельствует изменение их среднего возраста с 49 лет (1971 г.) до 59 лет (1980 г.). В 1981 г. среднее «политическое долголетие» секретарей региональных партийных организаций равнялось 10 годам в РСФСР. Средний возраст членов Политбюро достиг 70 лет. Обновления в кадровой политике сводились либо к расширению состава парткомов, либо к перемещению лиц с партийной на советскую и хозяйственную работу. Судьба партийных чиновников обрела долгожданные черты предсказуемости, прочности. Попадание в номенклатурную обойму означало возможность оставаться причастным к ней пожизненно. Подобная предсказуемость совсем отменяла самокритичность, упраздняла необходимость в механизмах совершенствования деятельности.

Важным инструментом консолидации правящего класса стало формирование клановых структур. Преданности делу партии добивались не сталинскими репрессиями, не хрущевскими импровизаторскими встрясками, а принадлежностью к той или иной «команде», формировавшейся на земляческих, родственных признаках. «Номенклатурным героем» становился человек, способный умело молчать, умело «выходить» на нужного покровителя и постепенно, но неуклонно продвигаться вверх. В такой обстановке к власти пробивались отнюдь не самые способные руководители, не самые убежденные политики, не самые преданные народу, а самые хитроумные мастера групповой борьбы, интриг и даже обыкновенной коррупции.

Заметную роль в формировании политического климата страны, создании необходимого теоретического фундамента сыграла концепция «развитого социализма», заменившая скороспелое понятие «развернутого строительства коммунизма». Идея «развитого социализма», казалось бы, означала торжество трезвости, реализма в противовес необоснованным теориям непосредственного строительства коммунизма. Однако вскоре эта теория и сама приобрела чисто умозрительный характер беззастенчивой апологетики существовавшего порядка вещей. Началась полоса политического очковтирательства: недостатки всевозможно преуменьшались, а достижения раздувались [11, с. 53].

Укреплению власти госаппарата способствовала управленческая контрреформа. После сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК совнархозы были ликвидированы, усилилось административнобюрократическое начало. Руководство передавалось созданным министерствам. Попытки Н. С. Хрущева преодолеть диктат центра путем модернизации управления, усиления горизонтальных прямых связей между промышленными предприятиями были, в сущности, уничтожены. Несмотря на то что в партийных документах говорилось об экономических стимулах и методах управления, все вернулось к еще более расширенной и укрупненной, изощренной центрально-административной организации производства.

Стремление к стабилизации административной системы отразилось на ходе и результатах экономической реформы. Необходимость перемен в советской экономике назрела уже к концу 1950-х – началу 1960-х гг. Уже тогда отчетливо обозначился спад темпов экономического развития. Замедлился рост национального дохода. В 1961–1965 гг. он вырос на 5,7 %, что было немного меньше, чем в предыдущую пятилетку, и недостаточно для решения основных социально-экономических задач. Среднегодовые темпы роста производительности труда сократились с 6,5 % в 1956–1960 гг. до 4,6 % в 1961–1965 гг. За счет роста производительности труда было получено лишь 62 % прироста промышленной продукции, а 38 % – за счет быстро возраставшей численности рабочих. Это говорило об отсутствии заинтересованности предприятий в эффективном использовании основных и оборотных фондов, во внедрении достижений науки.

Экономическая реформа 1957 г. не улучшила положения в народном хозяйстве. К началу 1960-х гг. стало ясно, что хозяйственный механизм устарел. В связи с этим в стране развернулось обсуждение проблем совершенствования управления, причем акцент все больше делался на необходимость изменения общих условий хозяйствования, усиления экономических рычагов и стимулов [6, с. 41].

Неблагоприятные тенденции действовали и в сфере сельского хозяйства, всегда бывшего в поле зрения партийных органов. Принималось несметное число различных постановлений на всех иерархических уровнях: на союзном — съездами партии, пленумами, Политбюро и Секретариатом ЦК, очень часто совместно с правительством после основательной проработки в аппарате ЦК с привлечением заинтересованных организаций и экспертов; то же — в республиках, краях, областях и районах. Круг обсуждавшихся проблем был весьма широк: от посевных площадей

и поголовья скота до подготовки кадров и развития науки, подбора людей и оплаты труда. Эта контрольная сторона действовала образцово. Тем не менее путы административной экономики сковывали развитие сельского хозяйства, препятствовали его современной интенсификации.

Рассматривая динамические ряды, характеризующие уровень производства, нетрудно заметить некоторую волнообразность с повышающимися и понижающимися темпами роста. Повышающаяся волна была в пятилетие после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, которая быстро затухла, поскольку основа аграрных отношений оставалась неизменной. Так, если в 1954–1959 гг. среднегодовой объем производства на 34,4 % превышал аналогичный показатель за предшествующее пятилетие, то в следующее пятилетие (1960–1964 гг.) – на 19,4 %. Аграрная политика государства упорно пренебрегала жизненными правами и интересами основного производителя благ на земле – крестьянина, что и было главной причиной неэффективности производства. Однако очевидный факт необходимости коренной реформы в аграрной сфере не мог еще стать курсом системы. Решение же частных, преимущественно организационных, вопросов не изменяло общей ситуации на селе, что и подтвердили последующие события.

Новая попытка разработать эффективную аграрную политику была сделана после смещения с руководящих постов Н. С. Хрущева. Первые предпринятые в этой области шаги были многообещающими. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС осудил практику администрирования и командования. Установился многолетний (на 5 лет) план, исключавший произвольные его изменения, выдачу колхозам и совхозам дополнительных внеплановых заданий. Это определяло более стабильные условия хозяйствования, возможность более широко осуществлять хозяйственный маневр, проявлять инициативу и предприимчивость. Было усилено экономическое стимулирование труда: изменены условия заготовок и закупок сельскохозяйственной продукции, введено материальное поощрение ее сверхплановой продажи (не менее чем на 50 %). Предусматривалось также улучшение банковского кредитования. Установилась более рациональная система налогообложения колхозов. снижена цена на технику. Принимались меры по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства [5, с. 66–100]. Можно сказать, суть мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г. состояла в развязывании хозяйственной инициативы и либерализации экономической жизни.

В русле решений мартовского (1965 г.) Пленума были предприняты и осуществлены два крупных мероприятия. Речь идет, прежде всего, о введении с 1 июля 1966 г. гарантированной оплаты труда колхозников (деньгами и натурой в соответствии с тарифной сеткой работников совхозов) [5, с. 90–91].

В мае 1966 г. было принято другое важное решение «о широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур» [5, с. 93–97]. Предусматривалось в течение ближайших 10 лет увеличить площадь орошаемых земель на 7-8 млн га, осущенных – на 15–16 млн га, всего же мелиорированных земель к 1975 г. иметь 37-39 млн га. Специально созданное мощное Министерство мелиорации и водного хозяйства, наделенное широкими полномочиями, должно было способствовать интенсификации производства. Это позднее деятельность Минводхоза СССР, ставшего монополистом, поставила многие регионы страны на грань экологической катастрофы, на тот же момент мелиорация, как и химизация, только набирала темпы.

После 1965 г. резко возросли капиталовложения в аграрный сектор, превысившие пятую часть всех инвестиций. За 1965—1985 гг. финансовые затраты составили 670,4 млрд руб. [6, с. 253], уси-

лилось материально-техническое снабжение. Результатом принятия мер стал заметный рост производства (табл. 1). Вторая половина 1960-х гг. дала самый высокий абсолютный (27,3 млрд руб.) и относительный прирост (21,3 %) сельскохозяйственной продукции. Затем повторилась ситуация, как и после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, началось снижение темпов роста. Среднегодовой прирост в первой половине 1980-х гг. едва достигал 1 %. Назревал новый виток аграрного кризиса – кризиса, прежде все-

го, огосударствленного хозяйства в земледелии и порожденного им отрыва земледельца от земли, средств и результатов труда; иерархических властно-управленческих структур, осуществлявших административно-централистский диктат в сельском хозяйстве; принципов и форм взаимосвязей первичных производственных и последующих хозяйственных уровней характера связей земледелия и промышленности, города и села, путей преодоления социально-экономических различий между ними.

Таблица 1 Среднегодовые объемы валовой продукции и капиталовложений сельского хозяйства СССР (в сопоставимых ценах 1983 г.)

Пятилетия	Валовая продукция		Капиталовложения		
китэцитктт	млрд руб.	%	млрд руб.	%	
1961—1965	128,3	100,0	51,4	100,0	
1966—1970	155,6	121,3	84,0	163,4	
1971—1975	176,0	137,2	134,4	261,5	
1976—1980	191,1	148,9	175,2	340,9	
1981—1985	201,3	156,9	204,6	398,1	

Составлена по: [10, с. 276; 13, с. 25].

В середине 1960-х гг. экономистамиаграрниками (В. Г. Венжер, И. Н. Буздалов, М. Я. Лемешев, Г. С. Лисичкин и др.) вносились предложения о начале серьезного реформирования в сельском хозяйстве и АПК в целом. Исходя из тех же решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о «всемерном развитии товарных отношений», речь шла о возрождении рыночных отношений, кооперации, сочетании рынка и плана, производственной демократии и т. д. Однако попытки ученых-«рыночников» приступить к разработке проблем, поставленных пленумом, натолкнулись на жестокую критику, травлю с определенными оргвыводами. Руководство страны продолжало на деле осуществлять политику дальнейшего последовательного огосударствления аграрной сферы, крайнего государственного «засилья

монополизма» [3, с. 15]. Несмотря на то что происходил количественный рост масштабов производства (табл. 2), возраставший потенциал не был адекватен выходу продукции. Производительность труда в сельском хозяйстве оставалась низкой. Урожайность росла медленно. Это свидетельствовало о неблагополучии как со структурой фондов и инвестиций, так и со стимулированием труда, обеспечением интереса работников к производительности и бережливости. Попытки же повышения эффективности сельского хозяйства не давали результатов и даже оканчивались неудачей, потому что они основывались на упрочении, углублении и совершенствовании существовавших отношений, структур и принципов. Соответственно, никакие организационные преобразования, изменения управленческих структур,

Таблица 2

форм директивного планирования, размеров хозяйств, систем стимулирования и т. п. не могли обеспечить устойчиво-

го динамичного развития земледелия. Многие из них давали прямой негативный результат.

Ресурсный потенциал сельского хозяйства в СССР

Показатель	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1985 г. к 1960 г., %
Сельскохозяйственные угодья, млн га	515,4	545,8	553,6	558,4	108,4
В том числе: пашня мелиорированные земли	220,0 16,3	223,5 18,2	226,4 29,8	227,1 34,3	103,2 210,4
Среднегодовая численность работающих, включая привлеченных, млн чел.	26,1	24,1	22,9	22,4	85,8
Энергетическая мощность, млн л.с.	155,9	322,1	603,9	761,3	488,3
Потребление электроэнергии, кВт/ч	9,9	38,6	111,0	146,0	14,7 раза
Стоимость основных производственных фондов с/х назначения (в сопоставимых ценах), млрд руб.	55,0	105,9	238,1	316,0	574,5
Поставка минеральных удобрений, млн т	2,6	10,3	18,8	25,4	976,9

Составлена по: [2, с.11; 13, с. 17, 20–21, 206].

Одним из таких мероприятий было укрупнение хозяйств. Долгое время утверждалась концепция, что развитие интенсивного сельского хозяйства может быть осуществлено только при функционировании крупных организационных форм. Как следствие - сокращение числа колхозов, которых к концу 1950 г. насчитывалось 121,4 тыс., в 1960 г. – уже 44,0, в 1970 г. – 33,0, в 1980 г. – 25,9 и в 1985 г. – 26,2 тыс. [13, с. 6]. Однако закон концентрации в сельском хозяйстве действовал с большими ограничениями. Превышение оптимального уровня вело к негативным результатам, что особенно наглядно проявилось при создании необоснованно крупных колхозов и совхозов, ферм-гигантов без обеспечения необходимых условий для их нормального функционирования. Укрупнение, проводимое волевым способом, путем простого соединения мелких хозяйств,

при большой распыленности населения, изрезанности земельных угодий, плохих дорогах вело к потере управляемости, росту транспортных и управленческих расходов. Кроме того, в животноводстве возрастала опасность из-за эпизотий и экологических осложнений.

Негативные последствия такая концентрация имела и в социально-бытовом отношении. Под благовидным предлогом создания для сельских жителей лучших условий жизни, «стирания граней» между городом и деревней началось сселение малых деревень. Все сельские населеные пункты классифицировались на «перспективные» и «неперспективные». Осуществление намеченного было поручено проектным и строительным организациям. При планировании «перспективных» поселков возобладал технократический подход (меньше материала, меньше под застройку земли,

короче коммуникации), но вовсе не социальный. Начали строить «экономичмалогабаритные многоэтажные дома (все, как в городе) без хозяйственных и подсобных построек. Удобств для сельского жителя в таких домах никаких не получилось, скученность же - налицо. Крестьянский уклад рушился. Из «неперспективных» постепенно убрали объекты социальной инфраструктуры: магазины, школы, медпункты, детские учреждения. В результате из сел стали уходить люди, прежде всего молодежь. Далее наступило запустение земель. За межпереписной период (1959–1989 гг.) число сел и деревень в России сократилось с 294 059 до 152 922. Выходило, что в среднем за год погибало по 4 704 поселения, а ежедневно – почти 13. Налицо – явная депопуляция и запустение российского села.

Очередным шагом на пути усиления в аграрном секторе государственного начала явилось массовое создание с середины 1950-х гг. совхозов, ставшее ярким примером того, как стремление к единообразию, провозглашению одной из форм главенствующей приводит к необратимым деформациям самой формы, как это случилось с государственным совхозным производством. По данным ЦСУ, число совхозов возросло с 5,0 тыс. в 1950 г. до 11,7 в 1965 г., до 18,1 – в 1975 г. и до 22,7 – в 1985 г., т. е. увеличилось в 4,5 раза. В то же время с 1954 г. по 1985 г. были преобразованы в совхозы 27 962 колхоза, или почти 1/3 их общего количества [13, с. 6; 14, с. 32]. Еще разительнее – картина при сравнении производственного потенциала колхозов и совхозов (табл. 3). Нетрудно проследить возрастание удельного веса государственных хозяйств.

Таблица 3 Основные показатели развития колхозов и совхозов

Показатель	Колхозы		Совхозы	
показатель	1965 г.	1985 г.	1965 г.	1985 г.
Число хозяйств (на конец года), тыс.	36,3	26,2	11,7	22,7
Производственные основные фонды c/x назначения, млрд руб.	42,3	126,6	23,3	152,4
Сельскохозяйственные угодья, млн га	223,6	169,8	311,6	365,2

Составлена по: [7, с. 277; 8, с. 397; 13, с. 443-451].

Надо сказать, что с первых лет существования совхозов им были присущи особенности, обусловленные спецификой государственной собственности и про- исходившим отсюда характером взаимо- отношений с государством. Даже в экономически тяжелое время совхозам, как правило, оказывалась помощь со стороны государства. Новые совхозы создавались за счет государственных средств, а опытные, племенные и семеноводческие хозяйства всегда полностью находились на бюджетном финансировании. В результате уровень специализации в совхозах всегда был выше, чем в колхозах. Основа-

ние совхозов на государственной форме собственности означало, что государство брало на себя хозяйственную ответственность по организации в них производства, не только выделяло средства в виде кредитов, но и осуществляло прямые капитальные вложения на производственные и непроизводственные цели. Это во многом обусловливало дифференциацию технико-экономических условий производства в совхозах и колхозах: совхозы были значительно лучше обеспечены энергоресурсами, фонд вооруженность в них превышал в 1,3 раза, энерговооруженность — в 1,4 раза.

Более высокий уровень специализации производства в совхозах сопровождался и более высоким, чем в колхозах, уровнем комплексной механизации и механизации отдельных видов работ как в растениеводстве, так и в живот-Сезонность новодстве. производства в колхозах, даже с учетом более низкого уровня специализации, была значительно выше, чем в совхозах, отсюда – низкая занятость по сезонам года в общественном производстве, большая неравномерность в размере и стабильности оплаты труда. которая в совхозах была выше в 1,2 раза.

Более высокий экономический уровень совхозов в известной степени дополнялся и лучшими (в среднем) по сравнению с колхозами условиями жизни: в 1981–1985 гг. вложения государства в непроизводственную сферу совхозов составляли 31,7 млрд руб. против 16,7 млрд руб. в колхозах, т. е. почти в 2 раза выше.

Жилой фонд в совхозах строился преимущественно за счет средств государства, в колхозах — за счет собственных средств колхоза или самих колхозников; пенсии работников совхозов были выше, чем колхозников.

Отмеченные особенности и преимущества совхозов по сравнению с колхозами породили мнение о несовершенстве кооперативно-колхозной собственности, а процесс «совхозизации» расценивался как возрастание зрелости производственных отношений в деревне. Однако анализ показывает, что деятельность совхозов, имевших ряд преимуществ в производственных и социально-экономических условиях по сравнению с колхозами, была недостаточно результативной (табл. 4). Из данных Госкомстата видно, что совхозы, владея 67.8 % сельскохозяйственных угодий страны, производили 38,4 % продукции. Колхозы же на 30,4% угодий создавали 35,4 % продукции. Кроме того, удельный вес убыточных совхозов во всех хозяйствах составил 23% против 13% колхозов, численность убыточных совхозов составляла 5,3 тыс., убыточных колхозов – 3,4 тыс. [9, с. 527–535].

Таблица 4 Валовая продукция сельского хозяйства СССР по категориям хозяйств в 1985 г.

Показатель	Млрд руб.	%
Все категории хозяйств	208,6	100,0
Совхозы и другие государственные хозяйства	80,1	38,4
Колхозы	73,9	35,4
Хозяйства населения	52,4	25,1
Прочие	2,2	1,1

Составлена по: [9, с. 458].

Объясняется это следующим. Опыт развития совхозов свидетельствует о том, что государство, создав эту форму хозяйства на свои средства и полностью отвечая за результаты их хозяйственной деятельности, практически лишило эти предприятия собственности на средства производства и производимый продукт, возможности самостоятельно распоряжаться результатами своего труда, под-

чинило их жесткой регламентации и директивным указаниям органов управления, превратив тем самым работников совхозов в исполнителей, лишенных инициативы, интереса к предмету труда — земле и конечным его результатам. Совхоз как форма реализации государственной собственности был, по сути, лишен стимулов развития, изыскания внутренних резервов.

Еще одной причиной низкой эффективности совхозов являлось ослабление их экономики, вызванное процессом преобразования части колхозов в совхозы. Осознавало ли высшее руководство страны проблематичность данного подхода. Часть его – несомненно. Это прослеживается из докладной записки от 8 апреля 1966 г. секретаря ЦК КПСС Ф. Д. Кулакова, курировавшего сельское хозяйство, и министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича на имя Л. И. Брежнева. Анализируя результаты массового перевода колхозов в совхозы за период с 1954 по 1965 г., когда на базе 21 680 колхозов было организовано 4 569 новых и укрупнена часть старых совхозов, становится очевидным, что большая часть новых совхозов являлась убыточной. Авторы записки, апеллируя к решениям мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, доказывали необходимость укрепления и развития на селе как государственного, так и колхознокооперативного типов общественного хозяйства [12]. Однако, как уже отмечалось, возобладала линия на дальнейшее огосударствление сельского хозяйства. Практика преобразования колхозов в совхозы, хотя и не в таких масштабах, продолжилась и в последующие годы. Иногда складывалась парадоксальная ситуация, когда наряду с экономически слабыми хозяйствами преобразовывались и крепкие колхозы. Приблизительно половина реорганизуемых в 1975 г.

колхозов Мордовии имела рентабельность от 20 до 68 %. Необходимость такой меры объяснялась стремлением повысить эффективность управления сельскохозяйственным производством [15]. Приоритет по-прежнему отдавался мерам организационного характера, что не улучшало экономического положения ни колхозов, ни совхозов.

Таким образом, хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий, несмотря на достаточно крупные вложения государственных ресурсов, был нанесен значительный ущерб. Государственная опека оказалась дорогостоящей для народного хозяйства и неэффективной для отдельного хозяйства. Оказалась подорванной их экономика, они лишились перспектив развития, превратившись в долгосрочных должников не по своей воле.

В условиях осуществления реформ, появления многообразия форм хозяйства создавались предпосылки для развития сельского хозяйства в целях решения продовольственной и сырьевой проблемы. Это было возможно при общей политической стабильности и здоровой финансово-экономической ситуации в стране; научно обоснованной аграрной политике; использовании права крестьянина на владение, пользование и распоряжение средствами производства и результатами труда; заинтересованности широких слоев общества в проведении реформ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Брежнев**, **Л. И.** Ленинским курсом / Л. И. Брежнев. Москва : Политиздат, 1970. Т. 1. 294 с.
- 2. **Ващуков, Л. И.** Развитие сельского хозяйства СССР: цифры и факты / Л. И. Ващуков. Москва: Финансы и статистика, 1986. 95 с.
- 3. **Венжер, В. Г.** Как было, как могло быть, как стало, как должно стать (вопросы истории нашего строя) / В. Г. Венжер. Москва : Наука, 1990. 186 с.
- 4. **Ильин, В. В.** Реформы и контрреформы в России / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер. Москва : Изд-во МГУ, 1996. 400 с.
- 5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. Москва : Политиздат, $1986.-\mathrm{T.}\ 11.-346\ \mathrm{c.}$
- 6. На пороге кризиса: нарастание застойных явлении в партии и обществе; под общ. ред. В. В. Журавлева. Москва: Политиздат, 1990. 270 с.
 - 7. Народное хозяйство СССР в 1965 г.: стат. ежегод. / ЦСУ СССР. Москва: Статистика, 1966. 314 с.

- 8. Народное хозяйство СССР в 1970 г.: стат. ежегод. / ЦСУ СССР. Москва: Статистика, 1971. 415 с.
- 9. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегод. Москва: Финансы и статистика, 1991. 598 с.
- 10. Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейн, стат. ежегод. / Госкомстат СССР. Москва : Финансы и статистика, 1987. 766 с.
 - 11. Развитой социализм: проблемы теории и практики. М.: Наука, 1982. 53 с.
 - 12. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 449. Л. 82-83.
 - 13. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. / Госкомстат СССР. Москва: Финансы и статистика, 1988. 535 с.
- 14. **Тюрина, А. П.** Советская деревня на путях обновления / А. П. Тюрина. Москва : Знание, 1989.-115 с.
 - 15. ЦГА РМ Ф. 228. Оп. 2. Д. 303. Л.133 134,137–154.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Лебедев Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), lebedev2010@mail.ru

Для цитирования: Лебедев, А. П. Содержание и направленность аграрной политики в СССР (1965–1985 гг.) / А. П. Лебедев // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 64–74.

REFERENCES

- 1. Brezhnev L. I. Leninskim kursom [Leninist course]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 1, 294 p.
- 2. Vashchuk L. I. Razvitie sel'skogo hozjajstva SSSR: cifry i fakty [Development of agriculture of the USSR: Facts and Figures]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1986, 95 p.
- 3. Wenger V. G. Kak bylo, kak moglo byt', kak stalo, kak dolzhno stat' [As it was, as could it be, as it became, as it should be (issues of history of our state system)]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 186 p.
- 4. Ilyin V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. Reformy i kontrreformy v Rossii [Reforms and counter-reforms in Russia]. Moscow, MGU Publ., 1996, 400 p.
- 5. KPSS v rezoljucijah i reshenijah sezdov, konferencij i plenumov [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums]. M., Politizdat Publ., 1986, vol. 11, 346 p.
- 6. Na poroge krizisa: narastanie zastojnyh javlenii v partii i obshhestve [On the eve of the crisis: the stagnation in the growth of the party and society], general ed. by Zhuravlev V. V.. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 270 p.
- 7. Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1965 g.: stat. ezhegodnik [USSR National Economy in 1965: stat. yearbook]. Moscow, Statistics Publ., 1966, 314 p.
- 8. Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1970 g.: stat. ezhegodnik [Economy of the USSR in 1970 : stat. yearbook]. Moscow, Statistics Publ., 1971, 415 p.
- 9. Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1990 g.: stat. ezhegodnik [Economy of the USSR in 1990 : stat. yearbook]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1991, 598 p.
- 10. Narodnoe hozjajstvo SSSR za 70 let: jubilejn. stat. ezhegodnik [Economy of the USSR for 70 years jubilee stat. yearbook]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1987, 766 p.
- 11. Razvitoj socializm: problemy teorii i praktiki [Developed Socialism: Issues of Theory and Practice]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 53 p.
 - 12. RGAJe [Russian State Archive of the Economy (RSAE)]. F.7486.OP.21.D.449. L.82 83.
- 13. Sel'skoe hozjajstvo SSSR : stat. sb. [Agriculture of the USSR: stat. digest]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1988, 535 p.
- 14. Tyurina A. P. Sovetskaja derevnja na putjah obnovlenija [Soviet village on the upgrade ways]. Moscow, Knowledge Publ., 1989, 115 p.
 - 15. CGA RM [Central State Archive RM (RM CSA)]. F.228.OP.2.D.303.L.133–134,137–154.

About the author:

Lebedev Aleksandr Petrovich, associate professor of History of Russia chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Historical sciences, lebedev2010@mail.ru

For citation: Lebedev A. P. Soderzhanie i napravlennost' agrarnoj politiki v SSSR (1965 – 1985 gg.) [Contents and focus of agricultural politics of USSR (1965 – 1985)]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 64 – 74.

История Мордовии

УДК 321(470.345)

DOI: 10.15507/VMU.024.201403.075

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОРДОВСКОГО КРАЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С. В. Кистанов

В статье рассматривается деятельность эсеров на территории современной Республики Мордовия в 1903 г.; отмечаются масштаб и различные формы революционной деятельности при преимущественном распространении местными эсерами нелегальной литературы.

Ключевые слова: социалисты, революция, агитация, пропаганда, прокламация, полиция, террор.

THE ACTIVITIES OF POLITICAL ORGANIZATIONS IN MORDOVIAN REGION ON THE THRESHOLD OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

S. V. Kistanov

The article deals with the activities of social revolutionaries in the territory of the contemporary Republic of Mordovia, formerly included in the Penza province, in 1903. The said year was the peak of the pre-revolutionary activities of the Socialist Revolutionary Party in the territory of the Saransk and Insar counties. The article describes the scale and various forms of revolutionary activity and propagandizing illegal literature by local socialist-revolutionaries as a predominant form. The author investigates the propagandist activity of the first socialist-revolutionary organizations in the territory of the present Republic of Mordovia, reveals the geography of spreading of the socialist-revolutionary publications in the territory of the Saransk, Insar and Krasnoslobodsk counties. The material of the article allows concluding that forms of struggle of the Socialist Revolutionary Party with local authorities were very different from simple leaflets up to force against their opponents.

Keywords: Socialist Revolutionaries, revolution, agitation, propaganda, proclamation, police, terror .

Нерешенные социально-экономические и политические проблемы, стоявшие перед властями Российской империи в конце XIX — начале XX в., привели к первой российской революции 1905—1907 гг. Многовековое противостояние верхних и нижних слоев населения вызвало открытый конфликт. Одним из активных субъектов данного противостояния стали революционные политические

организации, прежде всего партия социалистов-революционеров, (ПСР) или эсеров, деятельность которых на территории современной Республики Мордовия началась в конце 1900 г.

Революционные события 1905—1907 гг. длительное время являлись предметом изучения историков. В советский период их исследование проводилось в недостаточном объеме, поскольку вся

© Кистанов С. В., 2014

деятельность припиреволюционная сывалась только одной политической партии – социал-демократической, а деятельность других получала исключительно негативную оценку [9; 13–14]. Лишь изменение историографической ситуации в конце 1980-х гг. позволило начать объективное исследование революционных событий этого периода [1; 7–8; 10]. Следует отметить, что временной промежуток накануне революции на территории мордовского края исследован недостаточно, но сам факт активной деятельности политических организаций в регионе требует более детального рассмотрения событий начала XX в.

Социально-экономическое развитие мордовского края рубежа XIX–XX вв. благоприятствовало зарождению и деятельности революционных организаций накануне первой российской революции.

Уезды, территориально входвшие в состав современной Мордовии, являлись сельскохозяйственными районами Российской империи, главным занятием населения которых было земледелие. Основной состав крестьянства мордовского края относился к категории «бедняков», имевших незначительные земельные владения (за которые они вносили выкупные платежи) или совсем лишенных земли. Крестьянские хозяйства на территории современной Мордовии страдали от малоземелья – именно этим объясняется успешность помещичьей эксплуатации сельского населения. Кроме этого беднейшее крестьянство страдало от недостатка рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Например, в начале XX в. из 18,5 тыс. бедняцких хозяйств в Ардатовском уезде 10,5 тыс., или 57 %, не имели даже сох и борон. С другой стороны, кулацкая верхушка уезда сосредоточила в своих руках 75 % двухлемешных плугов, 75 % сеялок, 100 % жнеек, 78 % молотилок [15, л. 18–19]. Государственная политика в отношении крестьян приводила к обнищанию последних. Наряду с выплатой выкупных платежей они платили многочисленные косвенные

налоги. Учитывая, что крестьянин получал минимальную прибыль от своего хозяйства, налоговое бремя было для него непосильной ношей. В создавшейся ситуации крестьяне вынуждено уходили из деревень в поисках заработка, чтобы иметь возможность выплачивать государству свои долги [2].

Таким образом, положение местного крестьянства благоприятствовало развитию в их среде деятельности представителей партии эсеров, первые свидетельства о которой относятся к ноябрюдекабрю 1900 г.

От единичного безадресного распространения нелегальной литературы эсеры перешли к массовому распространению своих листовок, брошюр и прокламаций. С 1901 г. масштабное распространение агитационной литературы на территории уездов Пензенской губернии было связано с формированием пензенской организации ПСР. Появление центрального координирующего органа усилило активные антиправительственные действия революционных элементов на местах. Самым важным фактором, способствовавшим увеличению пропагандистской мощности пензенских эсеров, стало создание при губернской организации партии своей типографии, которая стала производить нелегальные печатные материалы в большом количестве и активно распространять их на территории губернии. Следует отметить, что уже в 1902 г. нелегальная литература разбрасывалась во множестве экземпляров, а адреса для этого выбирались самые разнообразные: от квартир чиновников до полотна железной дороги.

Масштабное распространение эсеровской литературы на территории Саранского, Краснослободского и Инсарского уездов Пензенской губернии началось со второй половины 1902 г. Однако следует отметить, что она стала изготовляться в том числе на мельнице Малышевых при с. Куликовка Инсарского уезда. Таким образом, центром распространения эсеровской литературы стала куликовская группа ПСР.

Руководителями первой эсеровской группы с «местной пропиской» стали сын владельца мельницы Александр Малышев и конторщик мельницы Иван Калинин. Эсеры некоторое время тщательно скрывали свое местоположение и не афишировали свою деятельность. С конца 1902 г. ими была начата масштабная акция по распространению антиправительственной литературы среди местного населения преимущественно Инсарского уезда Пензенской губернии. Так, 28 декабря 1902 г. в д. Парцы и с. Рязановке были обнаружены и выданы приставу 13 брошюр антиправительственного содержания [3, с. 219]. 2 января 1903 г. крестьянин с. Шувар Инсарского уезда Степан Коршунов, недалеко от с. Рязановки нашел сверток, в котором оказались 3 противоправительственные брошюры «Солдатская памятка» Л. Н. Толстого и 6 прокламаций «Ко всему русскому крестьянству» пензенской группы социалистов-революционеров [16, л. 3]. Всего за январь 1903 г. на территории Инсарского уезда было обнаружено 61 антиправительственное издание. Наибольшим распространением отметились брошюры «Беседы о земле» и «Солдатская памятка».

большом объеме нелегальной литературы, хранившейся на мельнице Малышева, свидетельствует обыск, произведенный 25 января 1903 г. урядником Бормотовым у активного деятеля куликовской группы Ивана Жирнова, при котором были обнаружены: брошюра «19 февраля 1861–1901 г.», брошюра «О податях и налогах», 2 брошюры «Солдатская памятка», брошюра «Закон о нарушении тишины и спокойствия», газета «Искра» № 11 от 20 ноября 1901 г., прокламация «К новобранцам» (екатеринославского комитета партии эсеров), прокламация всему российскому народу» и 5 прокламаций «Ко всему русскому крестьянству» (пензенского комитета партии) [Там же, с. 30]. Таким образом, в ходе разовой акции было конфисковано 13 изданий партий эсеров и социал-демократов. Что касается номера газеты «Искра», то его обнаружение дало историкам повод для споров по вопросу о партийной принадлежности самой куликовской организации. Так, в первом издании «Очерков истории Мордовской организации КПСС» было указано на то, что данной организацией руководили социал-демократы, и именно они подняли рабочих в Куликовке на стачку [11, с. 72]. В 1972 г. в № 77–81 газеты «Советская Мордовия» вышла публикация «Об этом писала «Искра»», где говорилось о социал-демократах с. Куликовка, распространявших эсеровскую литературу. Некоторое смягчение оценок деятельности куликовской группы прослеживается во втором издании «Очерков истории Мордовской организации КПСС», где авторы говорят исключительно о ее социал-демократической направленности [12, с. 38].

Деятельность куликовской эсеровской группы прослеживается даже на территории соседнего с Инсарским Краснослободского уезда Пензенской губернии. 2 и 3 января 1903 г. прокламации «Ко всему российскому крестьянству» были обнаружены в с. Селищи и на базарной площади Краснослободска. 9 февраля такие же прокламации были найдены в с. Вороны и Рыбкино [3, л. 183, 187–188]. Интересно, что после ликвидации куликовской группы эсеров на территории Краснослободского уезда до конца 1903 г. обнаружение значительного количества прокламаций было отмечено только в июле в с. Муравлянки: 4 брошюры «Почему стреляли в харьковского губернатора», 3 - издания крестьянского союза ПСР, а также 18 экземпляров «Народных листков» [Там же, л. 193, 196].

Через своих служащих Малышев распространял прокламации и среди рабочих на мельнице. Например, Влас Кормилицын давал читать брошюру «О податях и налогах» Ивану Жирнову только лишь узнав, что тот любит читать [16, л. 29]. Результат не замедлил себя ждать. 19 января 1903 г. семеро

рабочих (четверо из д. Камышлейки Огаревской волости: Литавин, Голов, Дрининов, Пчелин; один из д. Бугро-Ключей — Жирнов; двое не названы) по предварительному сговору отказались работать на праздник Крещения Господня, также требуя отменить работы в воскресные дни. Хозяин отказался удовлетворить требования забастовщиков, которые в результате получили расчет и разошлись [Там же, л. 67].

Полиции стали известны случаи, когда на мельницу за эсеровской литературой приезжали отдельные люди, увозя с собой разное количество брошюр и прокламаций. Урядником Боломожновым было установлено, что в д. Парцы брошюры поставлялись неизвестными крестьянами с мельницы Малышева [Там же, л. 23]. В неизвестном направлении с мельницы вместе с печатными изданиями исчез крестьянин с. Агарина Серпуховского уезда [Там же, л. 43].

Однако длительного времени для своей деятельности куликовским эсерам власти не предоставили. Уже в начале февраля полиция провела аресты лидеров эсеровского кружка в с. Куликовке. Для более полного расследования антиправительственной деятельности на станцию 18 февраля приехали инсарский уездный исправник и товарищ прокурора пензенского окружного суда. И. Калинина сослали в Сибирь, А. Малышева выслали за пределы Пензенской губернии. Участников забастовки 19 января и активных распространителей брошюр отправили в саранскую и инсарскую тюрьмы |Там же, л. 60.|.

Следует отметить, что даже после разгрома куликовской группы социалистов-революционеров нелегальную литературу продолжали обнаруживать на территории Инсарского уезда. Так, 18 февраля крестьянином из с. Токмовка были предоставлены 3 брошюры «Ко всему русскому крестьянству» и 2 «Беседы о земле». 17 марта земским начальником 6-го участка были предоставлены 1 брошюра «За веру, царя и отечество» и 3 прокламации «Ко

всему русскому крестьянству», которые незадолго до этого нашли на дороге крестьяне с. Муравьевка Сараев и Рузавкины [Там же, л. 71, 124]. Все это свидетельствует о большом количестве антиправительственной литературы, распространенной в декабре 1902 — январе 1903 г. эсеровской группой, образованной А. Малышевым.

Однако разгром куликовской группы эсеров не означал ликвидацию проблемы распространения нелегальной литературы, которая с марта 1903 г. охватила Саранск и Саранский уезд. За данными антиправительственными акциями стояла саранская группа ПСР, образовавшаяся в городе весной 1903 г.

6 марта у Сергея Кочеткова в с. Новосельцеве была отобрана 52-страничная книга «В борьбе обретешь ты право свое» издательства ПСР. Кочетков сослался на то, что нашел ее довольно далеко от дома и уже хотел сжечь. 8 марта в саранскую тюрьму на имя некоего Стопушкина была доставлена брошюра «1 февраля 1903 г.» пензенского комитета ПСР. По штемпелю было определено, что конверт пришел со станции Ртищево (где в 1902–1903 гг. существовала эсеровская организация). 22 марта у ученика IV отделения Архангельско-голицынской второклассной школы была отобрана брошюра «За веру, царя и отечество», которую он нашел около железнодорожного переезда [3, л. 148–149, 152]. 15 апреля ремонтные рабочие нашли книгу «Царское правительство и трудовой народ» пензенской группы ПСР у разъезда Журловка, 24 апреля эсеровская брошюра была отобрана у крестьянина с. Салмы Ильи Киреева, 16 мая – «В борьбе обретешь ты право свое» (неизвестно от кого) была получена помощником уездного исправника Антоновым переезда [Там же, л. 155–156, 159].

Наибольшее количество эсеровских брошюр и прокламаций в Саранском уезде было обнаружено в июне 1903 г. Так, 4 июня «Воззвание социалистовреволюционеров» пензенской группы эсеров нашли в чайной лавке Шабаева

на базарной площади Саранска, 9 июня прокламацию и брошюру обнаружили в почтовом ящике при отделении Международного банка, 20 и 21 июня 3 прокламации были найдены в двух частных домах. 21 июня мещанин Барков обнаружил на пороге своего дома 3 брошюры «Ко всей сознательной России», 23 июня помощник уездного исправника Антонов второй раз за два месяца нашел прокламацию, прикрепленную к дверной ручке мукомольной лавки на базарной площади [Там же, л. 160–162, 166, 168–169].

В тот же период эсеровскую брошюру читали крестьяне с. Семилей. При этом комментирующий чтение крестьянин Иван Давыдов открыто говорил своим односельчанам, что «нашего царя скоро убьют». Позже, 3 июля, прокламацию обнаружили крестьяне с. Макаровка. 5 сентября аналогичный документ был найден у железнодорожного полотна в с. Монастырском. 6 декабря 13 эсеровских брошюр обнаружили в окрестностях с. Горяйновка и Танеевка. Наконец, 13 декабря 7 листовок и 2 брошюры — в с. Луховка [Там же, л. 170—171, 173, 176, 178, 181].

Анализируя деятельность саранских эсеров, остановимся на двух отличиях их агитационно-пропагандистской кампании от куликовской. Во-первых, необходимо отметить значительно меньшее количество распространяемой партийной литературы. Это объясняется тем, что вся она завозилась из Пензы, а не печаталась на месте, как в Инсарском уезде. Во-вторых, саранские эсеры, в отличие от куликовских, с первых дней деятельности стремились привлечь внимание местных властей, продемонстрировать, что в городе появилась некая новая сила, не подконтрольная администрации и способная на решительные действия. Складывается впечатление, что местные социалисты-революционеры стремились напоминать, что в масштабах Российской империи эсерам уже удалось осуществить ряд громких террористических актов: были убиты министр просвещения Боголепов и министр внутренних дел Сипягин. Гарантий того, что подобные инциденты не произойдут в Саранске, не было: моральное давление, успешно оказываемое саранской группой эсеров, в любое время могло перейти в индивидуальный террор против представителей власти. Самым ярким эсеровским «напоминанием» о своем присутствии стала наклеенная 29 августа 1903 г. на здание саранской городской думы прокламация [Там же, л. 175]. Однако к концу 1903 г. саранская группа ПСР была разгромлена властями, и осуществить акции реального террора им не удалось.

В отличие от куликовской и саранской групп, эсеры в с. Любятино Саранского уезда совершили ряд силовых действий против местного населения.

Начало деятельности любятинских эсеров относится ко второй половине февраля 1903 г. и характеризуется распространением антиправительственной литературы. 17 февраля полицейским урядником 3-го участка инсарскому уездному исправнику были переданы 3 книги преступного содержания: «За веру, царя и отечество» Ивана Вольного, «Царское правительство и рабочий народ» издания пензенской группы ПСР и «Мал золотник, да дорог», а также 1 печатный лист «В борьбе обретешь ты право свое» [16, л. 64.]. Однако в дальнейшем эсеровская группа сменила тактику, перейдя сначала к организации нелегальных сходок (что привело к увеличению ее численности), а затем – террористическим действиям против своих однообщественников. На окраине села в овраге Михаил Силантьев и его единомышленники стали собирать крестьян с целью бесед политического характера и чтения эсеровских брошюр и прокламаций. Агитаторы призывали не слушать стариков, поскольку те побуждали крестьян не поддерживать эсеров. Численность любятинского кружка постоянно росла: по словам одного из наиболее активных его членов Петра Черницова, в Кошкаревском овраге «уже

собирается 48 человек, а на Пасху прибудет новый, 49-й» [Там же, л. 191, 193].

К апрелю 1903 г. противостояние в селе между членами эсеровского кружка и их сторонниками, с одной стороны, и крестьянами, не разделявшими их убеждений, – с другой, достигло своего пика. В ночь на 12 апреля в селе произошло сразу несколько пожаров, в результате которых сгорели дома священника Успенского, а также законопослушных крестьян – Акима Ныркова, Тютькина и др. Политически неблагонадежные крестьяне препятствовали тушению пожаров. На следующее утро односельчане, сочувствовавшие эсерам, угрожали крестьянину Алексею Козюкову за то, что он пустил к себе на квартиру урядника Овчукова ГТам же, л. 183]. Это была открытая угроза расправой за препятствование антиправительственной деятельности.

Апрельские пожары заставили власти перейти к решительным действиям, направленным на прекращении деятельности эсеровского кружка. Начались аресты наиболее активных его членов. Местные крестьяне, стремившиеся избавиться от опасного соседства, оказывали полиции помощь. Погорельцы сразу заявили, что поджоги совершили лица, собиравшиеся в овраге и читавшие преступные книжки. Священник обвинил в поджоге Черницова, поскольку в свое время выгнал его со службы, после чего последний открыто грозился сжечь священника [Там же, л. 180–181].

В результате активных действий полиции любятинский кружок ПСР был разгромлен. 14 апреля 1903 г. суд вынес приговор: за принадлежность к любятинскому тайному противоправительственному кружку, а также хранение и распространение преступных сочинений в значительном количестве приговорить к высылке в Архангельскую губернию: Михаила Силантьева — на 4 года, Ивана Силантьева, Степана Мельникова, Петра Черницова и Степана Куликова — на 2 года [5, л. 1]. Приговор мог быть более суровым, но полиция не смогла доказать

причастность любятинцев к пожарам, произошедшим 9–12 апреля в соседних селах Приволье, Русское Баймашево, Долгоруково, Напольная Петровка и Бутурлино [16, л. 235].

Интересным следствием активной эсеровской агитационной кампании начала 1903 г. стало то, что начальник пензенского жандармского управления потребовал проверить слухи о том, что на территории Инсарского уезда якобы существовала тайная народная библиотека, которой заведовали по одной версии, крестьяне, по другой - учителя [Там же, л. 280]. Исправник в ответ на запрос постарался «успокоить» начальство сведениями об отсутствии подобных библиотек, подтвердив таким образом, что антиправительственные издания поступали в уезд из других регионов страны, в частности из Пензы, где находился губернский комитет ПСР.

Также следует заметить, что любятинская группа партии эсеров, будучи тесно связанной с губернской организацией, обладала схожей тактикой. Именно в 1903 г. в Пензенской губернии началась волна аграрного терроризма, представленная поджогами. Состояние этого направления антиправительственной деятельности демонстрирует письмо пензенского уездного исправника министру внутренних дел от 25 сентября 1903 г.: «С января по сентябрь 1903 г. в пределах Пензенского уезда совершен ряд поджогов, преимущественно в усадьбах землевладельцев, причем не представляется возможным обнаружить виновных в поджогах. Были случаи привлечения к ответственности, но из-за недостаточности улик их освобождали. Безнаказанность поджигателей увеличивало их число. В августе пожары в Засекинской, Черницовской и Федоровской волостях стали систематическими, что вызвало панику у землевладельцев и заставило их переселяться в города» [4, л. 36]. В справке губернатору исправник уточнил причины неудачи властей в борьбе с аграрным терроризмом: «С января по сентябрь 1903 г. в пределах Пензенской губернии совершен ряд поджогов, преимущественно в усадьбах землевладельцев, причем полицейским дознанием не представляется возможным найти поджигателей, так как лица, могущие назвать преступников молчат, опасаясь мести. Усиление деятельности поджигателей связано с влиянием антиправительственной пропаганды и брошюр, рекомендующие населению поджоги как способ борьбы в виду уничтожения крупной собственности и расширения крестьянских владений» [6, л. 34–35].

Итак, 1903 г. характеризуется наивысшей активностью антиправительственной деятельности ПСР на территории современной Республики Мордовия. В этот период партия эсеров Инсарского и Саранского уездов прошла стадию структурного оформления, чем и объясняется интенсивность ее деятельности. Интересным представляется также анализ тактики эсеровских групп в рассматриваемый период: уездные группы всегда действовали в фарватере головной (пензенской губернской) организации партии. Если в деятельности куликовских эсеров отмечается лишь распространение нелегальной литературы среди населения, что было стандартной тактикой пензенских эсеров в 1901—1902 гг., то с саранскими и любятинскими связано силовое противостояние лояльных и оппозиционных элементов. За 1903 г. представители партии эсеров мордовского края прошли эволюцию тактики от пропаганды путем «морального террора» к открытому аграрному террору.

Деятельность властей была достаточно эффективной, поскольку, как правило, существование эсеровских групп продолжалось не более 2—3 месяцев; антиправительственная литература также изымалась у местных крестьян в срочном порядке.

Таким образом, в 1903 г. на территории Инсарского и Саранского уездов проходила некая «репетиция» революционных событий, произошедших в Российской империи в 1905—1907 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Алуев, В. Ф.** Социал-демократы и эсеры Пензенской и Симбирской губернии в годы первой российской революции : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / В. Ф. Алуев. Санкт-Петербург, 1994. 24 с.
- 2. **Богатырев, Э.** Д. Приписное крестьянство Мордовского края в контексте развития казенной поташной промышленности России / Э. Д. Богатырев, С. В. Першин // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 17–22.
 - 3. Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7414.
 - 4. Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп.1. Д. 7419.
 - 5. Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7525.
 - 6. Государственный архив Российской Федерации. ДП ОО. Оп. 230., Д. 360, ч. 5.
- 7. **Ефимов, К. А.** Пролетариат и политические партии в Поволжье в годы первой русской революции: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / К. А. Ефимов. Самара, 1993. 23 с.
- 8. **Кистанов, С. В.** Политические организации на территории мордовского края в условиях формирования многопартийности в России (начало XX века) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / С. В. Кистанов. Саранск, 2004. 24 с.
- 9. **Купришкин, Т. Е**. Революция 1905—1907 гг. на территории MACCP / Т. Е. Купряшкин. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1941. 156 с.
- 10. **Михайлова, Е. М**. Черносотенные организации Среднего Поволжья между буржуазно-демократическими революциями : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / Е. М. Михайлова. Казань, 1993. 22 с.
- 11. Очерки истории мордовской организации КПСС ; под ред. М. В. Дорожкина [и др.]. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1967. 688 с.

- 12. Очерки истории мордовской организации КПСС (2-е изд., перераб. и доп.). Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1979. 710 с.
 - 13. Революция 1905–1907 гг. на территории Мордовии. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1955. 560 с.
- 14. **Фирстов, И. И.** Мордовия в годы первой русской революции / И. И. Фирстов. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1955. 302 с.
 - 15. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 49. Оп. 1. Д. 4.
 - 16. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 88. Оп. 1. Д. 12.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Кистанов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kistanov-viz@yandex.ru

Для цитирования: Кистанов, С. В. Деятельность политических организаций мордовского края накануне первой российской революции / С. В. Кистанов // Вестник Мордовского университета. -2014. № 3. - С. 75-83.

REFERENCES

- 1. Aluev V. F. Social-demokraty i jesery Penzenskoj i Simbirskoj gubernii v gody pervoj rossijskoj revoljucii: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [The Social Democrats and the Social Revolutionaries of Penza and Simbirsk provinces during the First Russian Revolution. Author's abstract of cand. of histor. sci. diss.]. St. Petersburg, 1994, 24 p.
- 2. Bogatyrev E. D., Pershin S. V. Pripisnoe krest'janstvo Mordovskogo kraja v kontekste razvitija kazennoj potashnoj promyshlennosti Rossii [The ascribed peasants of Mordovian edge in the context of development of state potash industry in Russia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* Chuvash University Herald. 2006, no. 6, pp. 17 22.
 - 3. GAPO [The State Archives of the Penza region (SAPR)]. Fund 5, inventory 1, file 7414.
 - 4. GAPO [SAPR]. Fund 5, inventory 1, file 7419.
 - 5. GAPO [SAPR]. Fund 5, inventory 1, file 7525.
- 6. GARF, DP OO [The State Archives of the Russian Federation, the Police Department, the Special Department], inventory 230, file 360, part 5.
- 7. Ephimov K. A. Proletariat i politicheskie partii v Povolzh'e v gody pervoj russkoj revoljucii: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Proletariat and the political parties in the Volga region during the first Russian revolution. Author's abstract of cand. of histor. sci. diss.]. Samara, 1993, 23 p.
- 8. Kistanov S. V. Politicheskie organizacii na territorii mordovskogo kraja v uslovijah formirovanija mnogopartijnosti v Rossii (nachalo XX veka): Autoabstract dis. ... kand. ist. nauk [Political organizations in the territory of Mordovian edge in the conditions of formation of multiparty system in Russia (early XX century). Autoabstract of cand. of Histor. sci. diss]. Saransk, 2004, 24 p.
- 9. Kupryashkin T. E. Revoljucija 1905-1907 gg. na territorii MASSR [The revolution of 1905–1907 on the territory of the MASSR]. Saransk, Mordovian Book Publ., 1941, 156 p.
- 10. Mikhaylova E. M. Chernosotennye organizacii Srednego Povolzh'ja mezhdu burzhuazno-demokraticheskimi revoljucijami: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Black Hundred organization of the Middle Volga between the bourgeois-democratic revolutions. Author's abstract of cand. of Histor. sci. diss.]. Kazan, 1993, 22 p.
- 11. Ocherki istorii mordovskoj organizacii KPSS [Essays on the History of the CPSU organization in Mordovia], edit. by M. V. Dorojhkin et al. Saransk, Mordovian Book Publ., 1967, 688 p.
- 12. Ocherki istorii Mordovskoj organizacii KPSS 2-e izd. pererab. i dop [Essays on the History of the CPSU organization in Mordovia. 2nd ed. rev. and enlarged]. Saransk, Mordovian Book Publ., 1967, 710 p.
- 13. Revoljucija 1905-07 gg. na territorii Mordovii [The revolution of 1905-07 on the territory of the MASSR]. Saransk, Mordovian Book Publ., 1955, 560 p.

- 14. Firstov I. I. Mordovija v gody pervoj russkoj revoljucii [Mordovia in the first Russian revolution]. Saransk, Mordovian Book Publ., 1955, 302 p.
 - 15. CGARM [The Central State Archive the Republic of Mordovia (CSA of RM)]. Fund 49, inventory 1, file 4.
 - 16. CGARM [CSA of RM]. Fund 88, inventory 1, file 12.

About the author:

Kistanov Sergej Vasil'evich, associate professor of History of Russia chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Historical sciences, kistanov-viz@yandex.ru

For citation: Kistanov S. V. Dejatel'nost' politicheskih organizacij mordovskogo kraja nakanune pervoj rossijskoj revoljucii [The activities of political organizations in Mordovian region on the thrushold of the first Russian revolution]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 75 – 83.

ТЕРЮХАНЕ – ПУРГАСОВА РУСЬ?

В. К. Абрамов

В статье приводятся результаты антропологического исследования методом кластерного анализа этнографической мордовской группы – терюхан – в сравнении с другими финно-угорскими, а также русскими и тюркскими группами населения Поволжья.

Ключевые слова: терюхане, антропологические параметры, критерий Гейнке, критерий Пирсона, кластерный анализ.

WERE TERJUHANES THE PURGAZ'S RUS'?

V. K. Abramov

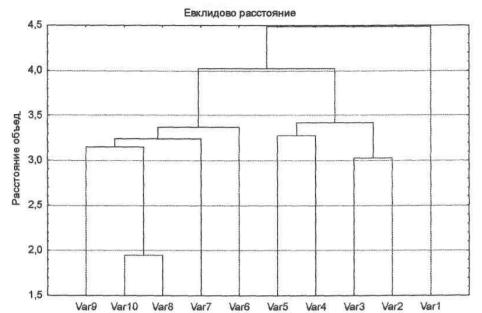
The article deals with the results of an anthropological research of a Mordvinian ethnographic group, the Teryukhanes, in comparison with other Finno-Ugric groups and Russian and Turkic groups of the Volga region. The method of cluster analysis is used.

Keywords: Terjuhanes, anthropological parameters, Heinke's test, Pearson's chi-squared test, cluster analysis.

В работе «К вопросу об антропологическом типе мордвы-терюхан» [2, с. 20–27] мы провели количественный анализ соседствующих трех мордовских и четырех русских групп из установленных специалистами антропологических зон с целью выявления степени их близости (таблица). На основании критерия Хи-квадрат, коэффициентов Гейнке расового И сходства Пирсона было установлено, что антропологически терюхане наиболее близки к эрзянской группе мордвы. Следующим по степени близости к ним явилось русское верхневолжское население, в результате чего мы сделали вывод (согласующийся с данными традиционных исторических исследований), что терюхане представляют собой результат смешения мордовского населения с прибывшим из другой местности русским верхневолжским. Этот вывод был подкреплен кластерным анализом, проведенным на основе округленных до сотых нормированных антропометрических показателей. Мы сделали попытку выявить степень

близости терюхан не только к русским группам населения, но и к восточным соседям – горным марийцам, северным чувашам и татарам (Там же).

Методом одиночной связи была дендрограмма получена (рисунок). Ожидаемое объединение горных марийцев и северных чувашей (группы 8 и 10), выявленное нами ранее [1, с. 34–35], произошло на уровне около $2 - K_1(8, 10)$. Также ожидаемое объединение мокшан и эрзян $K_2(2, 3)$ произошло на уровне 3. На уровне 3,15 к первому кластеру (марийцам и чувашам) присоединились татары $K_3(K_1,$ 9), затем к ним же добавились северо-восточные русские $K_{4}(K_{2}, 7)$, после чего на 3,3 произошло объединение донсурских и верхневолжских русских групп $K_s(4,5)$. Далее к кластеру K_A присоединились средневолжские русские - $K_6(K_4, 6)$. На уровне 3,4 произошло соединение в едином кластере эрзян, мокшан, донсурских и верхневолжских русских – $K_7(K_2, K_3)$. Наконец, на рубеже в 4 единицы объединились все группы, кроме терюхан – $K_8(K_6, K_7)$.

Терюхане – Var 1, эрзяне – Var 2, мокшане – Var 3; русские (донсурские) – Var 4, верхневолжские – Var 5, средневолжские – Var 6, северо-восточные – Var 7; марийцы – Var 8, татары – Var 9, чуваши – Var 10.

Р и с у н о к . Дендрограмма, демонстрирующая объединение народов Поволжья

Наблюдается разделение поволжского населения на кластеры K_7 и K_9 , что указывает на достаточно интенсивное смешение русского населения, с одной стороны, с определенными группами мордвы, а с другой – с марийцами, татарами и чувашами. Присоединение терюхан к общей поволжской группе произошло лишь на 4,5 уровне $K_0(K_0, 1)$, что, безусловно, является неожиданным результатом. Такое отличие терюхан от всех местных групп заставляет увидеть проблему в их происхождении. Предположим, что этот антропологический тип явился следствием смешения эрзян с представителями как верхневолжской, так и другой группы, историческую родину которой следует искать за пределами Поволжья. Высокий, по местным меркам, процент (22 %) светловолосого населения среди терюхан и очень высокий (56 %) – светлоглазого, в совокупности с самым высоким ростом среди рассматриваемых групп, приводит к предположению, что эта родина была расположена на северо-западе. Русские летописи XIII в. указывают на наличие в северомордовском (эрзянском) княжестве (Пургасовой волости) «Мордвы и Руси» [3, с. 451]. Как правило, исследователи рассматривают последний термин в этническом аспекте и относят его именно к русскому населению. Однако результат проведенного анализа заставляет предположить, что летописная Пургасова Русь могла быть дружиной, составленной из скандинавов. Известно, что в районе современного Ярославля (городище Темирево) длительное время существовала варяжская колония. Возможно, именно ее представители и были «Пургасовой Русью», осевшей затем в мордовских землях и оставившей свой след в генофонде терюхан. Однако, разумеется, такое предположение нуждается в дальнейших исследованиях.

	N	Іордовс	кие	D				П			
Показатель	группы				Русские группы				Другие группы		
	терюхане	эрзяне	мокшане	донсурские	верхне- волжские	средне- волжские	северо- восточные	марийцы	татары	чуваши	
Кол-во групп*	1	11	12	12	6	6	6	1	1	1	
Длина тела, см	170,2	167,8	166,2	166,5	166,0	167,2	166,3	164,8	166,4	164,5	
Продольный диаметр головы, мм	189,5	191,5	191,8	190,9	188,6	190,2	188,0	188,0	189,0	188,5	
Поперечный диаметр головы, мм	152,6	152,3	150,9	152,0	152,8	154,2	155,6	153,7	154,1	153,8	
Наименьшая ширина лба, мм	106,9	106,9	105,2	106,1	106,1	107,2	108,5	107,3	106,8	107,2	
Высота лица морфологичес- кая, мм	127,1	126,2	125,8	125,3	126,5	124,0	126,5	127,3	126,0	127,3	
Скуловой диа-	139,7	139,6	139,2	139,0	139,3	140,5	141,0	141,4	142,1	140,0	
Нижне-челюст- ной диаметр, мм	109,6	109,0	108,3	107,5	107,7	109,3	111,1	110,0	110,2	111,1	
Головной указа- тель, %	80,5	79,5	78,6	79,8	81,1	81,1	82,8	81,8	81,6	81,7	
Лицевой указа- тель, %	91,0	90,5	90,5	90,1	90,8	88,2	89,7	90,1	88,9	90,6	
Носовой указа- тель, %	63,1	65,9	66,1	63,6	62,7	64,1	63,4	63,6	65,1	63,5	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Хи-квадрат	_	15,58	48,73	39,87	29,19	42,36	57,54	_	_	-
Коэффициент Гейнке	-	1,25	2,21	2,00	1,71	2,06	2,40	-	_	_
Коэффициент Пирсона	_	1,33	4,41	3,58	2,40	3,53	4,83	_	_	_

^{*}Средние показатели подсчитаны с учетом численности каждой из представленных групп (по 70–100 чел.). Составлена по: [3]; Происхождение и этническая история русского народа. – Москва, 1965. – С. 307–312.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Абрамов, В. К.** К вопросу об антропологическом типе горных марийцев / В. К. Абрамов // Современные наукоемкие технологии. Москва, 2005. № 9. С. 34–35.
- 2. **Абрамов, В. К.** К вопросу об антропологическом типе мордвы-терюхан: материалы X Международного конгресса финно-угроведов: археология, антропология и история. Йошкар-Ола, 2008. Ч. 4. С. 20–27.
- 3. **Марк, К. Ю.** Этническая антропология мордвы / К. Ю. Марк // Вопросы этнической истории мордовского народа. Москва, 1960. С. 154–165.
 - 4. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2. С. 451.

Об авторе:

Поступила 11.10.2013 г.

Абрамов Виктор Кузьмич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), abramovvk@mail.ru

Для цитирования: Абрамов, В. К. Терюхане – Пургасова Русь? / В. К. Абрамов // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 84–87.

REFERENCES

- 1. Abramov V. K. K voprosu ob antropologicheskom tipe gornyh marijcev [On the question about the anthropological type of the mountain Mari]. *Sovremennye naukoemkie tehnologii* Modern high technologies. Moscow, 2005, no. 9, pp. 34 35.
- 2. Abramov V. K. K voprosu ob antropologicheskom tipe mordvy-terjuhan [On the question of the anthropological type of the Mordva-Teryan]. *Materialy X Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov: arheologija, antropologija i istorija* Proceedings of the X International Congress for Finno-Ugric studies: archaeology, anthropology and history. Yoshkar-Ola, 2008, pp. 20 27.
- 3.Mark K. Ju. Jetnicheskaja topologija mordvy. Voprosy jetnicheskoj istorii mordovskogo naroda [Ethnic topology of Mordvinians. Issues of ethnic history of the Mordvinian people]. Moscow, 1960, pp. 154 165.
 - 4. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete Russian Chronicles], vol. 1, no. 2, 451 p.

About the author:

Abramov Viktor Kuz'mich, professor of History of Russia chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Historical sciences, abramovvk@mail.ru

For citation: Abramov V. K. Terjuhane – Purgasova Rus'? [Were terjuhanes the Purgaz's Rus'?]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 84–87.

МОРДОВСКИЙ ГОЛОВА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ XVII в.

Н. Ю. Персидская

В статье рассматриваются особенности управления мордовским населением на примере изучения должности мордовского головы; на многочисленном архивном материале определяется и анализируется роль головы в системе органов местного управления Российского государства XVII в.

Ключевые слова: мордовский голова, мордовский пристав, судебные функции, сбор налогов, воевода, губной староста.

THE MORDVINIAN HEAD IN SYSTEM OF LOCAL AUTHORITIES OF THE 17th CENTURY

N. Yu. Persidskaya

The article discusses the administration of Mordovian population and the position of the head of Mordovinians. The author defines the functions and place of the Head in the system of local authorities of the Russian state in the 17th century. Numerous archival materials have been studied to show this position as an important social tool; national specifics of administration of the Mordovian population are considered.

Keywords: Mordvinian head, Mordvinian police officer, judicial functions, taxation, voivode, detective headman.

Рубеж XVI–XVII вв. в Российском централизованном государстве был периодом активного поиска наиболее эффективных форм местного управления. Реформы Ивана IV, вводившие губное и земское самоуправление, не являлись единовременным актом. Они осуществлялись поуездно в течение многих лет, обусловливая при этом значительную специфику управления на местах [1, с. 432]. В XVII в. после эпохи длительных войн в период правления Ивана Грозного и в Смутное время система управления на местах подверглась серьезной коррекции. Значительно усилился контроль центра, а органы местного самоуправления были подчинены царскому административному аппарату. Одной из специфических черт, присущих управлению мордовским краем в этот период, было наличие должности мордовского головы.

Известно, что голова – название военных и административных должностей в Русском государстве в XVI–XVII вв., избираемых или назначаемых правительством. На служебной лестнице они стояли ниже воевод. Спектр их должностных обязанностей был широчайшим; нас интересует роль именно мордовского головы.

Факт существования данной должности говорит о том, что центральное правительство в рассматриваемый период пыталось учесть национальную специфику в управлении местным населением. Несмотря на то что общее руководство осуществляли воеводы, потребовалось наличие отдельного должностного лица, управлявшего именно мордвой.

В фонде 396 РГАДА нами был обнаружен документ, разъясняющий сущность и назначение этой должности. В челобитной на имя царя Алексея Михайловича «Арзамасского уезду всех деревень и знамен мордва и бортники» просили о направлении к ним головы: «В прошлых государь годех по указу отца твоего государева блажение памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и по твоему государеву указу по вся годы безпереводно присыланы от тебя государя с Москвы к нам холопем твоим головы... А нынеча государь у нас холопей твоих головы нет...» [4, д. 53070, л. 2]. Следовательно, должность являлась не выборной, а назначаемой из Москвы. Также грамота четко обрисовывает некоторые обязанности мордовского головы: «...и нас, холопей твоих они [головы] судили, росправу всякую чинили и от обид оберегали...» [Там же] (речь идет, прежде всего, о судебной функции головы, который разбирал спорные ситуации как между мордвой, так и мордвы со сторонними людьми). Рассматриваемый документ позволяет сделать еще один вывод: при формировании системы местного управления определенную роль в XVII в. продолжали играть желания и настроения местного населения.

До настоящего времени сохранилась часть переписки темниковского мордовского головы Романа Яковлевича Эверлакова с царем Алексеем Михайловичем за 1647 г., которая свидетельствует о еще одной важной функции головы – руководстве и контроле сбора налогов с подвластного населения. В послании Алексея Михайловича указано: «В нынешнем 155-м году посланы к тебе наши две грамоты, а велено темниковские денежные доходы на прошлой 154-й год и на нынешней 155-й год, собрав, все сполна без недобору прислать к нам к Москве тотчас с целовальники...» [5, д. 706, л. 8]. За невыполнение распоряжения царь грозит: «А будет ты наших темниковских денежных всяких доходов всех сполна к нам к Москве тотчас не пришлешь, и мы для тех денежных доходов велим послать с Москвы нарочно пристава и с прогонов и велим те денги доправить на тебе втрое. Да на тебе ж велим доправить пени двести рублев да от Москвы до Темникова и назад до Москвы на многие подводы прогоны вдвое,да тебе ж за то от нас быть в великой опале и в наказане...» [Там же].

Поскольку функции мордовского головы пересекались с обязанностями воеводы, осуществлявшего управление местным уездным населением, возникает вопрос: как эти должности соотносились между собой?

Несмотря на то что головы стояли на служебной лестнице ниже воевод, непосредственно воеводам они не подчинялись. В документах существуют и косвенные, и прямые доказательства этого утверждения. К косвенным отнесем упомянутый выше факт прямого сообщения между царем и мордовским головой без посредничества воеводы. К прямым – указ царя Алексея Михайловича о том, что сбором налогов с темниковской мордвы ведает именно мордовский голова, а не воевода: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии темниковскому мордовскому голове Роману Яковлевичю Эверлакову. Писал к нам ис Темникова столник и воивода Лаврентей Собакин, что по нашей грамоте и по саратовской росписи велено ему править наши соляные пошлины на татарех и на мордве и присылат те денги к нам к Москве, и ему де, Лаврентью, мордву ведат не приказано, а указано во всем ведат тебе, Роману. И мы указали: на татарех и на мордве наши соляные пошлины правит тебе...» [6, д. 2245, л. 3].

У мордовского головы в прямом подчинении находился отдельный подвластный аппарат приказных людей, состоявший из подьячего и мордовских приставов. Сохранилась грамота, посланная от царя в Темников мордовскому голове по поводу челобитной темниковского площадного подьячего Дмитрия Меркулова: «А ныне, де, с тобою в Темникове у нашего дела подячего нет, а емлеш, де, ты к нашему делу для писма подячих

с площади... И как к тебе ся наша грамота придет и ты б темниковскому площадному подячему Дмитрею Меркулову велел у наших дел быть для писма в подячих...» [5, д. 706, л. 3].

Примечательно, что в случае необходимости голова мог прибегнуть к помощи воеводских служилых людей, но последние относились к этому негативно, ярким свидетельством чего является еще один фрагмент вышеупомянутой переписки Алексея Михайловича с Р. Эверлаковым: «...писал к нам ис Темникова столник и воивода Лаврентий Собакин, что в Темникове пушкарей и розсылщиков и площадных подячих не осталось ни одного человека, а ты, де, против нашей грамоты просиш у него пушкарей и розсылщиков и стрельцов и площадных подячих, а ему, Лаврентью, дат неково, а у тебя много и своих мордовских приставов. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б для нашего дела посылал своих приставов. А будет у тебя мало, и ты б велел в прибавку прибавить приставов мордве сколко человек пригож. А будет тебе понадобятца руские розсылщики для наших самых нужных дел и ты б темниковских розсылщиков имал у столника и воиводы у Лаврентья Собакина, которые у него в то время не у дел будут по сколку человек пригоже...» [Там же, д. 2245, л. 4].

Кроме этого, исследовательский интерес вызывает вопрос о взаимоотношениях мордовского головы с органами местного самоуправления, представленных губными старостами, а также старостами и целовальниками, выбираемыми мордовской общиной.

О судебных функциях головы было упомянуто в одной из грамот царя Алексея Михайловича к Р. Эверлакову, где содержится указание обеспечить приезд в Москву в приказ Казанского дворца для проведения очной ставки мордвы Темниковского уезда (Ормянки Роткина и его товарищей, обвиняемых в разбойном нападении на мордвина из Нижнеломовского уезда Оску Радкаданова): «И как к тебе ся наша грамота придет,

и ты б Темниковского уезда <...> мордву на Ормянка Роткина с товарыщи, которые в сей нашей грамоте имяны писаны, велел их сыскать, а сыскав, велел их дать на поруки з записю. А за поруками из них одному или двум, ково они меж себя сами выберут, велел им стать на Москве в Приказе Казанского дворца перед боярином нашим перед князем Алексеем Никитичем Трубецким да перед дьяки нашими <...> на Покров пресвятой Богородицы 7156 году [1647 г.]...» [5, д. 706, л. 5].

С другой стороны, известно, что право осуществлять различные судебные функции на местах принадлежало, согласно губной реформе Ивана IV, губным старостам и их помощникам – целовальникам, позднее подчиненных воеводам. В еще одной грамоте царь Алексей Михайлович дает прямое указание следить за порядком и осуществлять розыск по уголовным делам относительно подвластного голове мордовского населения совместно с темниковским губным старостой: «...И как к тебе ся наша грамота придет и ты б берег тово накрепко, чтоб темниковская мордва и посопные татарове не розбивали [разбойничали] и не крали и розбойником и татем в приезде к себе не держали и розбойную и татиную рухлядю не промышляли и никаким воровством не воровали. А будет которая темниковская мордва и посопные татарове учнут розбивать и красть, или на которых мордву и на татар учнут языки говорить, и ты б тех мордву и посопных татар, имая, отсылал к губным старостам и про то б, еси, их воровство сыскивал, свестясь с губным старосты вместе, и за воров не стоял, чтоб от темниковские мордвы и от есашных татар от них розбою и татбы и инова никакова воровства не было» [Там же, л. 8].

Что касается выборных органов самоуправления мордовской общины, то они активно использовались мордовским головой для выполнения судебных и налоговых функций [2]: среди документов, хранившихся в архиве го-

ловы, содержались списки выбранных для сбора различных налогов целовальников. Например, в грамоте, присланной из приказа Казанского дворца (1673 г.), говорится о передаче кадомским воеводой Никитой Ивановичем Макшеевым мордовскому голове Федору Васильевичу Жмакину грамот о выборах целовальников для сбора посопного хлеба, медового оброка и ямских денег [6, д. 2246, л. 1–5]. Подобное свидетельство содержится в царской грамоте за 1651 г., присланной темниковскому воеводе [Там же, д. 1288, л. 22]. В ней говорится о процедуре замены мордовского головы, в том числе передаче необходимой для ведения дел документации: «Писал к нам, великому государю, Алексей Враской. Приехал, де, он, Алексей, в Кадом к мордве и к буртасом полковника на Яковлево место Друкаря. И он, де, Яков, приняв нашу великого государя росписную грамоту, учинился не послушен, и приходных, и расходных книг денежным и медвеным доходом и хлебным запасом и никаких дел и выборов целовалничих ему не отдал, и с ним, Алексеем, он, Яков, не росписався, ис Кадома к Москве уехал, и всякие, де, дела увез с собою» [Там же].

Кроме сбора государственных податей и налогов, на выборных от мордовской общины лежала также обязанность доставки всего собранного в Москву. Зубов Мордовский голова Дмитрий и подьячий Федор Бернов в челобитной на имя царя Михаила Федоровича дали следующий отчет: «По твоей государевой грамоте и по росписи нас, холопи твои, с Темникова с посаду и с темниковские мордвы твои, государь, денежные всякие доходы и медвеной оброк собрали, а мед, государь, запечатали твоим государевым темниковским казенным пятном, а собрав, государь, денги и мед по росписи послали к тебе, государь <...> к Москве с мордовскими сотниками и с мордвою с лудчими людми, которые, государь, мордва меж собя выбрали» [5, д. 287, л. 16].

Давая общую оценку роли мордовского головы в системе органов местного управления, необходимо отметить следующее. С одной стороны, голова, являясь промежуточным звеном между мордвой и органами центральной власти, вынужден был в определенной мере учитывать интересы местного населения. Нами не были обнаружены прямые данные, но, судя по всему, голова знал мордовские языки, а также местные обычаи и традиции. Дублирование функций воеводы и головы без учета национальной специфики является лишенным смысла. О тесной связи мордовского головы и подвластного ему населения также говорит тот факт, что о его назначении просил в своих челобитных сам мордовский народ. А царь неоднократно в своих посланиях упрекал голову в том, что последний не проявляет должного рвения в службе, «норовя мордве и бортником для своей корысти» [Там же, д. 706, л. 9–10].

С другой стороны, мордовский голова являлся неотъемлемой частью общегосударственного аппарата управления. Будучи дворянином, состоявшим на царской службе, он, несомненно, являлся проводником интересов господствовавшего класса. Об этом свидетельствуют данные об активном содействии мордовского головы в качестве информатора карательным войскам Юрия Долгорукова, подавлявшего крестьянские выступления на территории Мордовии в ходе восстания под руководством С. Разина. В сохранившихся донесениях Ю. Долгорукова царю Алексею Михайловичу содержится следующее: «...Да того же, государь, числа в четвертом часу ночи прибежал ко мне, холопу твоему, арзамаской мордовской голова Трофим Жуков и сказал: прибежал, де, к сторожевой сотне к арзамаским посадом человек и закричал, чтоб береглись, едут, де, от села Вада воровские казаки к Арзамасу и хотят приходить сее ночи на наш, холопей твоих, обоз, и того вестовщика привел с собою...» [3, д. 423, л. 184].

Таким образом, должность мордовского головы являлась несомненным свидетельством специфики управления мордовским населением в рассматриваемый период, что было обусловлено необходимостью центральной власти учитывать в своей региональной политике национальный фактор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Зимин, А. А.** Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века / А. А. Зимин. Москва: Изд-во соц.-эконом. лит., 1960. 510 с.
- 2. **Персидская**, **Н. Ю.** Роль мордовской общины в социально-политической системе Российского государства в XVII начале XVIII в. / Н. Ю. Персидская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 12. Ч. 3. С.158—162.
 - 3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 13. Ч. 1.
 - 4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 1.
 - 5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. 1.
 - 6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1167. Оп. 1. Ч. 2.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Персидская Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), zarva73@yandex.ru

Для цитирования: Персидская, Н. Ю. Мордовский голова в системе органов местного управления XVII в. / Н. Ю. Персидская // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 88–92.

REFERENCES

- 1. Zimin A. A. Reformy Ivana Groznogo. Ocherki sotsialno-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii serediny XVI veka [Reforms of Ivan the Terrible. Epitome on social, economic and politic history of Russia of the middle of the 17th century]. Moscow, Izd-vo socialno-ekonomicheskoy literatury Publ., 1960, 510 p.
- 2. Persidskaya N. Y. Rol' mordovskoj obshhiny v social'no-politicheskoj sisteme Rossijskogo gosudarstva v XVII nachale XVIII veka. [The role of the Mordovian communities in the socio-political system of the Russian state in the XVII beginning of XVIII century]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki– Historical, philosophical, political and legal science, culture and art studies. Issues of theory and practice. Tambov, 2013, no. 12, part 3, pp.158 159.
- 3. Rossiysky gosudarstvenny arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F.210. Op.13. part 1.
 - 4. RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F. 396. Op. 1.
 - 5. RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F. 1167. Op. 1. part I.
 - 6. RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. F. 1167. Op. 1, part II.

About the author:

Persidskaja Natal'ja Jur'evna, associate professor of of History of Russia chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Historical sciences, zarva73@yandex.ru

For citation: Persidskaja N. Ju. Mordovskij golova v sisteme organov mestnogo upravlenija XVII v. [The Mordvinian head in system of local authorities of the 17th century]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 88 – 92.

ИЗ ИСТОРИИ САКРАЛЬНЫХ МЕСТ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Е. Н. Мокшина, Ю. В. Катламина

В статье рассматривается история и современность одного из почитаемых жителями Республики Мордовия святого источника, расположенного в с. Мордовский Пимбур Зубово-Полянского района Мордовии.

Ключевые слова: мокша, святой источник, христианство, православие, село, крестьянство, религиозность, традиции.

FROM THE HISTORY OF SACRED PLACES OF MORDOVIA

E. N. Mokshina, Yu. V. Katlamina

The article discusses the history and the present state of one of the most respected sacred springs of the Mordovia Republic located in the village of Mordvinian Pibor in the Zubovo-Polyansky district.

Keywords: Moksha, sacred spring, Christianity, Orthodoxy, village, peasantry, religiosity, traditions.

В Республике Мордовия сохранилось немало сакральных мест, почитаемых с давних времен. К их числу относятся святые источники, вода в которых считается целебной, обладающей большой охранительной и очистительной силой.

В селе Мордовский Пимбур (Мокшень Пимбур, Пимбора) Зубово-Полянского района Мордовии долгое время проживает мордва-мокша. Его название в переводе с мокшанского языка означает «на окраине рощи» (пи — «окраина, конец», бура — «роща»). Село было основано в XVII в. В «Списке населенных мест Тамбовской губернии» (1866 г.) Мордовский Пимбур значится как казенное село, состоявшее из 255 дворов (2 226 чел.); в нем имелись деревянная Никольская церковь (1862 г.) и маслобойня.

В 1930 г. в Мордовском Пимбуре было 543 двора (2 698 чел.). В 1930-е гг. здесь был создан колхоз «Красное знамя», преобразованный в 1996 г. в СХПК «Мордовско-Пимбурский» в составе ТНВ «Вектор и К». В настоящий мо-

мент населенный пункт является центром сельской администрации в Зубово-Полянском районе и находится на расстоянии 40 км от районного центра и железнодорожной станции «Зубова Поляна». Численность населения Мордовского Пимбура (преимущественно мордва-мокша) составляет, согласно данным 2005 г., 622 чел. В селе действуют средняя школа, библиотека, Дом культуры, отделение связи, магазин, медпункт, а также Рождество-Богородицкая церковь [1].

Для жителей всегда была характерна высокая религиозность. После принятия ими христианства языческая вера довольно быстро утратила свое значение. Вероятно, такая оперативная адаптация к православию была связана с тем, что Мордовский Пимбур находится в окружении русских сел. Издавна в нем сложилась традиция ежегодно отмечать праздник, называемый в народе Казанской. Связывают это с родником, который бьет из-под земли в низине глу-

© Мокшина Е. Н., Катламина Ю. В., 2014

бокого оврага за селом: согласно преданию, здесь была явлена икона Казанской Божией Матери. Обозначение точных хронологических рамок и участников этого события представляется затруднительным. Старожилы рассказывали, что первыми икону обнаружили пастухи. Согласно другой версии, ее нашли сельские женщины, работавшие в поле, после того, как, измученные жаждой, спустились к роднику. Здесь, по преданию, ими и была обретена икона. Троекратно осенив себя крестом, женщины пророчествовали, что на это место начнут приходить люди. Впоследствии так и произошло.

Весть о чуде мгновенно облетела округу. На новоявленное святое место хлынула волна людей: кто-то получал исцеление от недугов, кто-то просто молился. Образ Казанской Божией Матери сначала находился в сельском храме в Мордовском Пимбуре, но затем по неизвестным причинам был отправлен в Нижний Ломов (по другим сведениям - в Спасск). Однако уже на следующий день икона вновь оказалась около родника. Ее вернули в храм, но через некоторое время снова обнаружили у родника. Так повторялось три раза, после чего правящие архиереи Русской православной церкви осознали, что это место снискало особую божью благодать, и построили там деревянный Казанский храм, куда и поместили святыню. Позднее этот храм сгорел и на его месте был возведен новый. Вскоре, после октябрьской революции 1917 г., храм разобрали, а из его бревен в Мордовском Пимбуре сложили клуб. Чудо-творная икона оказалась утерянной. Приближались времена жестоких гонений на религию и церковь.

Когда повсюду закрывали и разоряли монастыри, в районе родника поселился схимонах Никанор. Он вырыл себе пещеру в холме, которая стала служить ему жилищем; эта пещера сохранилась по сей день. Те, кто бывал в ней, рассказывали, что это достаточно просторное помещение, в котором имелись

еще один родничок, две иконы, лампада, дубовый стол и топчан, служивший схимонаху постелью. Жил он скромно, проводил дни и ночи в труде и молитве. Местные жители полюбили старца и старались ему помогать. К сожалению, точные сведения о жизни Никанора до того как он поселился в Мордовском Пимбуре, не сохранились. Предположительно, после революции монастырь, в котором он проживал, был закрыт, а насельники разогнаны. Почему Никанор пришел именно на это святое место, тоже неизвестно. О себе схимонах говорил: «Я свалился с неба». За свой строгий образ жизни и дар прозорливости он снискал большую любовь верующих округи. Особенно близко схимонах общался с Егором Волынкиным. Последний рассказывал, что однажды в разговоре с ним Никанор предсказал свою близкую мученическую кончину.

На тот момент храм в селе был взорван, а священнослужители или арестованы, или расстреляны, поэтому за советами в духовных вопросах жители села и округи обращались к Никанору. Очевидно, этим монах вызывал недовольство местных властей. Как-то по селу пустили слух о том, что Никанор прячет в пещере деньги и золото. В это поверил один мужчина-атеист, лишившийся на войне ноги и носивший протез. Ночью он пришел на святое место и убил схимонаха. Не обнаружив ничего ценного, убийца с ужасом скрылся с места преступления.

В ту ночь пастухи, отец и сын, пасли лошадей в поле, как вдруг они увидели столб света, который соединял небо и землю в районе родника. Пастухи направились туда, чтобы узнать, в чем дело. Придя на святое место, они обнаружили мертвого Никанора. Преступника нашли сразу – по следам, которые он оставил на влажной земле у родника. В его погребе отыскали окровавленные вещи и топор – орудие убийства. Узнав о кончине Никанора, местные жители погрузились в скорбь. Они с почестями похоронили старца на сельском кладби-

ще. Сейчас на его могиле горит лампада, а в дни особого поминовения усопших совершается панихида.

В дальнейшем в годы воинствующего атеизма родник неоднократно находился под угрозой уничтожения: его засыпали землей, мусором, заливали бетоном, но он вновь и вновь пробивался к людям [3]. После кончины Никанора заботу об источнике взяла на себя девица по имени Ольга. Она очищала родник и поддерживала в достойном состоянии пещеру схимонаха. Узнав, что на место убийства Никанора начали приходить паломники, власти завалили вход в пещеру под предлогом, что она начала обваливаться.

В годы гонений на религию и церковь крестные ходы к источнику совершались тайно: верующие по одному выносили иконы за село и прятали в поле, после чего собирались вместе и под тихое пение молитв шли к роднику.

Когда все храмы в округе были закрыты или разрушены, Казанский источник стал духовным центром Мордовского Пимбура и окрестных сел. Здесь тайно крестили детей и совершали богослужения. 21 июля, в день празднования иконы Казанской Божией Матери, по установленной предками традиции, сюда со всей округи приходили люди. Много раз богомольцев разгоняли представители советской власти, угрожая арестами и ссылками. Они хотели искоренить из памяти народа святой образ, но непоколебимая вера в Бога оказалась сильнее преследований и угроз.

Шли годы, времена изменились. Вновь стали восстанавливать и строить храмы, православным возвратили святыни, сняли запреты на почитание церковных праздников и совершение религиозных обрядов. В 1989 г. над родником в с. Мордовский Пимбур была построена дощатая часовня. Богослужения стали совершать священники, приезжавшие сюда не только из ближайших сел Зубово-Полянского района, но и из соседней Пензенской области. В 1996 г. здесь возвели новую часовню из отбор-

ных бревен, а также купель – специальный домик для купания. В честь этого события был организован большой праздник. С тех пор на пимбурской земле праздники, народные гулянья и ярмарки проводятся регулярно.

Со временем в Мордовском Пимбуре православная община возродилась. Верующим жителям села пришлось обойти немало учреждений, для того чтобы организовать приход. Власти выделили им здание для молельного дома, а в 1999 г. прислали священника Александра Чикирова, который впоследствии много сделал для строительства храма в селе и благоустройства родника.

Несколько лет назад произошло еще одно чудесное событие, связанное с Казанским источником. Священник и две церковные работницы прибыли в Мордовский Пимбур в день празднования иконы Казанской Божией Матери. Поскольку они бывали здесь неоднократно и не располагали транспортом, то решили добраться до источника пешком. Был ясный солнечный день, дорога лежала через поле. Часовня долго не появлялась на горизонте. Паломники поняли, что заблудились. Одни в чистом поле они встали на колени и взмолились к Пресвятой Богородице. Их молитва скоро была услышана. Они увидели, что невдалеке от них образовался огненный столб от земли до неба. Догадавшись, что это знак Божий, они отправились в ту сторону и вскоре увидели часовню.

Произошло и трагическое событие. Как-то в день празднования иконы Казанской Божией Матери оказалось так, что нести икону крестным ходом было некому: почти все жители села отказались от этого почетного права и разбрелись кто на гулянье, кто на ярмарку. Ближе к вечеру некоторые из них возвращались домой на грузовой машине. Неожиданно борт ее кузова открылся и люди на полном ходу упали на землю. Один человек погиб, остальные получили увечья и ушибы. Все сразу поняли, почему так произошло, и запомнили

этот урок. С тех пор подобных случаев не происходило.

В жаркое лето 2010 г., когда по всей стране, в том числе в Мордовии, полыхали пожары, часовня над Казанским источником сгорела. Это было большим горем для всех православных в округе. Однако унынию предаваться не стали. «Осилили храм построить, осилим и родник восстановить!» - заявили жители. Работы по восстановлению источника начались почти сразу, как спала жара. Помогали все, кто чем мог, даже ребята из воскресной школы под руководством матушки Ирины. За два года источник был полностью восстановлен. Выстроили просторную часовню, еще лучше прежней. Новая купель была разделена на мужскую и женскую половины. Кроме этого была построена летняя иконная лавка, а в стороне от нее - еще один колодец со святой водой. На месте убийства монаха Никанора был поставлен железный крест. Золотые купола новой часовни, которые высоко вознеслись над родником, видны даже в соседних селах.

В настоящее время Казанский источник известен далеко за пределами Мордовии. В день празднования иконы Казанской Божией Матери сюда приезжают из многих регионов России. В основном это те, кто родился в Мордовском Пимбуре, но по разным причинам покинул свою малую родину. Здесь, как и прежде, многолюдно, и чтобы подойти к иконе, нужно выстоять очередь. Утром в храме совершается служба, после нее все крестным ходом идут на источник, где совершаются водосвятные молебен и панихида, по окончании которых над паломниками в знак благословения проносят Казанскую икону Божией Матери.

Сейчас в планах у местного священника отца Александра реставрация пещеры схимонаха Никанора. Конечно, это требует немалого вложения денежных средств. Однако отец с улыбкой говорит: «Бог поможет» [2]. Это особенно важно для подрастающего поколения, поскольку знание истории своей Родины, своего народа, уважение к предкам — залог правильного развития людей, их патриотизма, а значит, процветания страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Все о Мордовии : энциклопедический справочник. Саранск : Морд. книж. изд-во, 2005. C. 229–230.
- 2. **Катламина, Ю. В.** Представления современной молодежи об истории возникновения сакральных центров поселений / Ю. В. Катламина, Е. Н. Мокшина // Социальная и межэтническая адаптация молодежи в поликультурном мире: (на примере финно-угорских регионов России : материалы Всероссийской научной студенческой интернет-конференции (15–16 окт. 2013 г.). Саранск : Изд-во. Мордов. ун-та, 2013. С. 82–86.
- 3. **Мокшина, Е. Н.** Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX начале XXI в.; изд. 2-е, перераб. и доп. / Е. Н. Мокшина. Саранск : Красн. Окт., 2006. C. 165–166.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторах:

Мокшина Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kaf_dor@mail.ru

Катламина Юлия Владимировна, студентка 2-го курса Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kaf dor@mail.ru

Для *цитирования*: Мокшина, Е. Н. Из истории сакральных мест Республики Мордовия / Е. Н. Мокшина, Ю. В. Катламина // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 93–97.

REFERENCES

- 1. Vsyo o Mordovii. Entsiklopedichesky spravochnik [Everything about Mordovia. Encyclopedia]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 2005, pp. 229 230.
- 2. Katlamina Yu. V., Mokshina E. N. Predstavleniya sovremennot molodezhi ob istorii vozniknoveniya sakralnykh tsentrov poseleny [Ideas of the modern youth about origins of sacral centers in settlements]. *Sotsialnaya i mezhetnicheskaya adaptatsiya molodezhi v polikulturnom mire (na primere finno-ugorskikh regionov Rossii: mat-ly Vseros. nauch. studench. internet-konf. (15-16 okt. 2013 g.)* Social and inter-ethnic adaptation of the youth in the multicultural world (case study of Finno-Ugric regions of Russia: Interet all-Russia conference proceeding (October 15 16, 2013). Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2013, pp. 82 86.
- 3. Mokshina E. N. Religioznaya zhizn mordvy vo vtoroy polovine XIX nachale XXI veka. Izd. 2-e, dop. i pererab [Religious life of mordva in the Second half of the 19th century beginning of the 21st century. 2nd edition, revised and enlarged]. Saransk, Krasniy Oktyabr Publ., 2006, pp. 165 166.

About the authors:

Mokshina Elena Nikolaevna, professor of History of Russia chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Historical sciences, kaf dor@mail.ru

Katlamina Yulliya Vladimirovna, 2nd years student of History and Sociology Institute of Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), kaf dor@mail.ru

For citation: Mokshina E. N., Katlamina Ju. V. Iz istorii sakral'nyh mest Respubliki Mordovija [From the history of sacred places of Mordovia]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 93 – 97.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ОБРЯДА ПРОЩАНИЯ У НАРОДА ЭРЗЯ

К. М. Романов, Н. В. Журавлева, Д. К. Романов

В статье рассматриваются вопросы психологического содержания обряда прощания у народа эрзя; дается подробный анализ этого обряда с описанием его функций и этапов, а также значение слов прощение и прощание.

Ключевые слова: народ, обряд, традиция, культура, психологическое содержание, этап, функция, прощание, прощение, эмоциональное состояние, регуляция.

PSYCHOLOGICAL CONTENT OF A TRADITIONAL FAREWELL CEREMONY OF THE ERZYA PEOPLE

K. M. Romanov, N. V. Zhuravleva, D. K. Romanov

The article considers the issues of the psychological content of a farewell ceremony of the Erzya people. A detailed analysis of this ceremony with the description of its functions and stages is given. Besides, the meaning of the words "forgiveness" and "farewell" are analyzed.

Keywords: people, ceremony, traditions, culture, psychological contents, stage, functions, farewell, emotional condition, regulation.

Самобытность каждой народности определяется не только уникальностью языка, но и спектром обрядов, обычаев и ритуалов. Обрядовая культура получила широкое распространение во всех сферах жизни народа. Именно поэтому изучение ее психологического содержания позволяет получить большое количество значимой информации о психологической культуре народа. В качестве примера рассмотрим обряд расставания [4].

Расставание — это один из важнейших элементов человеческого бытия, в результате которого разрушаются привычные формы отношений со значимыми людьми: близкими родственниками, друзьями. Это событие является психологически напряженным и, как правило, окрашенным тяжелыми душевными переживаниями. Выделим в нем 3 этапа:

- этап, предшествующий разлуке;
- этап прощания;
- этап жизни без значимого другого.

Наиболее ярко феноменология расставания представлена на этапе прощания. В связи со значимостью события расставания оно нашло отражение в обрядовой культуре многих народов, в том числе эрзянского.

До христианизации эрзи этот обряд включал в себя следующие элементы: жертвоприношение, дарение оберегов, изготовленных из костей (зубов) жертвенного животного (как правило, свиньи), похлопывания друг друга, объятья, плач с причитаниями, определенными словами напутствия и пожеланиями.

В первую очередь нас интересовало психологическое содержание обряда. Какую функцию он выполнял? По каким признакам возник и существовал?

© Романов К. М., Журавлева Н. В., Романов Д. К., 2014

Расставание очень тягостно ДЛЯ участников события. Это состояние считается критическим, поскольку каждый из них лишается значимого другого, т. е. всего того, что они дают друг другу. Самосознание человека является социальным: он считает себя таким, каким видят его значимые другие. Следовательно, в значимом другом человек приобретает определенную часть себя, а в связи с расставанием утрачивает ее. Именно это порождает тяжелое душевное состояние, поскольку жизненно важные отношения между близкими людьми или нарушаются, или прерываются полностью (для традиционного общества наиболее вероятен второй вариант). Участники расставания испытывают подавленность, угнетенность, вследствие чего возникает проблема их переживания [3]. Мы считаем, что обряд расставания предназначен именно для этого: все его составляющие позволяют человеку наиболее эффективно пережить ситуацию расставания.

Прощание — кульминационный элемент в расставании близких людей, поскольку именно в этот момент происходит их физическая изоляция. Ритуал прощания представлен в художественной литературе и в фольклоре разных народов, также он нашел свое отражение в обрядовой культуре народа эрзя.

Жертвоприношение было направлено на задабривание языческих богов, что обеспечивало благополучную жизнь участников расставания, особенно того, кто уходил [1]. Аналогичную задачу решал оберег, который ему дарили. Кроме того, оберег компенсировал общение и присутствие близких людей. Таким образом, оба ритуала выполняли функцию регуляции эмоционального состояния участников расставания.

Такую же функцию выполняли похлопывания и объятья. С их помощью снижалось чувство одиночества и возникало ощущение соприсутствия и соучастия. Это снижало уровень тревоги, страха, страдания. Следует подчеркнуть, что тактильные способы помощи при переживании тяжелых душевных состояний имеют генетически ранние корни. Они обнаруживаются уже у младенцев высших животных. У ребенка имеется потребность в тактильном контакте с матерью, которая обостряется в состоянии страха, тревоги, одиночества, физического недомогания. При получении такого контакта с матерью или другим близким человеком происходит стабилизация этих состояний. Именно поэтому мы с полной уверенностью можем утверждать, что приведенные элементы обряда выполняют функцию регуляции эмоционального состояния его участников.

Особую роль выполнял плач с причитаниями [2], выражавший внутреннее состояние провожающих и уходящего. Чаще всего это совершалось одним человеком, но находило отклик в сердцах всех участников прощания. Как правило, содержание плача представляло собой краткий обзорный экскурс в прошлое, настоящее и будущее уходящего, после чего следовали причитания о боли провожающих, их будущей жизни без него, а также делах, которые ему еще осталось сделать. Обязательно причитывался наказ, в котором обговаривались обязанность вернуться и причины возвращения. На заключительном этапе расставания говорили напутственные слова «Лацкас почкодть» (хорошо дойти/доехать), желали хорошей и легкой дороги.

Крещение привнесло в обряд существенный элемент. Вместе с понятием греха в народную культуру вошло понятие прощения. Приняв постулаты православия, эрзя осознал значение греховности, вследствие чего возникла потребность в прошении прощения друг у друга [5]. Особенно остро это ощущалось при расставании, поскольку в прежние времена не было уверенвстрече с уходящим. ности в новой Простить – это значит отпустить грехи, освободить значимого другого от их бремени, причем важно сделать это лично - попросить прощения, получить

его и самому простить. В случае, если встреча не состоится, сделать это будет невозможно и тогда бремя греха и чувство вины станут пожизненными и, более того, сохранятся после физической смерти, и за них придется нести ответственность перед Богом. Следовательно, ритуал прошения прощения освобождал от состояния тревоги и страха. Именно в этой связи в эрзянскую культуру вошло слово простямо, заимствованное из русского языка — прости.

Слово *прощение* имеет несколько значений: оставление, очищение и отдание. Все они применялись в разных жизненных ситуациях. Феномен *прощания* занимает особое место в эрзянском языке. В связи с этим мы приведем не только его перевод, но и эрзянское

слово: прощения — говорить на дорогу хорошие слова, просить прощение за недочеты в гостеприимстве и т. п. Наличие в языке слова с приведенным значением свидетельствует о том, что ритуал прощения прочно вошел в структуру обряда прошания.

Анализ показал, что все элементы традиционного обряда расставания помогали людям наиболее эффективно переживать эту трудную жизненную ситуацию. Именно этим объясняется факт его возникновения и существования в традиционном обществе. К настоящему времени обряд претерпел существенные изменения: современное расставание близких людей лишено подобной драматичности в связи с развитием транспорта и новых средств связи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Линь, В. В. Свадьба, свадьба: традиции, обряды, сценарии / сост. В. В. Линь. Москва: Аделант, 2008. 25 с.
- 2. Мокшин, Н. Ф. Религиозные верования мордвы / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1998. 139 с.
- 3. **Романов, К. М.** Расставание как феномен общения : Психология общения : энциклопедический словарь / К. М. Романов ; под ред. А. А. Бодалева. Москва : Когито-Центр, 2011. С. 196–197.
- 4. **Романов, К. М.** Психологическая культура: теория, методология, закономерности формирования. / К. М. Романов, О. Н. Романова. Саранск: Копир, 2010. С. 7–22.
- 5. **Самородов, К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия / К. Т. Самородов. Саранск : Изд-во Мордов. vн-та, 1980. C. 15-22.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторах:

Романов Константин Михайлович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск. Россия), famylypost@mail.ru

Журавлева Наталья Владимировна, студентка кафедры психологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), tirskih-natasha@mail.ru

Романов Даниил Константинович, старший лаборант кафедры психологии Историкосоциологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), famylypost@mail.ru

Для цитирования: Романов, К. М. Психологическое содержание традиционного обряда прощания у народа эрзя / К. М. Романов, Н. В. Журавлева, Д. К. Романов // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. -C. 98–101.

REFERENCES

1. Linn V. V. Svadba, svadba: traditsii, obryady, stsenarii [Wedding, wedding: traditions, ceremonies, scenarios]. Moscow, Adelant Publ., 2008, 25 p.

- 2. Mokshin N. F. Religioznye verovaniya mordvy [Religious beliefs of the Mordovinian people]. Saransk, 1998, 139 p.
- 3. Romanov K. M. Rasstavaniye kak fenomen obshheniya. Psihologiya obshheniya. Eenciklopedichesky slovar [Farewell as communication phenomenon. Communication Psychology. The encyclopedic dictionary], ed. by A. A. Bodalev. Moscow, Kogito-center Publ., 2011, pp. 196 197.
- 4. Romanov K. M., Romanov O. N. Psihologicheskaya kultura: teoriya, metodologiya, zakonomernosti formirovaniya [Psychological culture: theory, methodology, regularities of formation]. Saransk, Copier Publ., 2010, pp. 7 22.
- 5. Samorodov K. T. Mordovskaya obryadovaya poeziya [Mordovian ceremonial poetry]. Saransk, Mordovia University Publ., 1980, pp. 15 22.

About the authors:

Romanov Konstantin Mihajlovich, professor of Psychology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), professor, Doktor Nauk degree holder in Psychological sciences, famylypost@mail.ru

Zhuravleva Natal'ja Vladimirovna, student of Psychology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), tirskih-natasha@mail.ru

Romanov Daniil Konstantinovich, senior laboratory assistant of Psychology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), famylypost@mail.ru

For citation: Romanov K. M., Zhuravleva N. V., Romanov D. K. Psihologicheskoe soderzhanie tradicionnogo obrjada proshhanija u naroda jerzja [Psychological content of a traditional farewell ceremony of the Erzya people]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 98 – 101.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ МОРДОВСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ ИТОГОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2010 г.

Н. Ф. Мокшин

В статье рассматриваются проблемы этнической самоидентификации мордовского народа в свете итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.

Ключевые слова: мордва, самоидентификация, перепись населения, динамика численности, этнизация, ассимиляция, миграция.

ISSUES OF ETHNIC SELF-DEFINITION OF THE MORDVINIANS IN THE CONTEXT OF 2010 ALL-RUSSIA POPULATION CENSUS

N. F. Mokshin

The article considers the problems of the Mordovinian people ethnic self-definition in the context of the results of the 2010 population census.

Keywords: Mordvinians, self-identification, population census, population dynamics, ethnicization, assimilation, emigration.

Самоидентификация мордовского народа, как и любого другого, обусловлена множеством факторов объективного и субъективного порядка. Их воздействие, как правило, амбивалентно: в одних случаях оно способствует самоидентификации, в других - тормозит ее. Этническая территория, общность экономической жизни, языка, культуры и быта, инфосвязи, эндогамные и экзогамные браки, этническое самосознание, чувство этнической солидарности, рождаемость и смертность, дисперсность расселения, урбанизация, ассимиляционные процессы, этническое окружение, семейное, школьное, вузовское образование и многие другие факторы так или иначе влияют на процесс этнизации как непременной составной более широкого процесса социализации, становления индивида как личности, поскольку осознание себя представителем того или иного этноса является крайне важным.

Что касается переписей населения с учетом его этнического состава, то они представляют собой не просто констатацию абсолютной или относительной численности народов на соответствующее время и динамику ее изменения за тот или иной период, но и отражение ряда других параметров их жизнедеятельности, этнического бытия, прямо или косвенно свидетельствующих о процессах самоидентификации.

Так, согласно данным 1859 г., опубликованным в погубернских списках населенных мест, мордва в Российской империи составляла 650–680 тыс. чел., а по Всероссийской переписи 1897 г. – 1 млн 24 тыс. чел. Таким образом, абсолютная численность мордовского народа в царской России возрастала, что противоречило высказывавшимся в то время тезисам о ее полном обрусении или вымирании. Один из первых исследователей мордвы В. Н. Майнов писал

© Мокшин Н. Ф., 2014

в 1880-е гг.: «Мордва вовсе не может пожаловаться на то, что она с году на год вымирает, тем более что повальные болезни вообще в мордовской земле за редкость, а более здоровая пища и несколько большая, сравнительно с русским крестьянством, зажиточность делают мордву более долголетнею» [3].

В силу интенсификации миграционных процессов и упрочения межэтнических контактов в новейшее время происходит рост этнически смешанных браков. В настоящее время более половины браков, заключаемых мордвой, проживающей в городах Мордовии, а также за ее пределами, - смешанные (главным образом, мордовско-русские). Сельская же мордва, которой становится все меньше, сохраняет эндогамность, но здесь наблюдается тенденция к росту частоты межэтнических браков. В однонациональных мордовских семьях, особенно в Мордовии, юноши и девушки, как правило, придерживаются мордовской идентичности. В смешанных же мордовско-русских семьях часты случаи, особенно в городах, выбора для своих детей русской национальности. Смешанные браки у мордвы – один из наиболее значимых факторов, способствующих перемене этнического самосознания.

Сближение мордвы с русскими протекает неоднородно. Так, среди рабочих в городских условиях оно идет быстрее, чем среди крестьянства, мордовские мужчины лучше знают русский язык, чем женщины, молодежь и люди среднего возраста в целом намного лучше владеют им, чем пожилое население. Мордва-эрзя обрусевает более заметно, чем мордва-мокша.

Мордовско-русские связи в новейшее время еще более углубились, что способствовало переходу значительной части мордвы в состав русского этноса. Так, естественный прирост мордвы с 1926 по 1939 г. был примерно таким же, как у чувашей, численность которых за этот период выросла на 23,7 %. Можно было бы ожидать, что численность мордвы к 1939 г. увеличится примерно на столько же, т. е. с 1 млн 340 тыс. (согласно переписи 1926 г.) до 1 млн 650 тыс. чел. Разница между этой цифрой и действительной численностью мордвы в 1939 г. (1 млн 456 тыс.) – около 200 тыс. чел. – объясняется процессами ее ассимиляции с русским населением. Аналогичное сопоставление прироста мордвы с приростом чувашей в последующие годы (1939–1959 гг.) позволило сделать вывод о том, что численность мордвы, согласно переписи 1959 г., должна была составить около 1 млн 600 тыс. чел., а не 1 млн 285 тыс., как оказалось на самом деле. Разница между этими цифрами – около 300 тыс. – также объясняется ассимиляцией мордвы русскими [2].

Последующие переписи, как всесоюзные, так и всероссийские — свидетельство дальнейшего сокращения абсолютной численности мордвы: в 1970 г. — 1 млн 263 тыс., в 1979 г. — 1 млн 192 тыс., в 1989 г. — 1 млн 164 тыс., из которых в РСФСР проживало 1 млн 73 тыс., в других союзных республиках — 91 тыс. Согласно всероссийской переписи 2002 г., численность мордвы уменьшилась до 845 тыс., 2010 г. — до 744 тыс., что означает утрату мордовским народом статуса миллионного.

Процесс ассимиляции мордвы русскими особенно заметен за пределами национальной автономии. В Мордовии он протекает менее интенсивно. Так, численность мордвы в ней в 1970 г. была выше (365 тыс.), чем в 1959 г. (358 тыс.). Однако перепись 1979 г. выявила начало падения численности и в Мордовии (339 тыс.). Согласно переписи 1989 г., она составила 313 тыс., а 2002 г. — 284 тыс. чел., т. е. продолжила уменьшаться.

Однако последние десятилетия, ознаменованные созданием и деятельностью ряда национальных общественных организаций, в том числе совета Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, усилением внимания руководящих органов Республики Мордовия к национальным проблемам, подготовкой

и празднованием 1000-летия единения мордовского народа с народами России, оказали и продолжают оказывать заметное позитивное воздействие на рост этнического самосознания мордвы. Это нашло отражение и во Всероссийской переписи населения 2010 г.: согласно ее данным, численность мордвы в Мордовии составила 333 тыс. чел., т. е. возросла на 49 тыс., что составляет 39,9 % всего ее населения (русские - 53,2 %, татары – 5,2 %). Согласно предыдущей переписи, мордва в ней составляла 31.9%, русские – 60.8%, татары – 5.2%. К сожалению, нельзя отметить данную тенденцию в других регионах страны, несмотря на образование в ряде из них на основании соответствующего закона Российской Федерации национальнокультурных автономий, и особенно в мордовской диаспоре, проживающей на территории стран, образовавшихся после распада СССР.

Воздействие на субъективные факторы, негативно влияющие на самоидентификацию этноса, представляется сравнительно более легким, чем на объективные. В ряду таких факторов необходимо выделить ведущуюся второе десятилетие пропагандистскую войну (омницид), нацеленную против этнонима «мордва», которая наиболее активно ведется выходящей с сентября 1994 г. газетой «Эрзянь мастор». В настоящее время она позиционируется издателями не просто в качестве «независимой общественно-политической газеты Мордовского республиканского общественного Фонда спасения эрзянского языка», а «газетой народа эрзя».

В опубликованном обращении к Н. И. Меркушкину издатели этой газеты пишут: «Перепись 2010 г. показала: Эрзи и Мокши в России осталось столько, что их легко пересчитать на старых бухгалтерских счетах. Это результат ежедневной мордвинизации, беззастенчивых оскорблений прозвищем «мордва» народов Эрзя и Мокша. Результат социального, национального и политического гнета <...> Не настала ли пора,

Николай Иванович, отказаться от этой губительной политики и практики, приступить к созданию Эрзянской и Мокшанской Республик в составе Российской Федерации? Тогда, подобно Израилю, начнется возрождение ускоренными темпами Эрзи и Мокши, и они вскоре станут миллионными народами... Скажите: "Руки прочь от Мордовии!" [4]. В этом же номере обращению предшествует «Пшкадема эрзятненень» («Обращение к эрзянам»), с которым выступил «Кшуманцянь Пиргуж, тынк вечкиця инязорось» («Кшуманцин Пиргуш, любящий Вас инязор»), в котором сказано: «Содадо! "Мордвин" лем ало кекшеви эрзя раськесь. Те покштояк покш кажо» («Знайте! Под именем "мордвин" запрятан народ эрзя. Это – беда из бед»).

Мордовский этнос – один из архогенетических народов Восточной Европы, относящихся к финно-угорской (шире – уральской) языковой семье. Важной его особенностью, сохраняющейся до настоящего времени, является бинарность, т. е. наличие в структуре этнических общностей вторичного порядка, или субэтносов (эрзи и мокши), что детерминирует и двуступенчатость, дихотомичность этнического самосознания мордовского народа. Уместно отметить, что бинарность – характерная черта не только мордовского, но и других финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. Так, в этноструктуре марийского народа она представлена горными (курык мари) и луговыми (олык мари) марийцами, удмуртского народа – северными (ватка) и южными (калмез) удмуртами, коми – зырянами и пермяками. Аналогичные примеры зафиксированы в структуре других народов. Ссылки некоторых авторов на то, что «в этнографической литературе понятие "субэтнос" определено недостаточно четко, чтобы говорить о ясных и универсальных критериях разделения этносов и субэтносов» [1], мы не считаем убедительным доводом для отказа от попыток более глубокого осмысления современной этноструктуры народов Российской Федерации (в том числе финно-угорских), которые способствуют лучшему пониманию

динамики их этнического развития не только в прошлом, но и на современном этапе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Казанцев**, Д. Е. Проблема двух языков / Д. Е. Казанцев, Н. С. Попов // Народы Поволжья и Приуралья. — Москва: Наука, 2000. — С. 203.
 - 2. **Козлов, В. И**. Национальности СССР / В. И. Козлов. Москва : Наука, 1975. С. 245.
- 3. **Майнов, В. Н**. Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи / В. Н. Майнов // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Санкт-Петербург, 1883. Т. 11 С. 88.
 - 4. Эрзянь мастор. 2012 г. № 1(369). 18 янв.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Мокшин Николай Федорович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), профессор, kaf dor@mail.ru

Для цитирования: Мокшин, Н. Ф. Проблемы этнической самоидентификации мордовского народа в свете итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. / Н. Ф. Мокшин // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. - C. 102–105.

REFERENCES

- 1. Kazantsev D. E., Popov N. S. Problema dvukh yazykov. Narody Povolzhya i Priuralya [Issues of bilingualism. Peoples of the Volga region and Transurals]. Moscow, Nauka Publ., 2000, p. 203.
 - 2. Kozlov V. I. Natsionalnosti SSSR [Ethnicities of USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 245 p.
- 3. Maynov V. N. Rezultaty antropologicheskikh issledovany sredi mordvy-erzi [Results of anthropological researches of the Erzya people]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* Reports of Emperor's Russian Geographical Society, Ethnography department. Vol. 11, St Petersburg, 1883, 88 p.
 - 4. Erzyan mastor [*Eerzyan mastor*], 2012, no. 1 (369), January 18.

About the author:

Mokshin Nikolaj Fedorovich, head of History of Russia of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Historical sciences, professor, kaf dor@mail.ru

For citation: Mokshin N. F. Problemy jetnicheskoj samoidentifikacii mordovskogo naroda v svete itogov Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 g. [Issues of ethnic self-definition of the Mordvinians in contex of 2010 all-Russia population census]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 102 – 105.

КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ 1995 г. КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Н. И. Изергина

В статье рассматриваются опыт и итоги создания социального государства в Республике Мордовия на основе Конституции РМ 1995 г., закрепившей в качестве основы конституционного строя республики осуществление социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Ключевые слова: Конституция Республики Мордовия, социальная политика, социальная защита населения, демография, дошкольное образование.

THE CONSTITUTION OF THE MORDOVIA REPUBLIC OF 1995 AS A TOOL FOR SOCIAL TRANSFORMATION

N. I. Izergina

The article describes the experience and results of creating the social state in the Republic of Mordovia on the basis of the Constitution of the Mordovia Republic of 1995. It secured realizing social politics focused on decent life and a free development of man as the basis of the constitutional order in the republic.

Keywords: the Constitution of the Republic of Mordovia, social policy, social protection, demography, preschool education.

Принятие Конституции Республики Мордовия (РМ) 1995 г. положило начало основополагающим реформам в политической, экономической и социальной жизни региона. Осуществление социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, является одной из основ конституционного строя республики. Стабильность Конституции РМ обеспечила республике почти 20-летнее поступательное движение к демократии, правовому и социальному государству, признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

В Мордовии охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожи-

лых граждан, устанавливаются другие гарантии социальной защиты. Из года в год растет социальная ориентированность республиканского бюджета: более половины его составляют расходы на социальную сферу, образование и культуру. Задачи государственной политики в сфере социальной защиты населения определены в Государственной программе РМ «Социальная поддержка граждан» на 2014–2020 гг., общим объемом бюджетных ассигнований более 37 млрд руб. Ее основной целью является формирование организационных, социально-экономических условий для роста благосостояния граждан; повышение социальной защищенности и доступности качественных услуг в сфере социальной защиты населения, обеспечивающих социальные гарантии государства гражданам в РМ. Программа включает в себя такие подпрограммы, как «Развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан», «Модернизация и развитие социального обслуживания населения». «Совершенствование социальной поддержки семьи и детей», «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», «Организация отдыха и оздоровления детей». Программно-целевыми инструментами Госпрограммы являются Республиканские целевые программы (РЦП) по улучшению демографической ситуации в Мордовии до 2020 г. и РЦП «Старшее поколение» на 2014–2018 гг.

РЦП по улучшению демографической ситуации в РМ до 2020 г. предусматривает стабилизацию и рост численности населения Мордовии, повышение качества жизни граждан и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. Общий объем финансовых средств этой программы составит 2 920 223,9 тыс. руб. РЦП «Старшее поколение» на 2014-2018 гг. нацелена на формирование в РМ организационных, правовых, социально-экономических условий для осуществления мер по улучшению положения и качества жизни пожилых людей, повышению степени их социальной защищенности, активации участия пожилых людей в жизни общества. На реализацию этой программы планируется потратить 137 750,5 тыс. руб. [11].

Решение взаимосвязанной задачи ускоренной модернизации производства и социальной сферы должно превратить Мордовию в регион с максимально комфортными условиями для работы и жизни. В этой связи руководство РМ определило тактику значительного ежегодного превышения общероссийских параметров роста по ряду направлений. В их числе особое значение имеет повышение заработной платы. За 2012 г. заработная плата в республике выросла на 15% (выше, чем в среднем по стране). Такой темп роста планируется сохранить в ближайшие 6 лет, чтобы ее средний размер по республике (сейчас он составляет 16 тыс. руб.) максимально приблизился к среднероссийскому уровню [14]. По итогам 2013 г. собственные доходы республиканской казны выросли на 16 %, составив 1-й результат в ПФО и 11-й в России. Это позволило добиться рекордного за все предшествующие годы роста заработной платы в бюджетной сфере [7]. К 2018 г. средняя заработная плата по экономике должна вырасти в более чем 2 раза и составить 36–37 тыс. руб.; у врачей и педагогов вузов она должна быть не менее 72 тыс. руб. [14].

С 2003 г. РМ входит в число лидеров среди регионов России по реализации Федеральной подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей». Развитая система ипотечного кредитования, объемы вводимого жилья для данной категории, привлечение средств бюджетов различного уровня позволили за 9 лет более 6 тыс. молодых семей решить жилищный вопрос [12]. Только в 2010–2012 гг. 3 558 молодых семей в регионе получили жилье и улучшили жилищные условия [10]. В республике успешно решается задача улучшения жилищных условий ветеранам Великой Отечественной войны, ветеранам боевых действий, инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов. В настоящее время в Мордовии численность ветеранов войны, нуждающихся в улучшении жилищных условий, составляет 7 048 чел. В 2010-2013 гг. на обеспечение их жильем из федерального бюджета в республику направлено почти 6 млрд руб. Свидетельства о предоставлении социальной выплаты на строительство или приобретение жилья получили 6 208 ветеранов (99,7% ветеранов улучшили свои жилищные условия). В 2014 г. из федерального бюджета в республику планируется поступление 105 926,4 тыс. руб. на обеспечение жильем ветеранов ВОВ [4].

За последние годы в регионе из 327 аварийных многоквартирных домов в новое жилье переселены почти 4 тыс. чел. В 2013 г. на ликвидацию ава-

рийного жилья выделено 838 млн руб. За счет освоения этих средств из аварийных домов и бараков в новые квартиры переедут 1 822 жителя. В 2014–2017 гг. на переселение людей из аварийного жилищного фонда запланировано направить 3,3 млрд руб. Это позволит около 6 тыс. чел. переехать в новое жилье из 470 многоквартирных аварийных домов. Правительство РМ поставило задачу – до конца 2015 г. полностью расселить аварийный жилищный фонд в республике [3]. Кроме этого, в РМ за последние три года было вложено около 1 млрд руб. из федерального и республиканского бюджетов в строительство домов для переселения людей из ветхого жилья.

Развитие системы социальной поддержки в регионе все больше ориентируется в направлении усиления адресности социальной помощи с учетом уровня дохода граждан. Одной из задач на 2014 г. является осуществление перехода на предоставление надомных социальных услуг гражданам пожилого возраста и инвалидам на основе оценки индивидуальной нуждаемости, которое позволит обеспечить оказание социальных услуг в объемах, действительно необходимых гражданину. В рамках Госпрограммы «Доступная среда» республике реализуется комплекс мероприятий по созданию условий для реабилитации и интеграции инвалидов и других маломобильных групп населения в общество [8].

В результате последовательной реализации мер социальной и демографической политики на федеральном и региональном уровнях в последние годы в РМ наметилась тенденция к увеличению рождаемости, снижению смертности и, соответственно, сокращению естественной убыли населения. Если в 2010 г. естественная убыль населения составляла 5,1 тыс. чел., то к 2012 г. она сократилась на 27,5 %, составив 3,7 тыс. чел. Коэффициент естественной убыли сократился по сравнению с 2010 г. на 27,4 %, и его значение в 2012 г. составило 4,5 % (на 1 тыс. чел. населения). За послед-

ние три года число родившихся ежегодно регистрировалось в пределах 8 тыс. чел, а общий коэффициент рождаемости составлял 9,5 % (на 1 тыс. чел. населения). Показательно, что в последние годы в Мордовии увеличивается число детей, родившихся вторыми, третьими и последующими. В 2010 г. вторых детей родилось 36,5 % от числа родившихся, в 2011 г. – 37,4 %, в 2012 г. – 38,4 %. Родившихся третьими и последующими в 2010 г. было 10,4 %, в 2011 г. – 9,9 %, в 2012 г. – 10,6 %. По состоянию на 1 января 2013 г., в РМ проживают 3 905 многодетных семей. Многодетным семьям предоставляются меры социальной поддержки: ежемесячная денежная компенсация в размере 30 % расходов на оплату коммунальных услуг; детям до 6 лет из многодетных семей выплачивается ЕДВ на оплату лекарственных средств в размере 189 руб., а детям – учащимся общеобразовательных учреждений предоставляется ЕДВ на транспортные расходы в размере 144 руб. и др. Важным элементом поддержки семей с детьми является предоставление компенсации части родительской платы, взимаемой за содержание детей в дошкольных учреждениях: на первого ребенка - в размере 20 % оплаты, на второго – 50 %, на третьего и последующих детей – 70 %. В 2012 г. на предоставление мер социальной поддержки семьям с детьми из средств республиканского бюджета РМ было израсходовано 80 215,2 тыс. руб. (в 2013 г. планировались расходы в сумме 96 988, 2 тыс. руб.).

С 2012 г. в РМ предусмотрена выплата республиканского материнского (семейного) капитала при рождении (усыновлении) третьего и последующих детей: 100 тыс. руб. за рождение (усыновление) третьего ребенка; 120 тыс. руб. – за четвертого ребенка; 150 тыс. руб. – за пятого и последующего ребенка. В 2013 г. размер республиканского материнского (семейного) капитала проиндексирован на 5,5 %. Его средства теперь могут досрочно направлять-

ся на улучшение жилищных условий, а именно: на погашение основного долга и уплату процентов по кредитам и займам на приобретение (строительство) жилого помещения, включая ипотечные кредиты, предоставленные гражданам по кредитному договору (договору займа), заключенному с организацией, независимо от срока, истекшего со дня рождения (усыновления) третьего ребенка или последующих детей. За два года выданы 1 379 сертификатов на республиканский материнский (семейный) капитал [8].

Женщины, родившие после 31 декабря 2012 г. третьего и последующих детей, постоянно проживающие на территории РМ, получают ЕДВ в размере отонротижодп минимума, **установ**ленного в РМ для детей (с 25 октября 2013 г. он составляет 6 188 руб.). Получить ЕДВ можно, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает размер среднедушевого денежного дохода в республике на дату обращения за назначением этой выплаты (на 1 декабря 2013 г. его размер составляет 14 268 руб.). Получателями ЕДВ в настоящее время являются 696 семей. Кроме того, согласно Плану мероприятий по выполнению Указа Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» в Мордовии проводятся медико-психологические, спортивные мероприятия, а также мероприятия, касающиеся охраны здоровья матери и ребенка, пропагандирующие семейные ценности и многодетное материнство. Особое внимание уделяется медицинской реабилитации беременных из групп риска, ведется статистический учет и прогноз числа рождений третьих и последующих детей [5].

В 2014 г. РМ из федерального бюджета будет направлено 79 160,5 тыс. руб. на софинансирование расходных обязательств, возникающих при назначении ежемесячной денежной выплаты нуждающимся в поддержке семьям в связи с рождением третьего ребенка

или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет.

В 2013 г. в РМ начата разработка механизма предоставления малоимущим гражданам и малоимущим семьям государственной социальной помощи на основании социального контракта. Технология социального контракта предусматривает активные действия гражданина в целях преодоления трудной жизненной ситуации, более полную реализацию трудового потенциала семьи. Получатели государственной социальной помощи, выполняя условия программы социальной адаптации, предусмотренной социальным контрактом, выходят на более высокий уровень жизни за счет получения постоянных источников доходов в денежной или натуральной форме, повышается их социальная ответственность.

Положительная динамика графических процессов обеспечивается также успешным осуществлением модернизации здравоохранения и дошкольного образования. В рамках программы модернизации здравоохранения республики разработан вариант, целью которого является максимальное приближение первичного звена здравоохранения к каждому жителю республики вне зависимости от того, где он проживает – в городе или отдаленном селе, и оптимизация оказания специализированной помощи населению путем концентрации высокотехнологического оборудования и кадрового потенциала на базах межрайонных специализированных центров. Основными направлениями данной программы являются: дальнейшее совершенствование мероприятий по оказанию помощи больным с сосудистыми заболеваниями; развитие первичной профилактики болезней системы кровообращения на амбулаторно-поликлиническом уровне; развитие вторичной профилактики инфарктов и инсультов в виде укрепления материально-технического оснащения кардиохирургической службы; развитие реабилитационной помощи и долечивания

работающих граждан после перенесенных острых сосудистых эпизодов. Медицинскую деятельность в РМ оказывают 84 учреждения здравоохранения, в том числе 14 государственных стационарных учреждений; 34 муниципальных стационарных учреждения; 15 амбулаторно-поликлинических учреждений, в их числе 4 детские поликлиники, стоматологических поликлиник: 1 станция и 23 отделения скорой медицинской помощи; 1 станция переливания крови: 6 специализированных диспансеров (1 противотуберкулезный, 1 онкологический, 1 кожно-венерологический, 1 психоневрологический, 1 наркологический, 1 врачебно-физкультурный); 1 центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями. Стационарную помощь жителям республики оказывают 48 больничных учреждений, из которых 14 являются государственными, 34 – муниципальными (из них в сельской местности размещено 18, в городах – 16). Обеспеченность больничными койками республики составляет 94,3 больничных коек в расчете на 10 тыс. жителей (в РФ – 90,2) [15]. В настоящее время в регионе создана одна из лучших в стране перинатальная медицина. Результатом деятельности перинатальных центров является положительная динамика материнской и младенческой смертности. Республиканский перинатальный центр является современным учреждением родовспоможения, оказывающим все виды квалифицированной, высокотехнологичной и дорогостоящей медицинской стационарной помощи в области акушерства, гинекологии, неонатологии, а также осуществляющим амбулаторную, консультативно-диагностическую и медико-реабилитационную помощь женщинам и детям раннего возраста. Перинатальный центр позволил сконцентрировать в одном месте беременных высокого перинатального риска и новорожденных с целью оказания всего объема медицинской помощи на основе использования современного медицинского оборудования и в условиях обеспечения высококвалифицированными кадрами. Здесь созданы все необходимые условия для оказания неотложной помощи новорожденным с низкой и экстремально низкой массой тела. Дальнейшее выхаживание новорожденных, родившихся недоношенными или с тяжелой патологией, проводится при участии матери и не требует транспортировки в другое лечебное учреждение. Консультативно-диагностическое отделение перинатального центра оказывает консультативно-диагностическую, лечебно-профилактическую, реабилитационную помощь гинекологическим больным в пубертатном и репродуктивном периодах, беременным, роженицам и родильницам с использованием современных медицинских технологий, осуществляет диспансерное наблюдение и выделение беременных групп высокого риска с решением вопроса о дальнейшей тактике ведения беременности и определением оптимального срока родоразрешения. Наличие в штате данного отделения высококвалифицированного юриста, социального работника, медицинского психолога позволяет оказывать медико-социальную, правовую и психологическую помощь женщинам в соответствии с законодательством об охране здоровья матери и ребенка. На базе Республиканского перинатального центра организованы выездные специализированные акушерско-гинекологическая, неонатологическая, анестезиолого-реанимационная бригады для оказания неотложной медицинской помощи беременным, роженицам, родильницам и новорожденным. Для оказания высококвалифицированной помощи новорожденным, требующим реанимационноинтенсивного лечения, выхаживания детей с экстремально низкой массой тела (500–999 граммов) организовано отделение реанимации и интенсивной терапии новорожденных, оснащенное современным медицинским оборудованием.

На базе перинатального центра созданы дистанционно-консультативный центр, внедрены современные коммуникативные технологии для оперативной связи по e-mail, Интернету (Скайпу) с возможностями телемедицины. В настоящее время Министерством здравоохранения РМ реализуется проект создания и развития телемедицинской сети, что позволит обеспечить в режиме онлайн плановых и экстренных консультаций главных специалистов республики нуждающимся больным [17]. Планировалось, что в 2012 г. телемедицинскими комплексами будут оснащены все мед- учреждения республики [6].

С 1 сентября 2013 г. вступили в действие новый ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Закон РМ «Об образовании в Республике Мордовия». Их основа – приоритет права каждого гражданина в любом возрасте получить возможности для качественного образования и профессионального роста. В 2013 г. в регионе функционировало 236 детских садов, в них воспитывалось 27 957 детей, работало 2 740 чел. Средняя заработная плата педагогов детских садов – 15 466,7 руб. [9].

Президентом РФ поставлена задача – обеспечить к 2016 г. 100%-й охват детей в возрасте от 3 до 7 лет дошкольным образованием. В РМ проблема полного обеспечения местами в детских садах должна быть решена к 2015 г. | 1 |. Для решения проблемы доступности дошкольного образования в республике предприняты усилия всех уровней власти: муниципальной, региональной и федеральной. За последние 5 лет построено, возвращено в систему дошкольного образования и реконструировано 24 здания дошкольных учреждений. Только в 2013 г. общий объем средств, выделенных из федерального и республиканского бюджетов, составил 403 млн руб., которые направлены на создание и оснащение дополнительных мест. За счет всех программных мероприятий построено 3 здания дошкольных образовательных учреждений на 520 мест, возвращено в систему дошкольного образования и капитально отремонтировано 7 зданий детских садов на 970 мест, создано 260 дополнительных мест в действующих детских садах, реконструировано здание Монастырской средней образовательной школы с целью размещения детского сада на 30 мест, капитально отремонтировано здание Рузаевского детдома для размещения в нем детсада на 225 мест. В настоящее время продолжается строительство детских садов в 6 муниципальных районах и г. о. Саранск на 1 605 мест [9].

Уровень регистрируемой безработицы в республике остается одним из самых низких и в России, и в ПФО. По состоянию на 1 января 2013 г. численность официально зарегистрированных безработных составила 4,7 тыс. чел., уровень регистрируемой безработицы – 1 % от экономически активного Численность безработных населения. в июне 2013 г. по сравнению с июнем 2012 г. – 85,7 % [13]. Вместе с тем на рынке труда имеется разбалансированность, нет достаточного количества современных высокооплачиваемых рабочих мест. Решить эти проблемы можно только путем дальнейшей модернизации экономики, перепрофилирования в системе подготовки специалистов. Важно, чтобы учреждения начального, среднего и высшего профессионального образования готовили специалистов для конкретных предприятий [2]. Экономика республики остро нуждается в квалифицированных кадрах, способных работать с современными технологиями. Именно вопросы подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего звена имеют ключевое значение для инновационной экономики нашей республики. В настоящее время осуществлена оптимизация структуры и объема приема обучающихся в государственные учреждения СПО Мордовии. Открытие профессий и специальностей ведется только на основе региональной потребности, заявленной работодателями. С 2009 г. начата работа по созданию образовательно-производственных комплексов на базах учреждений СПО. Сегодня успешно функционирует 5 ОПК в Саранском государственном промышленно-экономическом колледже, Саранском политехническом техникуме, Саранском техникуме сферы услуг и промышленных технологий, Саранском строительном техникуме, Кемлянском аграрном колледже. Начали функционировать новые ОПК на базе Торбеевского колледжа мясной и молочной промышленности, Инсарского и Краснослободского аграрных техникумов. В 2013 г. определен перечень базовых предприятий, который закреплен за школами и техникумами, согласован с председателями Регионального объединения работодателей «Союз

промышленников и предпринимателей Республики Мордовия» и Совета директоров промышленных предприятий при Главе РМ [9]. По данным Росстата, прирост высокопроизводительных рабочих мест в 2012 г. в РМ составил 31,8% (18-е место в РФ, 4-е – в ПФО) [16].

Таким образом, осуществленные в республике с середины 1990-х гг. масштабные социальные преобразования подтверждают роль Конституции РМ 1995 г. как действенного инструмента создания социального государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Акцент рабочего дня Главы республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. Вып. № 9. URL: http://www.e-mordovia.ru/content/view/2855 (дата обращения: 29.01.2014).
- 2. В Правительстве Мордовии обсужден План мероприятий по обеспечению баланса трудовых ресурсов в республике [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/news/view/17572 (дата обращения: 29.01.2014).
- 3. В Правительстве Республики Мордовия подведены предварительные итоги реализации адресных программ Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/news/view/18202 (дата обращения: 29.01.2014).
- 4. В Республике Мордовия 99,7% ветеранов, получивших свидетельства о предоставлении соцвыплаты на строительство или приобретение жилья, улучшили свои жилищные условия [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://minsoc.e-mordovia.ru/news/view/17646 (дата обращения: 25.01.2014).
- 5. В Республике Мордовия за десять месяцев текущего года темп роста рождений третьих и последующих детей составил 115,6 % [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://minsoc.e-mordovia.ru/news/view/17085 (дата обращения: 25.01.2014).
- 6. Внедрение современных информационных систем в здравоохранение [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/content/view/342 (дата обращения 29.01.2014).
- 7. Глава Мордовии Владимир Волков: «Выполнение решений Президента РФ придаст республике дополнительный импульс для развития» [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/news/view/17984 (дата обращения: 25.01.2014).
- 8. Информация Министерства социальной защиты населения Республики Мордовия о работе в 2013 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://minsoc.e-mordovia.ru/content/view/3130 (дата обращения: 25.01.2014).
- 9. Итоги работы системы образования Республики Мордовия в 2013 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://minobr.e-mordovia.ru/content/view/3140 (дата обращения: 29.01.2014).
- 10. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации подготовлен государственный доклад «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации» за 2012 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/news/view/18209 (дата обращения: 29.01.2014).

- 11. На социальную поддержку граждан до 2020 года планируется направить свыше 37,2 млрд рублей [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://minsoc.e-mordovia.ru/news/view/16641 (дата обращения: 25.01.2014).
- 12. О реализации государственной молодежной политики в Республике Мордовия в 2012 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/content/view/2602 (дата обращения 29.01.2014).
- 13. Основные показатели развития Республики Мордовия в январе-июне 2013 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/news/view/15018 (дата обращения: 29.01.2014).
- 14. Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия от 25 января 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия». 31 января 2013. URL: http://mordov.er.ru/news/2013/1/31/poslanie-glavy-respubliki-mordoviya-gosudarstvennomusobraniyu-respubliki-mordoviya/ (дата обращения: 25.01.2014).
- 15. Программа модернизации здравоохранения Республики Мордовия на 2011–2012 годы. Пояснительная записка [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/content/view/154 (дата обращения: 29.01.2014).
- 16. Реализация Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года в Республике Мордовия [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/content/view/3038 (дата обращения: 29.01.2014).
- 17. Реформа акушерской службы в РМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: http://www.e-mordovia.ru/content/view/286 (дата обращения: 29.01.2014).

Поступила 07.02.2014 г.

Об авторе:

Изергина Нина Ивановна, доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения и политологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия), ninaini@yandex.ru

Для ципирования: Изергина, Н. И. Конституция Республики Мордовия 1995 г. как инструмент социальных преобразований / Н. И. Изергина // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 106–114.

REFERENCES

- 1. Aktsent rabochego dnya Glavy respubliki [The priorities of the working day of the Head of the Republic]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Vol. № 9. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/content/view/2855
- 2. V Pravitelstve Mordovii obsuzhden Plan meropriyatiy po obespecheniyu balansa trudovykh resursov v respublike [The plan of the measures for ensuring the balance of labor resources in the Republic was discussed in the Government of Mordovia]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/news/view/17572
- 3. V Pravitelstve Respubliki Mordoviya podvedeny predvaritelnye itogi realizatsii adresnykh programm Fonda sodeystviya reformirovaniyu zhilishchno-kommunalnogo hozyaystva [Preliminary results of implementating targeted programs of Fund of assistance to reforming of housing and communal economy were summed up in the Government of Republic of Mordovia] The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/news/view/18202
- 4. V Respublike Mordoviya 99,7% veteranov, poluchivshikh svidetelstva o predostavlenii sotsvyplaty na stroitelstvo ili priobreteniye zhilya, uluchshili svoy zhilishchnye usloviya [In the Republic of Mordovia of 99,7 % veterans who have received the certificate on the granting of social payments for the construction or purchase of housing, improved their housing conditions]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://minsoc.e-mordovia.ru/news/view/17646
- 5. V Respublike Mordoviya za desyat mesyacev tekushchego goda temp rosta rozhdeny tretyikh i posleduyushchikh detey sostavil 115,6 %. [In the Republic of Mordovia for 10 months of the current year the

growth rate of births of third and subsequent children increased to 115,6 %]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://minsoc.e-mordovia.ru/news/view/17085

- 6. Vnedreniye sovremennykh informatsionnykh sistem v zdravookhraneniye [Implementation of modern information systems in healthcare]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/content/view/342
- 7. Glava Mordovii Vladimir Volkov: «Vypolneniye resheny Prezidenta RF pridast respublike dopolnitelnyjimpuls dlya razvitiya» [The Head of Mordovia Vladimir Volkov: «Executing the decisions of the President of the Russian Federation will give the Republic an additional impulse for developing»]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/news/view/17984
- 8. Informatsiya Ministerstva sotsialnoy zashchity naselenijy Respubliki Mordoviya o rabote v 2013 godu [Information of the Ministry of social protection for the public of the Mordovia Republic on the work in 2013]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://minsoc.e-mordovia.ru/content/view/3130
- 9. Itogi raboty sistemy obrazovaniya Respubliki Mordoviya v 2013 godu [The results of work of the education system in the Republic of Mordovia in 2013]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://minobr.e-mordovia.ru/content/view/3140
- 10. Ministerstvom truda i sotsialnot zashchity Rossiyskoy Federatsii podgotovlen gosudarstvenny doklad «O polozhenii detey i semey, imeyushchikh detey, v Rossiyskoy Federatsii» za 2012 god [The State report «About the situation of children and families with children in the Russian Federation» for 2012 was prepared by the Ministry of labour and social protection of the Russian Federation]. Available at: http://www.e-mordovia.ru/news/view/18209
- 11. Na sotsialnuyu podderzhku grazhdan do 2020 goda planiruetsya napravit svyshe 37,2 mlrd. rubley [It is planned to direct for social support of the citizens over 37,2 billion rubles up to 2020]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://minsoc.e-mordovia.ru/news/view/16641
- 12. O realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Respublike Mordoviya v 2012 godu [On the implementation of the state youth policy in the Republic of Mordovia in 2012]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/content/view/2602
- 13. Osnovnye pokazateli razvitiya Respubliki Mordoviya v yanvare-iyune 2013 goda [Main indicators of the Mordovia Republic development in January-June 2013]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/news/view/15018
- 14. Poslaniye Glavy Respubliki Mordoviya Gosudarstvennomu Sobraniyu Respubliki Mordoviya ot 25 yanvarya 2013 g. [The letter of the Head of Republic of Mordovia to State Assembly of the Mordovia Republic d/d January 25, 2013]. The Official website of the party «United Russia». Available at: http://mordov.er.ru/news/2013/1/31/poslanie-glavy-respubliki-mordoviya-gosudarstvennomu-sobraniyu-respubliki-mordoviya.
- 15. Programma modernizatsii zdravoohraneniya Respubliki Mordoviya na 2011–2012 gody. Poyasnitelnaya zapiska [The modernization program for healthcare service of the Republic of Mordovia for 2011–2012. Explanatory note]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/content/view/154
- 16. Realizatsiya Ukazov Prezidenta Rossiyskot Federatsii ot 7 maya 2012 goda v Respublike Mordoviya [The implementation of the Decrees of the President of the Russian Federation of may 7, 2012 in the Republic of Mordovia]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/content/view/3038
- 17. Reforma akusherskoy sluzhby v RM [Reform of obstetric service in the Republic of Mordovia]. The Official site of public authorities of the Republic of Mordovia. Available at: http://www.e-mordovia.ru/content/view/286

About the author:

Izergina Nina Ivanovna, professor of Regionology and Politology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Political sciences, docent, ninaini@yandex.ru

For citation: Izergina N. I. Konstitucija Respubliki Mordovija 1995 g. kak instrument social'nyh preobrazovanij [constitution of the Mordovia Republic of 1995 as a tool for social transformation]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 106 – 114.

ЭТНИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЕ СМИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ О ПРОБЛЕМАХ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

О. Н. Тюлякова

В статье рассматриваются история, становление, динамика развития этнически ориентированных СМИ в Республике Мордовия; анализируются особенности функционирования этнически ориентированных масс-медиа, региональная специфика прессы, тематическое содержание этнической информации; дается историко-этнографический анализ этнически ориентированных СМИ региона о проблемах языка и культуры.

Ключевые слова: этнически ориентированные СМИ, финно-угроведение, этнос, пресса, масс-медиа, финно-угорский регион, национальный язык, культура, искусство, история, этнография, автономия, мордва, народ, праздник, фестиваль.

ETHNOS-ORIENTED MASS-MEDIA OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA ABOUT THE ISSUES OF LANGUAGE AND CULTURE

O. N. Tjuljakova

The article deals with the history and formation of the ethnos-oriented mass media in Mordovia and the moving forces of their development. The aspects under analysis are the following: the peculiarities of the ethnos-oriented mass media's work, the regional peculiarity of the media and the thematic content of the ethnical information. The article also contains the historical and ethnographical analysis of the regional ethnos-oriented media dealing with language and culture problems.

Keywords: ethnos-oriented (mass) media, ethnos, mass media, Finno-Ugric region, national language, culture art, history, ethnography, autonomy, Mordvinians, nation, holiday, festival.

Этнически ориентированные СМИ в современных условиях развиваются довольно активно. Это неслучайно, так как конец XX – начало XXI в. называют временем «нового национального возрождения», когда у многих российских народов усилились тенденции к национальному самоопределению, возрос интерес к историко-этнографической памяти, своему культурному наследию. В связи с этим и работники СМИ на страницах газет стали больше обращаться к темам, связанным с историей и культурой различных этносов.

В каждом российском и финно-угорском регионах существуют специфиче-

ские особенности функционирования национальных СМИ, но в целом их объединяют общие проблемы, почти одинаковые условия существования. Так, например, в Мордовии выпускаются газеты и журналы на мокшанском и эрзянском языках («Мокшень правда», «Эрзянь правда», «Эрзянь мастор», «Чилисема», «Мокша»), общественно-политические, научные, литературно-художественные и детские издания («Странник», «Регионология», «Вестник НЙИГН при Правительстве Республики Мордовия», «Вестник Мордовского университета», городские и республиканские газеты («Извес-

© Тюлякова О. Н., 2014

тия Мордовии», «Столица С», «Вечерний Саранск», «Республика молодая», «Финно-угорская газета», «Голос Мордовского университета»). Расширяется эфирное вещание: открыта национальная радиостанция «Вайгель», на местном телевидении выходят передачи на родных языках («Од пинге» и «Велесьтечи» — на канале РЕН-ТВ, «Сияжар» и «Кулят» — на ГТРК «Мордовия»).

В местных СМИ издавна отражаются разнообразные стороны жизнедеятельности этносов и отношения власти к ним (национальный язык, традиционная культура и искусство, история, этнография, фольклор и т. д.).

Проблема изучения национальных языков в СМИ Мордовии стала отображаться еще в 30-е гг. XX столетия. Например, в газете «Красная Мордовия» от 27 августа 1933 г. размещена заметка «Монь мелем тонавтнемс эсь кельсэм» («Я хочу учиться родному языку»). Автор Петр Сарайкин пишет: «Нынешним летом мне пришлось из района переехать вместе с семьей в Саранск. У себя в селе я учился, кончил вторую группу. Тут я тоже хочу учиться. Ходил я в облоно и в гороно. Там мне не отказывают и говорят: "Иди в любую школу". А куда я пойду, когда все школы здесь русские? Сам я мордвин и учился на мордовском языке. Когда я поехал в Саранск, мне говорили: "Как же, в центре Мордовской области да нет мордовских школ?" А тут как раз их и нет. Таких, как я, в Саранске очень много. Почему же о нас никто не позаботился? Почему нет школ, где бы мы могли учиться на родном языке? Монь мелем тонавтнемс эсь кельсэм! (Я хочу учиться на родном языке!)». Таким образом была поднята проблема изучения национальных языков [5, с. 3].

Проблема функционирования родных языков в нашей республике вновь стала освещаться на страницах периодических изданий в конце XX в. В газете «Советская Мордовия» от 3 августа 1990 г. в статье «Судьба языка — судьба народа» ее автор В. Симакова пишет: «Хотя в нашем регионе нет межнацио-

нальных конфликтов, но в последнее время ощущается, как постепенно забываются родной язык, культура, добрые национальные традиции. Родной язык и в школе, и в жизни вытесняется русским. Особенно сильно это ощущается за пределами автономной республики». Автор публикации анализировал и причины сложившейся ситуации: «Территориальная раздробленность, отсутствие мордовских школ за пределами республики заметно сказываются на развитии национального языка, культуры, древних национальных традиций. Думается, что пришла пора повсеместно восстановить родной язык во всех школах, где учатся представители мордовской национальности. Однако и тут есть проблема: отсутствие кадров преподавателей родного языка и литературы Мордовского государственного университета, по-моему, необходимо открыть отдельные группы для приема абитуриентов, приехавших из-за пределов автономной республики, причем учить их по облегченной программе, так как они намного хуже знают грамматику родного языка. Без этого нельзя решить проблему возрождения мордовского языка в школах. Слышал, что уже делаются конкретные шаги в этом направлении, и это радует» |6, c.1-2|.

Тема дальнейшего развития мордовских языков, сотрудничества в этой сфере с другими финно-угорскими народами отражена в газете «Известия Мордовии» от 26 апреля 2013 г. в материале Е. Спиридоновой «День мордовских языков в Эстонии». Автор публикации пишет: «В Эстонии в 16 раз отметили День мокшанского и эрзянского языков, организуемый мордовским обществом "Сятко" совместно с учреждением "Финно-угрия". В праздмероприятиях традиционно участвовали представители нашей республики. Состоялась встреча мордовской делегации с Президентом Эстонии Томасом Хендриком Ильвесом. На встрече в Президентском дворце Глава Эстонии ознакомился с культурной деятельностью "Сятко", а также обсудил вопросы о дальнейшем сотрудничестве с другими финно-угорскими народами. Творческий вечер, посвященный Дню мордовских языков, состоялся в Доме музыки, где собравшимся показали резные деревянные тавлинские игрушки, выступили фольклорные коллективы "Килейне", "Вастома"» [8, с. 6].

Многие республиканские и районные СМИ Мордовии в последнее время большое внимание уделяют вопросам состояния и развития в республике различных аспектов национальной культуры. В номере еженедельника «Столица С» от 28 августа 2012 г. была опубликована заметка "Сказание предков" прозвучало на мокшанском». В ней речь идет о премьере первой финно-угорской этно-рок-оперы «Сказание предков», которая состоялась 23 августа в национальном театре. Автором ее является композитор Юрий Буянкин, создавший свою оперу на основе мотивов мокшанской сказки «Проша оцязор». В ее постановке были задействованы заслуженные артисты республики Сергей Семенов, Елена Алышева, Александр Лобурев и фольклорная группа «Морденс». «Через все произведение проходит идея единства российских народов, в финале мордовский богатырь женится на русской красавице», - пояснил Ю. Буянкин. «Сказание предков» стало своего рода «дебютом» для одного из лучших вокалистов республики Сергея Семенова, впервые исполнившего партию на мокшанском языке. Режиссировал проект Виктор Бояров – руководитель Театра юного зрителя из г. Заречного Пензенской области. Через год Ю. Буянкин планирует презентовать «эрзянский» вариант рок-оперы [7, с. 27].

Особенно много подобных публикаций на страницах региональной прессы появилось в связи с празднованием 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. Так, например, в газете «Известия Мордовии» от 1 августа 2012 г. на второй полосе была размещена аналитическая

статья с названием «1000-летие - мощный импульс развития Мордовии!». Ее автор Татьяна Налетова отмечает: «Этот праздник отвечает интересам укреплероссийской государственности, в основании которой – многовековая дружба народов. Великое значение для России этой юбилейной даты подчеркивает и то обстоятельство, что Государственную комиссию по подготовке празднования 1000-летия возглавляет Президент В. В. Путин, в свое время активно поддержавший идею 1000-летия единения и всегда с особым доверием относящийся к трудолюбивому и мудрому мордовскому народу» [3, с. 2].

В следующей заметке «Финны спели на Тысячелетии» говорится о взаимодействии народных культур финского и мордовского народов: «В рамках празднования Тысячелетия в Саранске выступил известный финский фольклорный коллектив MeNaiset, который порадовал публику не только своими "родными" песнями, но и двумя мордовскими - "Кодамо Моро", "Лиседе". 23 августа иностранцы пели на Советской площади, а 25 августа – в Кочкуровском районе. Это уже четвертый визит коллектива в Мордовию. MeNaiset объехал с гастролями всю Европу, участвовал в различных фестивалях, в том числе – в петербургском Skiff. Группа записала 3 диска, один из них – совместно с мордовским ансамблем «Торама» [9, c. 27].

Одним из наиболее красочных описаний праздника 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства можно назвать материал в газете «Вечерний Саранск» от 29 августа 2012 г. под заголовком «На празднике пела душа!». Ее автор Галина Балашова отмечает: «Свершилось! Праздник, который мы так долго ждали, к которому столько готовились, пришел на улицы обновленного Саранска. Яркий, многоязычный, торжественный, он стал общим, "семейным" для самых разных национальностей, для всей страны! Мы встречали гостей со всем присущим нам ра-

душием и старались показать посланцам российских регионов все самое лучшее, что у нас есть. Профессиональные артисты и народные коллективы, признанные мастера народных ремесел и учащиеся художественных школ Саранска и республики, повара городских ресторанов и хранительницы секретов мордовской национальной кухни из разных уголков Мордовии стали единой семьей, встречающей долгожданных гостей». Г. Балашова подробно описала национальные особенности праздника: «Народной музыкой и зажигательными танцами гостей выставки встречали мордовский фольклорный ансамбль "Торама", чеченский ансамбль народной песни "Нур-Жовхар" и хантыйский фольклорный ансамбль "Тор-Най". Журналистка показала традиционную культуру мордовского народа через демонстрацию национального костюма: «Что Саранск собрал на праздничные торжества представителей самых разных народностей, можно было понять уже по обилию национальных костюмов на улицах города. Мордовский же костюм был повсюду. Фольклорные коллективы, экскурсоводы, представители районов республики сочли своим долгом представить его во всем разнообразии и во всей красе. А вечернее шоу в Театре оперы и балета – показ высокой моды национального костюма "Масторава" стало достойным завершением первого дня празднования. В театрализованном представлении приняли участие фольклорные коллективы "Умарина", "Келу", "Лейне", "Гайги вайгель", детский ансамбль "Колорит" и 14 (!) коллекций национального костюма, представленных Саранским художественным училищем им. Ф. Сычкова и Институтом национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарева. Коллекции Саранского художественного училища "Масторава", "Сюлгамо", "Сияжар", "Вастома", составляющие гордость республики и ставшие уже национальным достоянием мордовского народа, были предоставлены вместе с новыми, подготовленными студентами и преподавателями Института национальной культуры. Этот праздник национального костюма показал все грани талантов мордовских дизайнеров одежды, мастериц ножниц и иглы. Костюмы, богато украшенные мордовской вышивкой, золотым шитьем, бисером, батик, удивительные аксессуары поражали дизайнерскими находками, полетом фантазии и мастерским воплощением мордовских рукодельниц. Зал аплодировал таланту художниц и исполнительскому мастерству артистов».

Особенно ярким и колоритным получилось у Г. Балашовой описание национальной кухни: «Еще одним местом паломничества горожан и гостей столицы стало мордовское подворье уникальный музейный комплекс, построенный к празднованию 1000-летия единения. Мордовское подворье встречало гостей хлебом-солью и всем многообразием мордовской национальной кухни. Дегустация блюд национальной кухни стала самым вкусным пунктом праздничной программы. Пироги с картошкой и коноплей, межвежья лапа, мордовская селянка, пшенные блины (пачат) и мордовский квас (поза), вся традиционная мордовская выпечка. первые и вторые блюда – все это с удовольствием дегустировалось гостями праздника. Национальные кушанья на равных готовили мастерицы из районов республики и саранские рестораторы. Дегустация проходила в стенах произведения зодческого искусства. А в каждом помещении подворья, будь то баня, кузница или амбар, гостей встречали экскурсоводы – преподаватели Института национальной культуры, которые могли ответить на любой вопрос, касающийся и элементов национального костюма, в которых они встречали гостей, и мордовских названий предметов обихода, находящихся в подворье, традиций и верований мордвы».

В целом можно отметить, что публикация пронизана душевностью и позитивностью восприятия автора. Показаны не только национальная культура мордовского народа, но и традиции народов России. Свою статью автор завершила откликами участников и зрителей этого праздника: «Можно смело сказать, что Праздник единения пришел в каждый дом, и все мы стали его участниками». «На празднике пела душа! – говорит жительница города Тамара Кильдюшкина. – Хотелось подпевать всем артистам, приехавшим к нам из далека. Как зажигали чеченцы! Какое шоу устроили "Соколы"!». «Наш город на глазах становится похожим на европейский! Приехал из отпуска и столько нового увидел! И праздник поражает размахом!» – делился впечатлениями Александр Костин. «Молодцы мордва – и олимпийские медали выигрывать могут, и строить, и гостей встречать, и петь, и плясать», - гордо констатировал гость из далекого Калининграда Александр Чаткин [1, с. 9]

Периодические издания публикуют и материалы, повествующие о том, как различные структуры нашей республики стараются поддерживать и передавать последующим поколениям культурные традиции мордовского народа. В статье «Известий Мордовии» от 29 марта 2013 г. «Этношкола "Кой" в Кивати» описываются мастер-классы, которые проводились в с. Кивать Кузоватовского района Ульяновской области в рамках межрегионального проекта-этношколы «Кой» («Традиция»). Его учредителями являются Поволжский центр культур финно-угорских народов, Министерство по национальной политике РМ, Министерство образования РМ и Министерство культуры РМ. С 2002 г. в Кивати преподается эрзянский язык, здесь образованы ансамбли «Пизелнэ» и «Рябинушка», являющиеся гордостью всего села. В рамках вышеназванного проекта сотрудники Института национальной культуры провели мастер-классы по национальному пению и танцам. Преподаватель гимназии № 19 Саранска Вера Кезина дала уроки эрзянского языка. Дети с увлечением изучали новые темы и приглашали гостей приезжать чаще. Ученики школы также подготовили для гостей обширную программу, главную роль на концерте играл народный ансамбль «Пизелнэ». «Хочу поблагодарить Республику Мордовию за ту помощь, которую она оказывает нам в деле сохранения родной культуры», — отметила директор школы Ольга Мелешкина [10, с. 4].

На страницах республиканских изданий часто размещается материал и о массовых культурных мероприятиях, проводимых во время народных праздников. Так, например, о праздновании Масленицы написала корреспондент газеты «Известия Мордовии» Мила Мельникова [2]. Автор отметила: «Так получилось, что сразу после сочинской Олимпиады все россияне целую неделю, с 24 февраля по 2 марта, отмечают широкую Масленицу. И в Саранске к этому празднику – предвестнику весны - по традиции организована насыщенная культурно-развлекательная программа, объединившая старинные обычаи и новаторское творчество. ...В Пушкинском парке открылась мастерская по изготовлению масленичных кукол. Там же прошел фольклорный праздник по мотивам русских народных сказок с шуточными конкурсами, спортивными состязаниями и, конечно, угощением блинами» [2, с. 8].

Таким образом, этнически ориентированная пресса Мордовии учитывает современные тенденции в освещении истории и культуры народов нашего региона. Можно отметить, что в этом отношении журналистами делается немало полезного и ценного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Балашова, Г. На празднике пела душа! / Г. Балашова // Вечерний Саранск. 2012. 29 авг.
- 2. **Мельникова**, **М.** «Масленица идет, за собой весну ведет!» / М. Мельникова // Известия Мордовии. -2014. 25 февр.
- 3. **Налетова,** Т. 1000-летие мощный импульс развития Мордовии / Т. Налетова // Известия Мордовии. 2012. 1 авг.

- 4. Санаев, И. Важнейшие задачи работников культуры / И. Санаев // Советская Мордовия. 1955. 8 апр.
- 5. Сарайкин, П. Монь мелем тонавтнемс эсь кельсэм / П. Сарайкин // Красная Мордовия. 1933. 27 авг.
- 6. Симакова, В. Судьба языка судьба народа / В. Симакова // Советская Мордовия. 1990. З авг.
- 7. «Сказание предков» прозвучало на мокшанском // Столица С. 2012. 28 авг.
- 8. Спиридонова, Е. День мордовских языков / Е. Спиридонова // Известия Мордовии. 2013. 26 апр.
- 9. Финны спели на Тысячелетии // Столица С. 2012. 28 авг.
- 10. Этношкола «Кой» в Кивати // Известия Мордовии. 2013. 29 марта.

Поступила 10.03.2014 г.

Об авторе:

Тюлякова Олеся Николаевна, корреспондент газеты «Голос Мордовского университета», магистрант по направлению подготовки «История и культура финно-угорских народов» ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), tyulyakova@mail.ru

Для *ципирования*: Тюлякова, О. Н. Этнически ориентированные СМИ Республики Мордовия о проблемах языка и культуры / О. Н. Тюлякова // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 115–120.

REFERENCES

- 1. Saraykin P. Mon melem tonavtnems es kelsyem. *Krasnaya Mordoviya*. Red Mordovia. August 27, 1933, p. 3.
- 2. Sanayev I. Vazhneyshiye zadachi rabotnikov kultury [The main objectives of cultural workers]. *Sovetskaya Mordoviya.* Soviet Mordovia. April 8, 1955, p. 3.
- 3. Sud'ba jazyka sud'ba naroda [Fate of a language fate of a people]. *Sovetskaja Mordovija* Soviet Mordovia. August 3, 1990, pp. 1 2.
- 4. Naletova T. 1000-letie moshhny impuls razvitiya Mordovii [Millenium is a powerful impulse for development of Mordovia]. *Izvestiya Mordovii*. News of Mordovia. August 1, 2012, p. 2.
- 5. «Skazaniye predkov» prozvuchalo na mokshanskom ["The Legend of forefathers" outringed in Mokshan]. *Stolitsa S.* Capital city S. August 28, 2012, p. 27.
 - 6. Finny speli na Tysyacheletii [Finns sang at the Millenium]. Stolitsa S. August 28, 2012, p. 27.
- 7. Balashova. G. Na prazdnike pela dusha! [Soul sang at the celebration!]. *Vechernij Saransk* Evening Saransk. August 29, 2012, p. 9.
- 8. Etnoshkola «Koy» v Kivati [Ethnic school in Kivat']. *Izvestiya Mordovii*. News of Mordovia. March 29, 2013, p. 4.
- 9. Den mordovskikh yazykov [Day of the Mordovian languages]. *Izvestiya Mordovii*. News of Mordovia. April 26, 2013, p. 6.
- 10. «Maslenitsa idyot, za soboy vesnu vedyot!» [Maslenitsa coming starts the spring!]. *Izvestiya Mordovii*. News of Mordovia. February 25, 2014, p. 8.

About the author:

Tjuljakova Olesja Nikolaevna, reporter of «Golos Mordovskogo universiteta» newspaper, «History and Culture of Finno-Ugric nations» master degree program, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), tyulyakova@mail.ru

For citation: Tjuljakova O. N. Jetnicheski orientirovannye SMI Respubliki Mordovija o problemah jazyka i kul'tury [Ethnos-oriented mass-media of the Republic of Mordovia about the issues of language and culture]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 115 – 120.

ПРЕДСВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ А. ВАН ГЕННЕПА

Г. А. Корнишина

В статье рассматриваются обряды финно-угорских народов предсвадебного периода. Именно здесь начинается свадебный ритуал, закладываются основы удачного проведения всей свадьбы и благополучной совместной жизни молодых. Согласно теории обрядов перехода А. ван Геннепа, на данном этапе начинается отделение невесты от своего родственного коллектива и включение ее в новую семью.

Ключевые слова: свадебный цикл, предсвадебный этап, сватовство, девичья баня, приданое, теория обрядов перехода, форма брака, финно-угорские народы.

PRE-WEDDING RITUALS OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF A. VAN GENNEP

G. A. Kornishina

The article considers the rites of Finno-Ugric peoples pre-wedding period. Here begins a wedding ritual, laid the foundations for the successful holding of the entire wedding party and prosperous life of the newly wedded couple. According to the theory of transition rites of A. van Gennep at this stage starts Department of the bride from its sister team and its inclusion in the new family.

Keywords: the wedding cycle, pre-wedding stage, matchmaking, maiden bath, dowry, theory of transition rites, forms of marriage, the Finno-Ugric peoples.

Обрядность любого народа представляет тот слой культуры, который в современных условиях несет основную этническую нагрузку. Ее основой является устойчивость и традиционность форм. Несмотря на значительную степень разрушенности и неизбежные эволюционные преобразования, обрядовая сфера сохраняет отдельные элементы весьма архаичных структур и глубинной мифологической семантики. Прослеживая изменения, происходящие с ней в различные периоды в многообразных социальных средах, реконструируя ее древние пласты, можно получить наиболее полное представление об истории народа, эволюции его мировоззрения, связях с другими этносами и других аспектах духовной и материальной культуры.

С помощью обычаев и обрядов народ воспроизводит себя, свою культуру и ментальность и передает эти знания из поколения в поколение. Именно поэтому на протяжении столетий преемственность обычаев и традиций своих предков рассматривалась людьми как один из незыблемых устоев жизни. Следование им предполагало, в частности, участие в различных ритуальных действах, что позволяло человеку ощущать себя не только личностью, но и членом определенного этнического, социального, возрастного сообщества. Это понимание укрепляло его связь со своим народом и являлось важным фактором сохранения и развития этнического самосознания.

DOI: 10 15507/VMU 024 201403 121

Все это имеет особую актуальность для финно-угорских народов России,

© Корнишина Г. А., 2014

в среде которых в условиях дисперсного расселения, активных урбанизационных и интеграционных процессов происходит девальвация их этнического своеобразия и национального самосознания. В связи с этим подчеркнем необходимость не только системного фиксирования традиционных слоев обрядовой культуры, но и научного анализа ее роли в торможении приведенных негативных процессов.

Под термином обряд (а также тождественным ему - ритуал) в отечественной этнологической науке понимается комплекс условно-символических действий, целью и смыслом которых является «выражение... некоей идеи, чувства, действия либо замена непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием» [16, с. 6]. Мы будем рассматривать свадебную обрядность финно-угорских народов в контексте так называемой теории перехода, которая была разработана известным французским этнографом и фольклористом А. ван Геннепом, считавшим, что человек в течение жизни испытывает ряд изменений: физических (например, места жительства), социальных (социального статуса) и моральных (внутреннего состояния – взросление). По его мнению, именно ритуал призван оформить эти изменения и облегчить переход из одного состояния в другое. В этом контекте ритуализированные действия представляют собой обряды перехода, или rites de passage.

Исходя из этого, главный смысл свадебной церемонии традиционно состоял, во-первых, в смене социального статуса молодой пары, которая переходила из молодежной группы в категорию семейных членов сообщества; во-вторых, в оформлении перехода невесты в родственный коллектив мужа. В связи с этим свадебный обряд отличался большой сложностью и разнообразием форм, включал в себя множество магических, вербальных и вещественных элементов. Он проходил, как правило, в течение продолжительного времени,

иногда до 1 года, в связи с чем в научной литературе обычно выделяют 3 его основных этапа: предсвадебный, собственно свадьба и послесвадебный.

Прежде чем приступить к непосредственному описанию свадебного ритуала финно-угорских народов, рассмотрим традиционные формы заключения брака, бытовавшие в этой среде.

Создание новой семьи, как правило, являлось делом не столько молодых, сколько их родителей и родственников. Часто при выборе невесты основное внимание обращалось на имущественное положение ее семьи, а также трудолюбие и здоровье девушки. Заметим, что иногда невесты бывали старше своих женихов. Так, указы Правительствующего Сената отмечали в XVIII в. у мордвы-новокрещенцев наличие браков мальчиков 8, 10, 12 лет с девушками 20 и более лет. Это объяснялось стремлением родителей жениха путем женитьбы сына получить дополнительные рабочие руки. Аналогичное явление наблюдалось у удмуртов и коми-пермяков [8, с. 130, 460]. К XIX в. брачный возраст женихов и невест выровнялся, в основном варьируясь в пределах 17–20 лет.

Основной формой заключения брака у финно-угорских народов к началу XX в. был брак по сватовству. Однако имели место и более архаичные формы, например, умыкание невест. В фольклоре хантов, а также в ряде литературных источников имеются свидетельства того, что у этих народов были распространены случаи насильственного похищения девушек. Обычно они соверщались, когда мать с дочерью оставались в поселении одни [11, с. 52]. Также в начале XX в. Г. Городской отмечал, что у уральских марийцев браки в основном заключаются умыканием, а не по сватовству [19, с. 41].

Кроме этого, у финно-угорских народов были известны браки уходом, или самокрутки, когда «девка убегала от отца и матери, выходила замуж... и передавала своему мужу тайно от семейных все свое имущество» [7, с. 221]. Такие свадьбы устраивались из-за бедности

жениха и его неспособности оплатить выкуп за невесту или из-за несогласия родителей женить парня на понравившейся ему девушке. На этот случай девушки-мансийки хранили мешочки с приданым – тучан – в сенях, чтобы иметь возможность взять его незаметно от родных. Иногда такая свадьба происходила и с тайного согласия родителей, чтобы избежать лишних расходов на свадьбу. Священник одного из мордовских сел Пензенской губернии А. Терновский писал, что «... самоходка, как женихову, так и невестину отцу становится по меньшей мере в пять раз дешевле против свадьбы, справляемой по всей форме» [15, с. 20].

Однако, как правило, как бы ни были бедны родители молодых, они старались устраивать для своих детей полную свадьбу. Эта церемония была делом не только семей жениха и невесты, а, по словам ван Геннепа, социальным союзом, который затрагивал интересы многих групп: родственники активно участвовали в поисках невесты, обсуждении кандидатур будущих супругов, а также выступали в роли сватов [1, с. 108].

Так, выбрав сыну невесту, родители приглашали к себе родственников и объявляли им об этом. После тшательного обсуждения всех обстоятельств выбора и одобрения его всеми родственниками, молили богов оказать поддержку в задуманном деле. Затем к родителям невесты для предварительных переговоров посылался кто-то из родственников жениха (как правило, крестные родители или тетка и дядя). В доме девушки посланник обязательно садился под матицу, поскольку считалось, что она «спутывает», «связывает», из-за чего пришедших нельзя выгнать. Разговор начинался с посторонних предметов, а затем незаметно переводился в нужное русло. Родители невесты, как бы ни были рады этому сватовству, в первое посещение отказывали сватьям. Некоторые делали это в силу обычая, но многие намеренно затягивали сватовство, чтобы о нем узнало как можно больше людей и, таким образом, давали возможность посвататься и другим женихам. Семья жениха также еще раз обдумывала свое решение. У карел, коми и удмуртов родственники юноши могли собираться для повторного обсуждения будущей снохи уже после предварительных смотрин невесты [8, с. 133, 463; 13, с. 66].

Второй этап сватовства, особенно собственно сватовство, был завершающим перед свадьбой. Во время него договаривались о сроках ее проведения, расходах, количестве приданого; у хантов и манси также обговаривали размер выкупа за невесту. В качестве приданого, как правило, выступали постельные принадлежности, одежда, скот. У обских угров наряду с этим в состав приданого часто входили оленья или лошадиная упряжь, нарты, лодки [11, с. 55; 12, с. 85].

Успешные переговоры закреплялись взаимными визитами новых родственников друг к другу. У земледельческих народов в случае удачного сватовства родители юноши и девушки обменивались караваями, что символизировало союз их семей. Подобный обычай сохраняется в настоящее время. Так, мокшане Волжского района Самарской области пекут на свадьбу специальный «родовой» хлеб – родонь копша. Во время свадебной пляски каждая сторона поднимает свой хлеб, при этом восхваляя собственный «род», а в конце веселья обмениваются караваями, приговаривая: «Теперь два рода соединились вместе, они будут дружить и помогать друг другу» [5, с. 177]. Хлеб также символизировал благополучие и счастье семьи. Например, в ряде мордовских сел Пензенской области половинки караваев, испеченных матерями жениха и невесты, связывают вместе полотенцем, чтобы молодые жили дружно и счастливо. Подобную смысловую нагрузку нес хлеб и в свадебном ритуале других народов. Так, у марийцев отец жениха приносил в дом родителей невесты каравай ржаного хлеба [17, с. 14]; удмуртские сваты – каравай и овсяный колобок [18, с. 38]. Над ними в доме невесты устраивали моления о счастье и благо-получии молодых.

В период от сватовства до свадьбы просватанная девушка готовила подарки для родственников жениха. Даров требовалось много. Например, чтобы сыграть посредственную мордовскую свадьбу необходимо было от 10 до 20 вышитых женских рубах, приблизительно столько же мужских, значительное количество вышитых головных уборов, полотенец, платочков и т. д. Часть подарков готовилась заранее, в течение нескольких лет, остальное — непосредственно перед свадьбой.

Отметим, что одним из основных моментов данного периода свадебной церемонии было прощание невесты со своим родным домом, родственниками, подругами, своей девичьей жизнью. Все это особенно четко проявлялось в обычае исполнения просватанной разнообразных причитаний. Обычай требовал, чтобы невеста плакала на свадьбе даже тогда, когда она выходила замуж по доброй воле и за любимого человека. Не плакать невесте считалось неприличным: чем больше она плачет, тем лучше будет ее жизнь в замужестве. Так, у карел, когда жених пытался запретить причитывания, старые женщины говорили ему: «Смотри, чтобы ей не надо было плакать, когда за тобой будет, а сейчас пусть плачет, не убудет» [4].

Причитания невесты отличались поэтичностью и богатством содержания. В них девушка светлыми красками изображала свое девичество, а в мрачных тонах – будущее замужество. Например, мордовская невеста причитала:

Сидит мое девичество:
В шесть полос вышитой рубашке,
До колен украшенной руце,
В руках букет цветов,
На голове троицкий венок...
Сидит замужество:
До колен у него рубашечка,
До пяток лохмотья,
До колен рукава,

До пальцев лохмотья... [3, с. 46]

В XVIII — начале XIX в. невеста причитала 15 и более вечеров, к концу XIX в. — 2—4 вечера. Сейчас старинные причитания помнят лишь немногие представительницы старшего поколения, которые исполняют их в отдельные моменты свадебной церемонии: при проводах невесты в баню, во время прощания ее с родственниками, родным домом и т. д.

Одним из важных моментов предсвадебной обрядности было прощание невесты со своим родственным коллективом. У большинства финно-угорских народов невеста вместе с подругами накануне свадьбы обходила родню. У коми «объезд, или вернее последнее прощание» длился несколько дней. Хозяева желали невесте всяческих благ и одаривали ее. У карел данный обычай назывался «ходить невестой». Родственники также дарили ей подарки, которые считались собственностью невесты и входили в состав приданого [13, с. 254]. У мордвы родственницы сами перед свадьбой приходили прощаться с невестой. Обычно они приносили с собой по горшку с кашей. Именно поэтому этот обряд так и называется ям кандома (м.), кашань кандомо (э.) – «принесение каши». Родственницы также приносили в дар от своих мужей по паре лаптей. Их клали в сундук (парь) невесты вместе с ее приданым.

После укладывания вещей невеста прощалась с улицей. К ее дому собирались парни и девушки со всего села. Всех парней невеста угощала вином, а девушкам дарила кольца. Это было ее прощание со сверстниками – той молодежной группой, с которой она веселилась, участвовала в общинных обрядах и праздниках. Вечером мать невесты угощала ее подруг, которые помогали в подготовке свадебных даров, а сама просватанная девушка дарила каждой из них алую ленту.

Широко распространенным и одним из самых важных предсвадебных обрядов было купание невесты в бане. Во время этого ритуала невеста прощалась

со своей девичьей жизнью. Об этом, например, есть упоминания в тексте плача невесты у коми, который она исполняет после прихода из бани: «Мича нима девья красота смывается в бане — раз плеснула крестная — сошла до локтей, второй раз — сошла до колен, третий раз — до конца...» [10, с. 232].

Символом девичества, веселой. свободной девичьей жизни являлась прическа и соответствующие украше-В основном к XIX в. финноугорские девушки заплетали волосы в одну косу и делали прямой пробор; ранее, согласно описаниям исследователей, бытовали и другие виды причесок. Так, сведения о старинной прическе мордовских девушек имеются в сочинениях П. С. Палласа: «По старинному обычаю плели из волос на затылке по восьми и девяти малых, а на обеих сторонах позади ушей – по одной большой косе, и в сии две косы втыкали поперек спицы с шелехами и другими гремушками; а в каждой косе был вплетен шерстяной длинный снурок и заткнут за пояс» [9, с. 83]. О прическе из нескольких кос сообщал также И. Георги: «девки заплетают волосы в несколько кос...». Кроме этого, он писал, что иногда девушки просто распускали волосы по плечам, не заплетая их [2, с. 44]. Прическа из нескольких кос долго сохранялась у мордвы-терюхан. Постепенно ее перестали носить в обычные дни, а делали только на свадьбу.

Одним из маркеров девичества являлись головные украшения. В первую очередь это касалось накосников и лент, вплетаемых в косу. Мордовская невеста перед уходом в девичью баню, отдавая накосник матери, причитала:

На-ка, матушка, на-ка,

Мое девичество – «кистючку»,

Мою волюшку – «кистючку» [3, с. 144].

У дмуртов просватанная девушка также перед купанием в день приезда поезжан, прощаясь с девичеством, бросала на пол ленту из косы со словами: «свое девичество втаптываю под ноги» [18, с. 19]. Карельская невеста прощалась «с белой волюшкой» в бане и там

же на окошке оставляла свою ленту [4]. Затем это накосное украшение, как правило, передавалось младшей сестре невесты или ее подруге, которые носили их до выхода замуж.

Обряд омовения невесты в бане имел также аптропеический характер: он должен был защитить девушку от всяческих бед и несчастий. Так, перед входом в баню мордовская невеста просила:

Баня ава, матушка! Баня ава, серебряная!... Горячим паром обдай меня, Дымом своим окутай меня,

Зольной пылью покрой меня [3, с. 155]. В приведенном отрывке упоминаются элементы, служившие оберегами в различных обрядах (пар, дым, зола). Многие исследователи трактуют данное обрядовое действие именно как очистительный ритуал. Возможно, в связи с этим девичью баню следовало топить «легкими» дровами. Например, олонецкие карелы использовали липовые, считая, что березовые символизируют «жестокосердие и беспокойство», сучковатые еловые являются «кручину приносящими», сосновые неровные -«печальными», ивовые - «тоску наводящими», осиновые - символом того, что дальнейшая жизнь будет «заморозками прихваченная» [4].

После прихода невесты из бани она исполняла последние причитания в родном доме, прощаясь с ним и родными. У мордвы, как правило, данный ритуал происходил у печки, которая в данном случае была символом домашнего очага [6, с. 81]. После этого устраивалось угощение всех присутствующих и начинались приготовления к приезду свадебного поезда. Одним из важных моментов этого этапа было складывание приданого невесты, в данном случае одежды. Для ее хранения предназначались особые сундуки, которые обычно заказывал мастерам отец невесты. Мордва и марийцы в более ранний период изготавливали для этого специальные долбленые кади – парь у мордвы и шабашка лянгус у марийцев. Как правило, их изготавливали из липы, и закрывали крышкой, на которую навешивался специальный засов с замком. Снаружи мордовский парь украшался рисунками на тему семейной жизни или трудовых процессов; иногда на нем изображались женские украшения.

Укладывание вещей невесты сопровождалось различными магическими действиями, поскольку считалось, что от этого зависит ее замужняя жизнь. Чтобы обезопасить содержимое сундука от нечистой силы, его обводили свечой или зажженной лучиной и иконой. На дно клали каравай хлеба, хмель и мелкие монеты, чтобы у дочери не переводилось добро.

Затем начинали укладывать вещи невесты и подарки для родственников жениха. После приезда молодых в дом родителей мужа их показывали присутствовавшим на свадьбе гостям, и те по их количеству и качеству исполнения судили не только о материальном состоянии невесты, но и ее способностях к рукоделию. У эстонцев сундук с приданым открывали под обрядовую песню в

которой были такие строки:

Открывай-ка все замки, Раскрывай-ка сундуки. Чем хвалить да обещать

Лучше все нам показать... [14, с. 85]

Таким образом, предсвадебные обряды были направлены на единение двух родственных коллективов, самой молодой пары, а также введение молодых в новые родственные группы. При этом особое внимание обращалось на отделение невесты от родной семьи, прошание ее со своим домом и девичьим коллективом. Целью проведения ритуалов свадебного цикла было обеспечение молодоженам семейного благополучия как в экономическом, так и в психологическом отношении. Основными участниками предсвадебных обрядов были как сами молодожены, так и их семьи и представители молодежной половозрастной группы – друзья жениха и подруги невесты. Более обширным состав участников свадебного действа становился уже на следующем центральном этапе свадебного цикла - собственно свадьбе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Ван Геннеп, А. Обряды перехода / А. ван Геннеп. Москва: Восточная литература, 1999 198 с.
- 2. **Георги, И.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обычаев, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Георги. Санкт-Петербург, 1799. Ч. 1. 178 с.
- 3. **Евсевьев, М. Е.** Историко-этнографические исследования / М. Е. Евсевьев. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1966. Т. 5. 552 c.
- 4. Карельский свадебный обряд [Электронный ресурс]. URL: /http://essoila-pos.ucoz.ru /publ / istorija_sjamozerja /karelskij_svadebnyj_obrjad/6-1-0-37.
- 5. **Корнишина, Г. А.** Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса / Г. А. Корнишина. Germany : Lap Lambert Academic Hublishing GmbH & Co. KG, 2011. 371c.
- 6. **Корнишина, Г. А.** Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы / Г. А. Корнишина // Гуманитарий. -2012. -№ 2. C. 80–85.
- 7. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пензенская губ. / Сост. Е. Ф. Сталь. Санкт-Петербург, 1867. Ч. 2. 462 с.
- 8. Народы Поволжья и Приуралья : Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / Ин-т этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН / Отв. ред. В. А.Тишков, С. В.Чешко. Москва : Наука, 2000. 579 с.
- 9. **Паллас, П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас. Санкт-Петербург, $1809. 4. \ 1. 773$ с.
 - 10. Плесовский, Ф. В. Свадьба народа коми / Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1968. 320 с.

- 11. **Пятникова, Т. Р.** Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья / Т. Р. Пятникова. Екатеринбург : Баско, 2008. 80 с.
- 12. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура / Е. И. Ромбандеева. Сургут: Северный дом, 1993. 208 с.
- 13. **Сурхаско, Ю. Ю.** Карельская свадебная обрядность (конец XIX начало XX в.) / Ю. Ю. Сурхаско. Ленинград, 1977. 238 с.
 - 14. Тамярв, М. Эстонский народный костюм / М. Тамярв. Таллин : КПД, 2010. 112 с.
- 15. **Терновский**, **А.** Свадьбы самохотки и моляны в мордовском селе Катмисе Городищенского уезда / А. Терновский // Пензен. губ. ведомости. − 1867. № 33 38 с.
- 16. **Токарев, С. А.** Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы : Исторические корни и развитие обычаев / С. А. Токарев. Москва : Наука, 1983. С. 3–8.
- 17. **Федянович, Т. П.** Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX 1980-е гг.) / Т. П. Федянович. Москва, 1997. 184 с.
- 18. **Христолюбова, Л. С.** Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления) / Л. С. Христолюбова. Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
- 19. **Ямурзина**, Л. В. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари) / Л. В. Ямурзина. Тарту, 2011. 219 с.

Поступила 10.03.2014 г.

Об авторе:

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornihina@rambler.ru

Для *цитирования*: Корнишина, Г. А. Предсвадебная обрядность фино-угорских народов в контексте теории А. ван Геннепа / Г. А. Коронишина // Вестник Мордовского университета. — 2014. — № 3. — С. 121—128.

REFERENCES

- 1. Van Gennep A. Obrjady perehoda [Rites of transition]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1999, 198 p.
- 2. Georgi I. Opisanie vseh obitajushhih v Rossijskom gosudarstve narodov, ih zhitejskih obrjadov, obychaev, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamjatnostej [Description of all living in the Russian state peoples, their everyday rites, customs, clothes, houses, exercises, entertainments, religion, and other sights]. St. Petersburg, 1799, Part 1, 178 p.
- 3. Evsevev M. E. Istoriko-jetnograficheskie issledovanija // Izbr.tr. [The historical-ethnographic research. // Selected works]. Saransk, Mordovskoe kn. izd-vo Publ., 1966, vol. 5, 552 p.
- 4. Karel'skij svadebnyj obrjad [Karelian wedding ceremony]. Available at: http://essoila-pos.ucoz.ru/publ/istorija sjamozerja/karelskij svadebnyj obrjad/6-1-0-37.
- 5. Kornishina G. A. Tradicionno-obrjadovaja kul'tura v sisteme mordovskogo jetnosa [Traditional ceremonial culture in the system of the Mordovian ethnos]. Germany, Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011, 371 p.
- 6. Kornishina G.A. Dom i ritual v tradicionnoj kul'ture mordvy [Home and ritual in traditional culture of Mordva]. Gumanitarij Humanitarian. 2012, no. 2, pp. 80 85.
- 7. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Penzenskaja gub. [Materials for geography and statistics of Russia compiled by officers of the General staff. Penza province.] Compiled by Stal'. St Petersburg, 1867, vol. 2, 462 p.
- 8. Narody Povolzh'ja i Priural'ja: Komi-zyrjane. Komi-permjaki. Marijcy. Mordva. Udmurty [Peoples of the Volga and Ural: the Komi-Zyrians. Komi-Permyaks. The Maris. Mordva. Udmurts]. Ed. by Tishkov V.A., Cheshko S. V. Institute of Ethnology and anthropology N.N. Miklukho-Maklaya RAN. Moscow, Nauka Publ., 2000, 579 p.

- 9. Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskoj imperii [A journey through the various provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1809, vol. 1, 773 p.
 - 10. Plesovskij F. V. Svad'ba naroda komi [Wedding of Komi people]. Syktyvkar, 1968, 320 p.
- 11. Pjatnikova T. R Tradicionnye obrjady hantov ust'-kazymskogo Priob'ja [Traditional rites of khanty of Ust'-Kazymskoe Priob'je]. Ekaterinburg, Basko Publ., 2008, 80 p.
- 12. Rombandeeva E. I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura [The history of the people Mansis (Voguls) and its spiritual culture]. Surgut, Severnyj dom Publ., 1993, 208 p.
- 13. Surhasko Ju. Ju. Karel'skaja svadebnaja obrjadnost' (konec XIX-nachalo XX v.) [Karelian wedding rites (end of XIX-beginning of XX century)]. Leningrad,1977, 238 p.
 - 14. Tamjary M. Jestonskij narodnyj kostjum [Estonian folk costume], Tallinn, KPD Publ., 2010, 112 p.
- 15. Ternovskii A. Wedding samohotki and prayers in the Mordovian village Katmise Gorodishchenskiy district / Ternovskii A. // Penz. gub. vedomosti. − 1867. − № 33 − 38.
- 16. Tokarev S. A. Vvedenie // Kalendarnye obychai i obrjady v stranah Zarubezhnoj Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Introduction // Calendar customs and traditions in the European countries. Historical roots and development of customs]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 3 8.
- 17. Fedjanovich T. P. Semejnye obychai i obrjady finno-ugorskih narodov Uralo-Povolzh'ja (kon. XIX 1980-e gg.) [Family customs and traditions of Finno-Ugric peoples of the Volga-Ural region (end. XIX 1980s)]. Moscow, 1997, 184 p.
- 18. Hristoljubova L. S. Semejnye obrjady udmurtov (tradicii i processy obnovlenija) [Family ceremonies Udmurts (tradition and renewal processes)]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1984, 128 p.
- 19. Jamurzina L.V. Obrjady semejnogo cikla mari v kontekste teorii obrjadov perehoda (na primere vostochnyh mari) [Rites of the family cycle Marie in the context of the theory of transition rites (on the example of the Eastern Mari)]. Tartu, 2011, 219 p.

About the author:

Kornishina Galina Al'bertovna, professor of History of Russia chair of Institute of History and Sociology, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Historical sciences, kornihina@rambler.ru

For citation: Kornishina, G. A. Predsvadebnaja obrjadnost' fino-ugorskih narodov v kontekste teorii A. van Gennepa [Pre-wedding rituals of the Finno-Ugric peoples in the context of the theory of A. Van Gennep]. Vestnik Mordovskogo universiteta - Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 115–120.

Социология

УДК 316.334.52(497.1)

DOI: 10.15507/VMU.024.201403.129

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ В 1945–1991 гг.

Р. Буквич

В статье рассматриваются региональные и межнациональные проблемы в социалистической Югославии в период 1945-1991 гг. После Второй мировой войны Югославия возобновилась, однако, учитывая предшествующий опыт, не в виде унитарного, централистски организованного государства, а как Федерация шести республик (к тому же с двумя автономными краями в одной из них). Несмотря на то что в развитии нового государства региональные цели и региональная политика стояли на первом месте, в своей основе они рассматривались как межнациональная проблема, мало отличавшаяся от аналогичной проблемы в первой Югославии. Этому способствовали и статус республик (и автономных краев) как макрорегионов, и редуцирование региональной политики на присовокупление и распределение так называемых дополнительных средств для развития неразвитых регионов. Когда в середине 1960-х гг. просторно координированная система регионального развития сменилась на просторно некоординированную, региональные проблемы усилились, а страна в целом, как и все ее части, потерпела большие ущербы. Именно региональная, т. е. межнациональная, проблема стала одной из самых острых, в немалой степени способствуя развалу страны.

Ключевые слова: региональная проблема, Югославия, республика, народ, региональная политика, помощь неразвитым регионам.

REGIONAL PROBLEM IN SOCIALIST YUGOSLAVIA 1945–1991

R. Bukvich

The paper considers regional and ethnic problems in socialist Yugoslavia during the period 1945–1991. After the World War II Yugoslavia was renewed, but according to previous experience not as an unitary, centrally organized state, but as the federal state of six republics (with two autonomous provinces in one of them). In the development of the new state regional goals and regional policy were constantly one of the most important purposes, but they were considered as the inter-national problem, so they were little different from these problems in the first Yugoslavia. To them contributed also the status of republics (and autonomous provinces) as macro-regions and reductions of the regional policy to the collection and distribution of the additional assets for the development of the underdeveloped. In mid 1960's, when the spatial coordinate system of regional development was replaced with the spatial non-coordinate system, regional problems multiplied, and the country and its parts suffered losses. It was the regional, i.e. ethnic problem the one that got overly serious and lead to the destruction of the country.

Keywords: Regional problem, Yugoslavia, republics, nations, regional policy, aid for the underdeveloped regions

© Буквич Р., 2014

Первая Югославия, основанная после Великой войны в декабре 1918 г., прожила немногим более двух десятилетий. Сначала она была организована как унитарное государство, но непростые межнациональные отношения ее отдельных народов (преимущественно хорватов), осложненные политическими и другими методами борьбы, вносили в ее устройство все больше элементов федерализации. После развала и разделения страны со стороны фашистских оккупационных сил в 1941 г. и междоусобной войны ее народов, по окончанию Второй мировой войны она все-таки возобновилась, но уже как федеративное социалистическое государство 6 республик.

Создание новой Югославии, возникшей в результате кровопролития мировой, гражданской и межнациональной войн, показало, что югославянская идея еще была жива среди ее народов – история дала им новый шанс. К сожалению, и этот шанс был упущен после почти полувекового существования, причем снова все закончилось кровавыми межнациональными войнами. Оказалось, что и социалистической Югославии, с иным государственным и экономическим устройством, не удалось разрешить региональные и межэтнические проблемы. Несмотря на то что Югославия перестала существовать, ее опыт региональных межэтнических отношений и регионального развития надлежит тщательно изучать как в аспекте существующих многонациональных государств, так и в аспекте исторических и политических наук, поскольку этот опыт, пусть даже неудачный, внес большой вклад в историю организации сложных многонациональных государств.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ФЕДЕРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Становление Югославии как федерального государства происходило уже во время Второй мировой войны: основа для такой организации была принята на втором заседании АВНОЮ (Антифа-

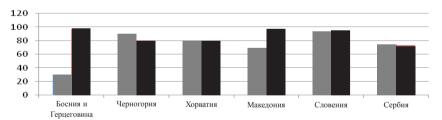
шистское вече Народного освобождения Югославии) 29 ноября 1943 г. постановлением о созидании Югославии «на федеративном принципе»: «Чтобы осуществить принцип суверенитета народов Югославии, чтобы Югославия представляла истинную родину всех своих народов и что никогда больше не стала бы областью интересов какой-либо гегемонистской клики. Югославия созидается и будет созидаться на федеративном принципе, который обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев, т. е. пять народов и шесть республик: Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины» (рис.1) [15, c. 36–37].

Р и с. 1. Федеративное устройство Югославии после Второй мировой войны

Из этого следует, что в основе организации нового государства лежал национальный принцип – республики, в первую очередь, должны были представлять свои нации (кроме Боснии и Герцеговины, которая создавалась на исторических принципах). Учитывая внутреннего устройства сложности Югославии и межнациональных отношений в период между мировыми войнами, такая прокламация как бы подразумевала возможность этнического разграничения наций, преимущественно сербов и хорватов, что явно противоречило положению ведущих политиков в период создания первой Югославии. Что имели в виду Тито и его сподвижники в АВНОЮ, стало ясно после нескольких лет: разграничение между республиками было сделано после войны, через какие-то коммисии, состав которых, равно как и их работа, до сегодняшнего дня не объявлены и не разъяснены. Между тем достаточно трудно принять объяснение, что в этом разграничении упомянутые комисии уважали национальный принцип, хотя некоторые из высокопоставленных руководителей того времени, например Милован Джилас, не однажды убеждали нас в этом. Так, границы предвоенной Хорватской бановины в целом не менялись, несмотря на этнический состав территорий, который явно не соответствовал границам. В общем разграничение можно считать асимметричным: если для остальных наций оно могло рассматриваться успешным, то в отношении сербского и хорватского народов этого сказать нельзя (табл. 1; рис. 2). Сербы участвовали в населении Югославии с 41,3 %, но установленные границы оставили вне Сербии более чем 1/4 сербов (всего 26,1 %, в том числе в Боснии и Герцеговине 17,4 % и в Хорватии 8,3 %^{*}). Хорваты, согласно переписи, составляли 23,9 % населения Югославии, вне границ Хорватии осталось 21,4 % хорватов (в Боснии и Герцеговине – 16,2 %, в Сербии – 4,5 %).

Новая социалистическая Югославия стала федеративным государством, разделенным на 6 республик. Надо отметить, что в постановлении Второго заседания АВНОЮ вообще не упоминалось о каких-либо автономных краях в составе одной из республик, но по неизвестным и необъясненным причинам после окончания войны Сербия была создана как сложная федеральная единица – в ее составе неожиданно появились Воеводина (как автономный край), Косово и Метохия (как автономная область) (см. рис. 1) [8, с. 92–93]. Как это случилось, до сих пор не ясно. Существуют толкования, что Воеводина, Косово и Метохия в результате постановлений какихто своих законодательных органов* приняли летом 1945 г. решение о вхождении в состав Сербии [14, с. 27–29], но вообще не понятно, как это могло случиться, поскольку эти территории никогда легально не изымались из королевств Сербии и Черногории, т. е. из Королевства СХС/Югославии, следовательно, не могли снова к ним присоединиться, неговоря уже о присоединении Сербии в 1918 г.

Участие «своего» народа в совокупном населении республики, %;

Участие населения народа в данной республике в совокупном числе жителей этого народа

Р и с. 2. Национальная гомогенность республик Югославии по переписи населения 1948 г.

^{*}В 1948 г. сербы еще составляли 14,4 % населения Хорватии, несмотря на огромные потери во время Второй мировой войны: в 1931 г. на территории Хорватии (не считая ее территориальные присоединения после Второй мировой войны) проживало 633 тыс. сербов (18,5 % совокупного ее населения).

^{**}Пленум Главного народно-освободительного отбора Воеводине, Скупщина изаслаников народа (народных избранников. – Б. Р.) Воеводины, областная народная скупщина Косова и Метохии в 1945 г. приняли решение о присоединении Сербии. Какими они являются органами, каковы их компетенции и правовые последствия принятых постановлений? Вопросов много, но ответов нет.

Таблица 1 Национальный состав республик и краев в Югославии по переписи населения 1948 г., тыс. чел.

Республика/ край	Му- суль- мане*	Чер- ногор- цы	Хорва-	Ма- ке- дон- цы	Сло- венцы	Сербы	Албан- цы	Вен- гры	Всего
Босния и Герцеговина	788,4	3,1	614,1	0,7	4,3	1 136,1	0,8	0,5	2 564
Черногория	0,4	342	6,8	0,1	0,5	6,7	19,4	0,1	377
Хорватия	1,1	2,9	2 975,4	1,4	38,7	543,8	0,6	51,4	3 780
Македония	1,6	2,3	2,1	789,6	0,7	29,7	197,4	0,2	1 153
Словения	0,2	0,5	16,1	0,4	1 350,1	7	0,2	10,6	1 440
Сербия	17,3	74,9	169,9	17,9	21,0	4 823,7	532,0	433,7	6 528
Централь- ная Сербия	6,6	16,2	30,3	8,3	13,5	3 810,6	33,3	4,7	4 154
Косово и Метохия	9,7	28,0	5,3	0,5	0,3	171,9	498,2	0,0	733
Воеводина	1,1	30,6	134,2	9,1	7,2	841,2	0,5	428,9	1 641
Всего	808,9	425,7	3 784,4	810,1	1 415,4	6 547,1	750,4	496,5	15 842

^{*}До переписи населения 1961 г. мусульмане изяснялись только в религиозном смысле, как югославы исламского вероисповедания, с 1961 г. они получили право изясняться как национальность.

Составлена по: [8, с. 92-93].

Уже потом, 1 сентября 1945 г., были созданы Автономный край Воеводина и Автономная Косовско-метохийская область. Становление и устройство Воеводины и Косовско-метохийской области были урегулированы особыми законами, в которых они представлялись как «составные части Сербии». Вся эта затея, очевидно, была нужна для того, чтобы в конституции страны в начале 1946 г. появилась Сербия в качестве сложной федеральной единицы [14, с. 31].

Поскольку относительно статуса Косова и Метохии в Югославии (и Сербии)

нет единого мнения даже среди ученых [11, с. 80], представим происходившие конституционные преобразования схематически (табл. 2). Как видно из табл. 2, положение Косова и Метохии с течением времени существенно менялось, тяготея к статусу республики, что так и не осуществилось. Этим не исчерпаны, конечно, все проблемы институционального положения неразвитых республик, особенно Косова и Метохии [1]. Следует также отметить, что границы республик никогда не были утверждены законом, и, кроме того, они в начале 1950-х гг. не раз менялись*.

^{*}Примером служит Постановление о разрешени перемены границ между Народной Республикой Хорватией и Народной Республикой Боснией и Герцеговиной (см.: Службени лист ФНРЈ. №14.1953).

Таблица 2 Конституционное преобразование Косова и Метохии из области в край – «республику»

	1	1	i	i	i	i -	1			
Предмет преобразования	1946 г.	1953 г.	1963 г.	1968 г.	1971 г.	1974 г.	1988 г.			
1. Название										
Область										
Край Косово и Метохия										
Край Косово										
2. Конституционный акт	•	•					•			
Статус										
Конституционный закон										
Конституция										
3. Форма власти		•								
Исполнительная										
Судебная (верховная)										
Законодательная										
4. Статус в республике и федерал	ьном госу	ударстве		•						
Саставная часть республики										
Саставная часть республики и паритетная часть союзного государства										
5. Отношение народа и национального меньшинства										
Меньшинство имеет все права										
Меньшинство становится «народ- ностью», права народа и «народ- ности» уравниваются										

Составлена по: Krstić, В. Kosovo između istorijskog i etničkog prava. Beograd. 1994. С. 37.

Независимо от этого страна была преобразована в федеративное сообщество с республиками, представлявшими «свои» народы (при этом республики, конечно, не были этнически «чистыми»). Между тем республики очень скоро утвердились и как макрорегионы (макроэкономические регионы),

что должно было способствовать региональному развитию недостаточно развитых республик (и краев)* — основной цели Югославии после Второй мировой войны (табл. 3). Эта цель в действительности представляла собой как бы замещение сложной проблематики комплексного регионального развития.

^{*}К родоначальникам этой политики (и ее редуцирования на уровень республик как объектов) можно отнести Бориса Кидрича. «Индустриализация, – писал он, – ...есть лучший путь и образ для отклонения неравномерностей в развитии наших республик... Она, с одной стороны, уже теперь сделает возможным экономически развитым республикам дальнейший прогресс, а с другой стороны, она не только сделает возможным, но и планом определит чтобы отсталые республики достигли и, согласно плану, учитывая свои природные условия, по необходимости и превзошли более развитые республики» (Кидрич, Б., Привредни проблеми ФНРЈ. Београд. 1948. С. 188–189).

Уже в первом пятилетнем плане (1947–1951 гг.) концепция регионального развития Югославии была сведена до уровня взаимных межреспубликанских отношений*, без более подробного и объективного соблюдения региональной экономической (и социальной) структуры, а также остальных релевантных моментов [4]. Республики оставались не только объектом регионального развития (Федерация взяла на себя функцию поддерживания развития недостаточно

развитых республик), но и одновременно его субъектом, ибо получили право самостоятельно принимать решения об использовании средств, предоставляемых им Федерацией для ускоренного развития. Это означает, что в рамках единой страны республики (позднее и Автономный край Косово и Метохия) были целыми, и этот подход сохранялся в течение длительного периода после Второй мировой войны, за исключением одного пятилетия (1961–1965 гг.).

Таблица 3 Основные экономико-политические цели и задачи в среднесрочных и долгосрочных планах общественно-экономического развития Югославии

Показатель	1947– 1951	1957– 1961	1961– 1965	1966– 1970	1971– 1975	1976– 1980	1981– 1985	1986– 1990	1986– 2000
Tionasaresis	ГГ.								
Построение социалистического самоуправного общественно- экономического отношения и хозяй- ственной системы	3	5	6	2	1	1	2	1	1
Экономическое развитие (развитие производственных сил, экономический рост, уровень развитости) и рост эффективности хозяйствования	1,2	1	1,5	5	2	2	3	2	3
Рост личного потребления, жизненного и общественного уровня	4	3	2	1	3	_	ı	(2)	5
Более стройное региональное развитие, развитие неразвитых областей	6	4	4	3	4	4	4	5,6	8,9
Рост занятости и изменение экономической структуры населения	-	-	_	_	5	_	_	4	4
Усиление обороноспособности страны	2	_	_	-	6	5	6	8	11
Созидание кадров, развитие образования и науки, применение научных и технических достижений	5	_	_	7	-	_	ı	(2)	6
Экономические отношения с зарубежьем	_	2	3	6	_	3	4	3	2
Стабилизация хозяйства	-	_	_	4	2	2	1	_	_
Продвижение и защита жизненной и рабочей среды	_	_	_	_	_	_	_	7	10
Продвижение функционирования системы товарных запасов	_	_	_	_	_	_	_	_	7

Составлена по: [18, с. 74].

^{*}В 5-й главе плана («Отклонение неравномерностей в экономическом развитии народных республик») ставилась задача «как можно более быстрого увеличения производства и инвестиций в экономически отсталых республиках (Босния и Герцеговина, Македония, Черногория и в др.).

По отношению к стандартному подходу в других странах, которые также не являлись федерациями (Германия, Канада, Австралия, Франция, Италия, Япония, Нидерланды и др.), положение в Югославии было в большом разнобое. Здесь сразу был принят принцип экономического и политического суверенитета республик, что явилось основой для усиления дезинтегративных процессов, приведших Югославию к крушению: «Политическая олигархия в республиканских центрах всегда давала сильное сопротивление каким-либо федеральным компетенциям в употреблении принимаемых средств» [17, с. 45].

Такое редуцирование сложной проблематики регионального развития, как сбор и распределение помощи в виде кредита (или в каком-либо другом виде), отражалось и на официальных отношениях между регионами, где на первый план выдвинулась проблема определения уровня развитости регионов (республик), нуждавшихся в экономической поддержке со стороны Федерации. Даже без учета проблемы принятия республик как макрорегионов такой подход почти совсем оставил без внимания другие сложные и значительные аспекты отношений между республиками, в частности, проблему товарных потоков и потоков рабочей силы между ними. Такая оценка относится, в первую очередь, к государственным органам (федеральной и республиканской службам статистики), а также к исследовательским организациям, в немалой степени ограниченным официальной статистикой.

Проблема товарных потоков между югославскими республиками демонстрирует тенденцию к автаркизации, в том числе механизм неценового «переливания» средств между ними.

Товарные потоки в Югославии

Следует сказать, что этому аспекту отношений между макрорегионами практически не уделялось внимания. Официальная статистика этой проблемой начала заниматься в середине 1960-х гг., но первое исследование (1966 г.) так и не было опубликовано. Исследования были продолжены в начале 1970- х гг., в 1970–80-х гг., в 1983 и 1987 гг. Мы воспользовались опубликованными данными официальной статистики [16], а также дополняющими их публикациями за 1989 г. [7].

Товарный обмен представлял самый развитый вид межреспубликанских отношений, потому что этот рынок в югославском хозяйстве был более развит по сравнению с такими видами финансовых трансакций, как рынки факторов производства, рынки денег, ценных бумаг и др. Какое значение этот вид отношений имел в целом, можно оценивать разными способами. Мы выбрали показатели долей совокупных средств (стоимости) товаров, проданных на территории своей республики в совокупной выручке. В результате получился индекс «закрытости» региона, представленный на рис. 3. Конечно, более низкие значения индекс принимает, когда регионами считаются не только республики, но и автономные края, что имеет оправдание в фактическом состоянии не только потому что макроэкономическая политика (политика регионального развития), рассматривала их как макрорегионы, но и в значительной части их положения в Федерации*.

Очевидно, весь период характеризует тенденции повышения закрытости, несмотря на небольшие отступления в 1978 и 1987 гг. Последний упомянутый год (1989) совсем не укладывается в общую картину — тут значение показателя, вычисленного на уровне республик (73 %),

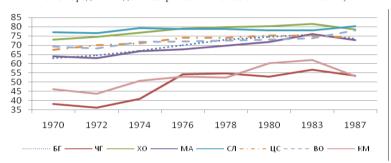
[&]quot;После конституционных поправок в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. в новой Конституции страны 1974 г. автономные края получили значительные компетенции, характеризующие их как республики, равные в Федерации. Однако они все-таки не были республиками, как злонамеренно пишут не только западные политики и их пособники, но даже научные работники (см., например: **Кubiszewska, K.** Development of Banking sectors in Kosovo and Montenegro in the Years 2000-2010 // Oeconomia Copernicana. 2012. № 3). Такие фальшивки, конечно, не имеют научной ценности.

свидетельствует о далеко продвинувшемся экономическом кризисе, нестабильности экономики, повлиявшей на распад

страны. Можно сказать, прослеживалась общая тенденция увеличения закрытости республик и краев (см. рис. 3).

Р и с. 3. Средний индекс «закрытости» Югославии в 1970-1987 гг., %

Р и с. 4. Внутрирегиональные покупки в республиках и краях Югославии в 1970–1987 гг., %

Что же способствовало развитию автаркизации югославских регионов? Некоторые авторы объясняют это экономическими факторами, в частности дефицитом товаров [10]. Однако ход экономического и социального развития Югославии указывает на то, что причины следует искать намного глубже. Дело в том, что эволюция политической и экономической системы происходила с начала 1960-х гг. и шла в направлении дезинтеграции страны. Это отразилось и в Конституции страны, где в течение 1960–70-х гг. укрепилось положение о том, что республики самостоятельны в своем экономическом развитии. Это привело к созданию экономической независимости регионов с отдельной инфраструктурой, несмотря на общность их природных, исторических, демографических и других условий. Это, со своей стороны, не могло не отразиться на возникновении экономических и других барьеров в отношениях между югославскими регионами.

Между макрорегионами, конечно, существовали различия, и не малые (рис. 4).

Рисунок, демонстрирующий процент внутрирегиональных совместных покупок, показывает разделение регионов на две группы: с одной стороны находятся Черногория, Косово и Метохия с наименьшими значениями этого соотношения, а с другой — все остальные. Между ними наверху — Словения и Хорватия, а потом 2 небольшие группы — Центральная Сербия и Воеводина, Босния и Герцеговина и Македония, различия между которыми со временем уменьшались и исчезли совсем, причем в 1987 г. Воеводина присоединилась к Словении и Хорватии.

Процесс обмена товарами, конечно, является результатом «свободного» рынка, в связи с чем рассмотренное «переливание» средств можно считать следствием сугубо экономических законов. Однако, кроме этого, в практике межрегиональных отношений Югославии осуществлялось также «переливание» средств, основанное на различных механизмах административного регулирования.

Неценовое переливание средств

Финансовые потоки, вызванные регулятивой государства, имели значительные эффекты редистрибуций [2]. Здесь существовало несколько механизмов: Фонд Федерации для кредитования экономического развития недостаточно развитых республик и автономных краев; дополнительные средства из бюджета Федерации для финансирования развития социальных и других служб в недостаточно развитых республиках и автономных краях; кредиты Международного банка восстановления и развития и др. Самым важным между этими механизмами был Фонд Федерации. Однако сначала обратим внимание на статус неразвитых (недостаточно развитых) регионов.

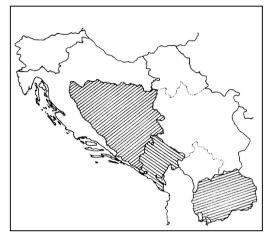
Недостаточно развитые республики, края и области в Югославии после Второй мировой войны

На всем протяжении послевоенного периода (кроме пятилетия 1961–1965 гг.) как неразвитые области на уровне Федерации рассматривались республики и Автономный край Косово и Метохия (т. е. автономная область – статус края в первые послевоенные годы; рис. 5–8). В плане 1947–1951 гг. неразвитыми республиками, получавшими особую помощь, считались народные республики (как они тогда назывались) Босния и Герцеговина, Македония и Черногория. В плане 1957–1961 гг. «неразвитыми» были определены Македония, Черногория, Косово и Метохия, а Босния и Герцеговина была исключена (с тем обоснованием, что инвестиции на одного жителя в этой республике до 1956 г. превысили средний уровень инвестиций в Югославии). В плане 1961–1965 гг. определены экономически неразвитые территории Югославии, развитие которых ускорялось Федерацией через особый союзный фонд (между тем такой фонд был основан только в 1965 г.): «как экономически неразвитые территории, для развития которых Фонд будет выделять средства, считаются территории, которые входят в компактную географическую полосу, охватывающую целую НР Македонию и НР Черногорию, в НР Сербии Автономную Косовско-Метохийскую область и южные, и юго-западные части этой республики, потом южные и западные части с частью Посавины в Боснии и Герцеговины и части Далмации, Лики, Бании и Кордуна в HP Хорватии». Этим планом в первый и последний раз в рамках развитых республик были определены неразвитые территории «союзного» значения. После 1965 г. эти территории перешли в компетенцию самих республик, а федеральные компетенции сконцентрировались на экономически недостаточно развитых республиках (Босния и Герцеговина, Македония и Черногория) и Автономном крае Косово (т. е. Косово и Метохия), поскольку с 1976 г. Косово считался экономически наименее развитой территорией.

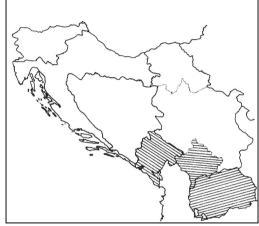
Как уже подчеркивалось, помощь в развитии недостаточно развитых областей была основной целью регионального и общего развития Югославии. Механизмы этого поощрения различались. Так, до 1952 г. использовалось прямое и невозвратное вложение инвестиций, позже был сделан переход на их кредитование через Общий инвестиционный фонд (ОИФ). Этот фонд, учрежденный в 1954 г. при Народном банке Югославии, функционировал до середины 1960-х гг. Кредитование инвестиций было неполным, одна их часть все еще финансировалась невозвратными средствами, так что систему можно назвать «псевдокредитной». Через ОИФ инвестиции направлялись на развитие югославского общественного сектора хозяйства, доминируя среди всех механизмов финансирования. Распределение средств фонда определялось ежегодными планами Федерации и осуществлялось через 3 специализированных банка: Югославский инвестиционный банк, Югославский сельскохозяйственный банк и Югославский банк внешней торговли.

С экономического аспекта, это был достаточно успешный механизм, обеспечивавший большую концентрацию и мобильность средств, финансирование важных и крупных инвестиций. Однако, к сожалению, влияние политических факторов со временем возрастало,

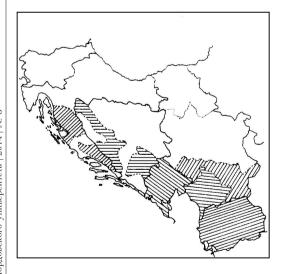
республики все труднее достигали соглашения, в результате в конце 1963 г. ОИФ был отменен, как и целая система инвестиционных фондов (в республиках они тоже существовали) [13, с. 118]. На смену пришел новый механизм — Фонд Федерации.

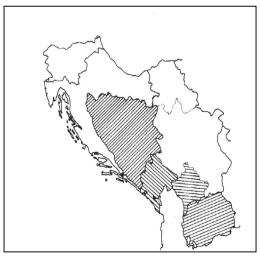
Р и с. 5. Недостаточно развитые территории Югославии в 1947–1957 гг.

Р и с. 6. Недостаточно развитые территории Югославии в 1957–1961 гг.

Р и с. 7. Недостаточно развитые территории Югославии в 1961–1965 гг.

Р и с. 8. Недостаточно развитые территории Югославии в 1965–1990 гг.

Фонд Федерации для кредитования экономического развития недостаточно развитых республик и автономных краев Югославии

Фонд Федерации был создан на основе Конституции СФРЮ от 1963 г. и Закона о Фонде Федерации для кредитования экономического развития экономически недостаточно развитых республик и областей от 1965 г. Изначально фонд задумывался как кредитное учреждение, а его предоставление средств неразвитой территории обусловливалось обеспечением части средств (30 % стоимости инвестиций) за счет этой территории. В действительности средства предоставлялись инвестиционным фондам республик, которые не контролировали их далнейшее использование. В результате замысел этого механизма был нарушен. Средства часто направлялись на внехозяйственные нужды. Кроме того, республики уже были настолько сильными, что не попадали в категорию неразвитых

После конституционных перемен в начале 1970-х гг. и принятия новой конституции фонд стал официально называться Фондом Федерации для кредитования экономического развития недостаточно развитых республик и автономных краев (Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, Косово и Метохия). Эти республики и края сначала были утверждены особым законом для пятилетия (1976–1980), предусматривавшим до конца 1978 г. принятие объективных критериев для утверждения степени развитости республик и краев как основы для определения республик и краев, которые после 1980 г. считались бы недостаточно развитыми*. Однако в действительности этого не произошло.

Таблица 4 Образование и распределение средств Фонда Федерации

	Образование средств		Распределение средств, тыс. дин.						
Период	Период ОП, тыс. дин.		Босния и Герцеговина	Черногория	Македония	Косово и Метохия			
1966–1970	1,85	887,5	274,0	116,9	233,9	267,8			
1971–1975	1,94	2 478,8	796,9	281,2	562,5	817,2			
1976–1980	1,97	7 695,6	2 352,5	831,5	1 662,9	2 847,6			
1981–1985	1,86	36 237,9	9 304,3	3 369,3	7 929,0	15 007,2			
1986–1990	1,56	6 435 373,2	1 530 116,4	404 588,9	1 091 980,2	3 362 763,4			

Составлена по: данные Фонда Федерации.

Средства фонда образовывались различными механизмами (с 1965—1970 гг. – фискальным путем, с 1971г. – обязательным займом хозяйства, а с 1976 г. – формированием объединения

части средств на межреспубликанском уровне). Сумму средств составляли проценты общественного продукта $(O\Pi)$ общественного сектора хозяйства (табл. 4).

^{*}Решение этого трудного и весьма чувствительного вопроса возлагалось политикой на науку. Был оформлен большой макропроект, в котором участвовали 3 группы экономических институтов и факультетов Югославии. К сожалению, наука оказалась не на высоте: в исследованиях преобладали политические соображения (интересы конкретных республик) и проект, в сущности, провалился. Критерии не были определены, и в дальнейшем применялся только один показатель — общественный продукт на душу населения.

Это были огромные средства («качественные», как любят говорить экономисты), которые, наверное, могли способствовать осуществлению намеченной цели. К сожалению, и тут механизм оказался недоработанным: не было контроля за использованием этих средств. В условиях, где политики (в данном случае — на уровне республик, позднее — автономных краев) все решают, было превращено в трагическую (иногда трагикомическую) ошибку. Вместо помощи хозяйственному сектору средства использовались на

непроизводственные цели, иногда противоположные интересам страны в целом. Так, например, в Косово и Метохии инвестиции тратились на построение каких-то зданий, стоявших на вражеских позициях к Сербии (и Югославии), при этом Федерация этого не замечала.

Следует отметить, что финансирование Косово и Метохии с временем возрастало, более того, условия предоставления средств были наилучшими (долгосрочность, низкий процент) и регулировались законодательством (табл. 5).

Таблица 5

Условия использования средств Фонда Федерации

	Срок возврата	Ставка про-	Косово и Метохия			
Период	кредита, лет	цента	Срок возврата кредита, лет	Ставка процента		
1966–1970	19,5	2,1	19,5	2,1		
1971–1975	15,0	4,0	19,0	3,0		
1976–1980	14,0	4,2	17,0	3,0		
1981–1985	12,0	5,5	15,0	4,5		
1986–1990	12,0	11,0	15,0	9,0		

Составлена по: данные Фонда Федерации.

Остальные механизмы

Кроме Фонда Федерации, «переливание» средств осуществлялось и другими механизмами, значение которых было меньшим. Так, дополнительные средства выделялись для финансирования социальных служб с 1971 г. (1971—1975 гг. -0.83 %, 1976—1980 гг. -0.93 % и после 1981 г. -0.79 %) и оформлялись в проценте ОП.

Кредиты Международного банка для обновления и развития использовались в основном после 1970 г. До того финансирование неразвитых регионов составляло 33,2 %, в период 1971—1975 гг. выросло до 45,3 %, в 1976—1980 гг. — до 64,0 %, а в 1981—1985 гг. —до 68,5 %.

Сравнительно значимым было инвестирование на основе других механизмов (например, экономико-финансовая консолидация хозяйств и банков в Македонии, Черногории и Косово, поддержанная законодательством периода 1986—1990 гг.).

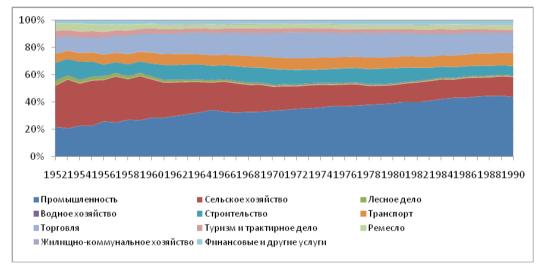
РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬ-НЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Восстановление общественного сектора хозяйства Югославии после Второй мировой войны сопрягалось с процессом модернизации и индустриализации страны. В отличие от непланированного развития в период между мировыми войнами, с преобладавшим влиянием

иностранного капитала, в новой Югославии хозяйственная структура заметно менялась, и страна становилась, благодаря развитию промышленности, все крепче и самодостаточнее. Индустриализации сопутствовал процесс урбанизации – один из быстрейших в мировой истории. Доля промышленности в ОП постоянно росла, а сельского хозяйства падала (рис. 9). Процессы индустриализации и урбанизации коренным образом переменили образ жизни всего населения Югославии, причем эти перемены не всегда были положительными.

Согласно провозглашенной политике межнациональных отношений, заключавшейся в лозунге «Братство – единство», экономическая политика и политика экономического (и в целом общественного) развития очень высоко ценила и политику регионального развития. Она

была не столько экономической проблемой, сколько национальной, что отразилось в сильно редуцированном подходе к этой политике, которая не успела возвыситься над пониманием республик как «государств своих наций» (за исключением специфического подхода в Сербии, где автономные края имели особый статус). Политическая эволюция страны привела в середине 1970-х гг. к переносу ключевых компетенций с Федерации на республики, которые стали ответственными за свое развитие. Если до этого времени система регионального развития и страны в целом имела характер просторно координированной политики, то теперь она стала просторно некоординированной: республики как суверенные субъекты реализовывали свои цели развития, которые часто не совпадали с целями на уровне страны.

Р и с. 9. Структура ОП Югославии в 1952–1990 гг.

Редуцирование региональной политики на республики (и автономные края) как на югославские регионы не имело теоретического обоснования* [12, с. 58], но все-таки официально было принято. В дальнейшем это имело определенные

отрицательные последствия как для развития страны в целом, так и «регионов» в частности. Однако редукционизм политики регионального развития не заключался только в этом. Он носил сугубо «распределительный» характер, при

^{*}По мнению одного из крупнейших авторитетов и знатоков проблем регионального развития Б. Кубовича, республики (и автономные края) Югославии можно считать регионами только условно, поскольку официальных югославских регионов как территориально-региональных единиц не существовало.

котором дальнейшая судьба предоставленных средств недостаточно развитым «регионам» была неизвестна. Наконец, после провала попыток утверждения объективных критериев для определения уровня развитости регионов, в конце 1970-х гг. был официально признан ОП на душу населения как показатель развития республик (и автономных краев).

Однако и по этому показателю официально неразвитые регионы не успевали «догонять» развитые (табл. 6). Даже

не учитывая особый случай Автономного края Косово и Метохия*, из таблицы видно, что все неразвитые регионы имели темпы развития ниже среднего, и, наоборот, все развитые — выше среднего. В этом смысле, несмотря на все недостатки такого показателя, оказывается, что политика регионального развития в Югославии в целом потерпела неудачу. Особенно это касается периода после 1965 г., когда были четко намечены ее цели, механизмы и средства.

Таблица 6 Показатели развития республик и автономных краев Югославии в 1947–1990 гг., ОП в ценах 1972 г.

		ОП	ОП (на душу населения)			
Республика/край	Индекс (1947=100)	Средний темп роста	Учас- тие 1947г.	Учас- тие 1990г.	Индекс (1947=100)	Средний темп роста
Югославия	672	4,5			442	3,5
Босния и Герцеговина	621	4,3	13,8	12,8	348	2,9
Черногория	588	4,2	2,2	1,9	339	2,9
Хорватия	671	4,5	25,0	25,0	538	4,0
Македония	755	4,8	5,1	5,7	401	3,3
Словения	746	4,8	14,9	16,5	546	4,0
Сербия	656	4,5	39,0	36,1	429	3,4
Центральная Сербия	660	4,5	26,2	25,8	462	3,6
Косово и Метохия	544	4,0	2,3	1,8	196	1,6
Воеводина	672	4,5	10,5	10,5	542	4,0

Составлена по: [8, с. 67, 113].

Совокупный средний темп роста ОП (4,5%) осуществлялся с очень неравномерной динамикой: десятилетие 1950-х гг. ознаменовалось его наибольшим показателем в мировом масштабе**, что позволило многим из югославских экономистов и политиков говорить о «югославском хозяйственном чуде», потом темпы роста ОП постоянно снижа-

лись, достигнув низкого уровня в последнее десятилетие. При этом важнее был вопрос о цене «чуда»: какие источники сделали его возможным и могло ли оно быть продолжительным. Оказывается, тут не все так ясно. Критически настроенные экономисты (и не только они) демонстрировали великую роль иностранной помощи в конце войны и в первые

^{*}С полным основанием перепись населения (и оценки в межпереписных годах) в этом крае можно ставить под сомнение.

^{**}Годовой рост ОП составлял 6,5% (на душу населения – 5,2%), в промышленности – 9,5% и в сельском хозяйстве – 5,8% (см: **Миљковић**, **Д.**, **Николић**, **М.** Развој република претходне СФР Југославије 1947–1990. Године. Београд. 1996. С. 113–115).

послевоенные годы [3] (иностранные кредиты в конце 1970-х гг.), что позволило некоторым авторам тенденциозно оспаривать полученные результаты, порицая достижения социалистического развития страны. А они все-таки были, и немалые.

В целом результаты этого развития могут быть суммированы следующим образом. До тех пор, пока Югославия до начала 1960-х гг. была не полностью, но все-таки единой и производственно ориентированной, с союзными полномочиями и ответственностью, развитие было реальным (в том числе и «отсталых» макрорегионов), даже несмотря на то что общее развитие во многом базировалось на иностранных источниках аккумуляции. Более того, в период первого пятилетнего плана в стране произошло перераспределение промышленных мощностей, преимущественно из Центральной Сербии и Воеводины в Хорватию, Словению, Боснию и Герцеговину, Черногорию и даже Албанию* [3, с. 420]. Однако, когда эта модель была замещена моделью, направленной на самостоятельность республик (и краев) без координации сверху, все недостатки предшествующей модели усилились, а вновь возникшие противоречия препятствовали дальнейшему развитию, нанеся значительный ущерб.

Основным аргументом против нерациональности югославского социалистического развития выдвигается плохое использование инвестиций. Действительно. огромные средства помощи иностранных кредитов и домашней аккумуляции расходовались очень нерационально. Эффективность инвестиций** постоянно уменьшалась: с 38,8 в период 1952–1960 гг. до -3,5 в период 1981–1990 гг., так что в среднем она составляла 16,9. Различия между макрорегионами были весьма велики и по величине инвестиций, и по их эффективности (табл. 7).

Таблица 7 Эффективность использования денежных средств в 1947–1990 гг., в постоянных ценах 1972 г.

Doory Sarve /rmoř	Инвестиции в основные фонды							
Республика/край	млрд дин.	На душу населения	Доля [*]	Эффективность**				
Югославия	2 657,4	3 017	27,0	16,9				
Босния и Герцеговина	396,0	2 823	32,2	14,4				
Черногория	79,9	3 509	45,4	10,2				
Хорватия	643,0	3 384	24,5	17,2				
Македония	169,2	2 579	31,4	15,7				
Словения	397,0	5 305	23,2	18,9				
Сербия	972,3	2 676	27,3	17,6				
Центральная Сербия	642,7	2 863	27,4	18,2				
Косово и Метохия	88,8	1 637	48,3	8,8				
Воеводина	240,8	2 872	23,2	19,4				

 $^{^*}$ Доля в ОП социалистического хозяйства (без частной собственности). ** 1952—1990 гг.

Составлена по: [8, с. 136, 138-139].

^{*}Эта тема фактически находилась под запретом, и только после распада страны началось ее исследование. Конечно, очень многие документы были уничтожены, так что настоящие размеры этой «операции» остались неизвестными. **Poct ОП на 100 дин. брутто инвестиций в основные фонды.

Таким образом, региональная проблема в социалистической Югославии не являлась результатом возникновения и существования нового государства. С 1918 г. его создавали народы, проживавшие в различных странах и различных исторических и культурных условиях, внесшие свою культуру, традиции, обычаи, вероисповедание, юридические и собственнические системы и многое другое. В межвоенный период страна пыталась преодолеть возникавшие противоречия унитарным устройством, считая его более подходящим, чем федеральное. Отсталая страна между тем не успевала обеспечить быстрый экономический подъем, что вызывало обострение межнациональных противоречий, так что под влиянием преимущественно хорватских национальных претензий политическая система двигалась в направлении федерализации.

Политика регионального развития особо не продвигалась, а экономическое развитие в целом было направлено в пользу иностранного капитала. В таких условиях отношения между историческими провинциями постепенно менялись.

После Второй мировой войны Югославия уже была создана как федеральное государство шести республик с двумя автономными краями. Считалось, что такое устройство якобы обеспечивало оптимальное развитие страны в целом и ее регионов в частности. В условиях планомерно проводимой индустриализации региональная политика всегда стояла на первом месте. Между тем эта политика была односторонней, редуцированной как в смысле предмета политики (регионами считались республики и автономные края), так и ее характера (только присовокупление и распределение средств, но не их пользование). В середине 1960-х гг. эта политика преобразовалась из просторно координированной в просторно некоординированную, ЧТО принесло огромные ущербы и региональному развитию, и развитию страны в целом. Кроме того, преднамеренное утверждение объективных критериев для определения неразвитых регионов потерпело неудачу, что «заморозило» временные решения, также имевшие отрицательный результат. В таких условиях региональная политика становилась одной из усиливавшихся проблем, ее результаты оказались противоположными провозглашенным целям, а сама региональная проблема явилась камнем преткновения между югославскими народами, в немалой степени внеся весомый вклад в конечный кровавый развал страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Буквић, Р.** Институционални оквири привредног развоја Косова и Метохије, 1945—1990. Срби на Косову и Метохији / Р. Буквић // Зборник радова, научни скуп, Косовска Митровица. 27–29 маја. 2005. Српска академија наука и уметности. Београд, 2006. С. 397–418.
- 2. **Буквић, Р.** Регионални аспект примарне расподеле у југословенској привреди : докторска дисертација / С. Буквић. Економски факултет. Београд, 1997.
- 3. **Вуковић, С.** Српско друштво и економија (1918–1992) : Издавачка књижарница Зорана Стојановића / Б. Вуковић. Сремски Карловци. Нови Сад, 2012. 592 с.
- 4. Закон о петогодишњем плану развитка народне привреде Федеративне Народне Републике Југославије у годинама 1947 1951 // Службени лист ФНРЈ. № 36. 1947. 30 април.
 - 5. **Кидрич, Б.** Привредни проблеми ФНРЈ. Култура / Б. Кидрич. Београд. 1948. 299 с.
- 6. Одлука о одобрењу промене границе између Народне Републике Хрватске и Народне Републике Босне и Херцеговине // Службени лист ФНРЈ. 1953. № 1.
- 7. Положај Војводине у међурепубличко-покрајинској размени и интегрисаност привреде. ВЕКШ, Нови Сад, 1989.
- 8. **Миљковић**, Д. Миодраг Н. Развој република претходне СФР Југославије 1947–1990. Године. Савезни завод за статистику / Д. Миљковић. Београд. 1996. 276 с.

- 9. Устав Федеративне Народне Републике Југославије // Службени лист ФНРЈ. 1946. број 10.
- 10. **Kedžić, L.** Međurepublički tokovi roba i usluga / L. Kedžić, M. Bešević // Ekonomska misao, godina XV, 1982. № 3. P. 98–104.
- 11. **Kubiszewska, K.** Development of Banking sectors in Kosovo and Montenegro in the Years 2000–2010 / B. Kubiszewska // Oeconomia Copernicana. 2012. № 3. P. 79–101.
 - 12. Kubović, B. Regionalna ekonomika / B. Kubović // Informator. Zagreb, 1974. 176 c.
- 13. **Madžar, L.** Reforme kao odraz i uzrok defekata u našem privrednom sistemu / L. Madžar // Gledišta, godina XVII. 1986. № 7–8. P. 113–136.
- 14. **Marković, R.** Ustavi i ustavna dokumenta socijalističke Jugoslavije 1942–1988 / R. Marković // Naučna knjiga, Beograd. 1989. 338 c.
- 15. Predsjedništvo Antifašističkog vijeća Narodnog oslobođenja Jugoslavije, Drugo zasjedanje Antifašističkog vijeća narodnog oslobođenja Jugoslavije, izdanje AVNOJ-a, 1943, reprint izdanje. 72 c.
- 16. Robni tokovi. Isporuke i nabavke SAP Vojvodine // Statistički bilten 191, Pokrajinski zavod za statistiku. Novi Sad. 1989. 69 c.
- 17. ECPD, Fond federacije za kreditiranje bržeg razvoja privredno nedovoljno razvijenih republika i pokrajina 1965–1990. Iskustva i rezultati. Fond federacije. Beograd, 1991.
- 18. Ocić, Časlav i Milica Bisić. Kosovo u planovima društveno-ekonomskog razvoja Jugoslavije / Institut ekonomskih nauka. Beograd, 1989.

Поступила 12.03.2014 г.

Об авторе:

Буквич Райко, доктор экономических наук, руководитель отделения региональной географии Географического института «Йован Цвиич» САНИ (г. Белград, Сербия), r.bukvic@mail.ru

Для *цитирования*: Буквич, Р. Региональная проблема социалистической Югославии в 1945—1991 гг. / Р. Буквич // Вестник Мордовского университета. — 2014. — № 3. — С. 129–146.

REFERENCES

- 1. Bukvić R. The Institutional Framework of the Economic Development of Kosovo and Metohia, 1945–1990, Serbs in Kosovo and Metohija. *Proceedings of the Scientific Conference held in Kosovska Mitrovica from may 27 to 29, 2005, Serbian Academy of Sciences and Arts.* Belgrade, 2006, pp. 397 418.
- 2. Bukvić R. Regional Aspect of GNP Primary Distribution in the Yugoslav Economy, doctoral dissertation, Faculty of Economy, Belgrade, 1997, 424 p.
- 3. Vuković, Slobodan. Serbian Society and Economy (1918–1992). Sremski Karlovci Novi Sad, Zoran Stojanović Publ., 2012, 592 p.
- 4. Act on Five-year Development Plan for People Economy of the Federal People's Republic of Yugoslavia in the Years 1947–1951. *Official Gazete of FPRY*, no. 36, April 30, 1947.
 - 5. Kidrič B. The Economic Problems of the FPRY. Belgrade, Culture Publ., 1948, 299 p.
- 6. The Decision of the Acceptance of the Borders Change Between the People's Republic Croatia and People's Republic Bosnia and Herzegovina. *Official Gazete of FPRY*. No. 14, 1953.
- 7. The State of the Vojvodina in Inter-republican-provinces Exchange and Integrity of the Economy, HECS. Novi Sad, 1989.
- 8. Miljković D., Miodrag N. Development of the Republics of Former SFR Yugoslavia in the 1947–1990 Years. Belgrade, Federal Statistical Office, 1996, 276 p.
 - 9. The Constitution of the Federal People's Republic of Yugoslavia. Official Gazete of FPRY. No. 10, 1946.
- 10. Kedžić L., Bešević M. Inter-republican Flows of Goods and Services, *Economic Thought*. 1982, vol. 15, no. 3, pp. 98 104.
- 11. Kubiszewska K. Development of Banking sectors in Kosovo and Montenegro in the Years 2000–2010. *Oeconomia Copernicana*, 2012, no. 3, pp. 79-101.
 - 12. Kubović B. Regional Economy. Zagreb, Informator Publ., 1974, 176 p.

- 13. Madžar L. Reforms as Result and Cause of the Defects in Our Economic System. *Viewpoints*, 1986, vol. XVII, no. 7 8, pp. 113 136.
- 14. Marković R., Milutin S. The Constitutions and Constitutional Documents of the Socialist Yugoslavia 1942–1988. Belgrade, Scientific Book Publ., 1989, 338 p.
- 15. Presidium of the Anti-fascist Board of People's Liberation of Yugoslavia, The Second Session of the Anti-fascist Board of People's Liberation of Yugoslavia, Publication of ABPLY, reprint. 1943, Belgrade, 72 p.
- 16. Goods Flows. Deliveries and Purchases of the SAP Vojvodina. Statistical bulletin 191. Novi Sad, Provincial Statistical Office. 1989, 69 p.
- 17. ECPD, Fond of Federation for Crediting the Faster Development of the Economic Underdeveloped Republics and Provinces 1965–1990. Experiences and Results. Belgrade, Fond of Federation. 1991.
- 18. Ocić, Časlav i Milica Bisić. Kosovo in Plans of Socio-economic Development of Yugoslavia. Belgrade, Institute of Economic Sciences. 1989, 75 p.

About the author:

Bukvich Rajko, head of Regional Geography department of «Jovan Cviich» Geographical Institute SANI (Belgrad, Serbia), Doktor Nauk degree holder in Economical sciences, r.bukvic@mail.ru

For citation: Bukvich R. Regional'naja problema socialisticheskoj Jugoslavii v 1945–1991 gg. [Regional problem in socialist Yugoslavia 1945–1991]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 129 – 146.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ: ЗАВЕРШАЮЩАЯ СТАДИЯ

Н. С. Савкин

В статье раскрываются специфика, особенности и трудности социальной адаптации человека на завершающей стадии его жизнедеятельности; подчеркивается, что в целом на этом пути возможно выделение четырех этапов, при этом наиболее острой, болезненной и противоречивой оказывается последняя стадия.

Ключевые слова: адаптация, социализация, социальное воспроизводство, профессиональный и социальный статус, преемственность поколений, рыночные отношения, семья

SOCIAL ADAPTATION: THE FINAL STAGE

N. S. Savkin

The article describes the specifics, peculiarities and difficulties of a person's social adaptation at the final stage of a lifetime. It is pointed out that there are four stages of life, but the last stage is the most painful and contradictory one. The article gives the description of all the stages.

Keywords: adaptation, socialization, social reproduction, professional and social status, succession of generations, market relation, family.

В философии социальная адаптация исследуется как комплексная проблема взаимосвязи человека и окружающего мира и прежде всего — человека и социальной сферы общества. Социальная адаптация понимается как процесс взаимодействия социального субъекта и социума, в ходе и результате которого происходят вхождение субъекта в систему ценностей (социализация), реализация ожиданий и социальное воспроизводство человека. В своем движении она проходит несколько стадий.

Начальная стадия представляет собой процесс превращения новорожденного в личность (онтогенез). Это преимущественно социализация, решающую роль в которой играют биологические предпосылки индивида (наследственность), дарования, данные природой, семья, социальная среда, окружение. Это процесс приспособления организма к условиям существования, непрерывный, жизненно важный процесс вживания индивида в систему социальных (культурных, национальных, нравственных) отношений и ценностей.

Вторая стадия социальной адаптации — становление социального субъекта как личности, осмысление ситуации в социуме, концентрация усилий с профессиональным выбором, активный анализ собственных способностей и возможностей. Это, в сущности, анализ адаптационного потенциала, совокупности свойств и ресурсов с определением направления образования, профессионального и социального статуса.

Третья стадия — реализация себя как профессионального и социального субъекта, личности, конкретной модели деятельности, одновременно — анализ и оценка основных характеристик социальной среды, социума. Социальная

© Савкин Н. С., 2014

адаптация предполагает постоянное изучение меняющейся социальной системы как фактора и условия процесса. При этом имеется в виду, что социальная система сама непрерывно и постоянно приспосабливается к спонтанно изменяющимся условиям среды и для нее на современной стадии динамичных изменений характерны, с позиций синергетики, разноупорядоченность, неустойчивость, неравновесность, нелинейность соотношений. Олвин Тоффлер, используя синергетические понятия для интерпретации современного состояния общества, отмечает наблюдаемый им упадок индустриального общества, раздвоение (бифуркацию) мировой цивилизации, переход к диссипативной структуре в мировом масштабе, когда происходит постепенное рассеивание части энергии упорядоченного движения общества в энергию неупорядоченного движения.

Четвертая стадия социальной адаптации — завершающий этап жизнедеятельности личности. Он связан с переходом к новым условиям жизни, завершением активной профессиональной деятельности и переходом на положение «заслуженного отдыха» (пенсионера). Этот процесс поистине болезненный, сложный и противоречивый.

На завершающей стадии жизнедеятельности личности жизненные силы, энергия направлены на сохранение через непрерывное воспроизводство своего профессионального и социального статуса. На этом этапе трудно рассчитывать на рост и развитие профессиональной карьеры, тем не менее, чтобы сохранить свой социальный статус, необходимы активная деятельность и непрерывное воспроизводство профессиональных навыков. Чтобы оставаться хирургом или учителем, преподавателем, необходимо постоянно воспроизводить навыки через профессиональную деятельность.

Другой важной задачей социальной адаптации этого этапа является приспособление к новому социальному поло-

жению и сохранению своей социальной и этнокультурной идентичности.

В условиях либерального дискурса в экономике и политике на первое место в социальной адаптации личности выходят индивидуализм, опора на собственные силы, возможности семьи и родственных связей. Возникла ситуация отказа от патерналистской опеки государства. Однако государство не освобождает себя от вмешательства в процессы социальной адаптации старшего поколения. В действительности государство по-прежнему остается важнейшим экономическим, социальным и идеологическим институтом, определяющим процессы социализации и социальной адаптации через политику, реформы пенсионного обеспечения, здравоохранения.

Человек за свою жизнь может несколько раз менять свой социальный статус. На завершающем этапе жизни социальная адаптация заключается преимущественно в сохранении и поддержании существующего положения вещей. Она реализуется через передачу опыта подрастающим поколениям, обучение и воспитание, поддержание организованного состояния общественной жизни.

Чтобы сохранить свой социальный и профессиональный статус, человек должен непрерывно производить и воспроизводить себя и свои общественные отношения. Этот принцип жизни сохраняет свое значение и на завершающем этапе социальной адаптации. Разумеется, возможности по поддержанию, восстановлению и развитию своих сил и способностей ограничены, но есть преимущества, связанные с социальным опытом.

Как растение требует тепла, солнца, воздуха, дождя, чтобы расти и развиваться, так и человек ждет от общества условий для полноценного и разностороннего развития и удовлетворения своих потребностей и интересов. Развитие рыночных отношений в обществе ориентирует на индивидуальную

инициативу и предприимчивость. Человек сам должен создавать условия для собственного развития. Вместе с тем развитие рыночной сферы услуг, механизация многих видов труда создают новые условия выбора для удовлетворения потребностей в профессиональной деятельности. Таким образом, действующими лицами в процессе социальной адаптации старшего поколения попрежнему остаются сами субъекты, их профессиональная и социальная активность, вместе с тем и государство, его целенаправленная социальная политика, и семья, родственные связи. В идеологии социальной политики государства произошел определенный сдвиг социальная адаптация не только личное дело индивида, а общенациональная государственная проблема. Независимо от дифференциации интересов различных социальных групп – долг и обязанность государства, его определенных профессиональных органов вмешиваться в систему социальной адаптации населения, субъектов старшего поколения – в особенности.

Несмотря на рост влияния неолиберализма в определенные периоды истории России, проповедующего минимизацию вмешательства государства и в экономику, и в семейные отношения, и в процессы социального воспроизводства, стало очевидно, что рынок и рыночные отношения не могут решить все проблемы без вмешательства государства. В условиях постиндустриальной рыночной экономики, когда баланс влияний государства и рынка оптимизировался, когда в результатах социального воспроизводства и социальной адаптации заинтересованы не только отдельная личность, но и все общество в целом, нужно перераспределение издержек государства в сторону социальной политики.

Рост гражданственности, осознание своих прав и обязанностей по отношению к государству, опора на сообщество и социальные связи, пробуждение этики справедливости и этики заботы при-

нуждают государство активнее влиять, вмешиваться в социальную политику, социальное воспроизводство и адаптацию. Вероятно, окончательное преодоление и разрешение дихотомии индивидуального и социального в социальной адаптации в рамках капиталистического индустриального общества невозможно. Его разрешение связано с заменой стоимостного подхода в экономике потребительностоимостным.

В теории потребительной стоимости затраты труда ставятся в зависимость от потребностей общества в тех или иных благах, в противовес закону стоимости, в котором труд, выраженный в стоимости, остается вне ее определений. Закон потребительной стоимости условием эффективности экономической деятельности делает не прибыль (прибавочные стоимости), а экономию труда и рабочего времени, что служит объективным соизмерителем потребительных стоимостей более высокого порядка.

В экономической науке утверждалось, что разницу между уровнями полезности (потребительной стоимости) нельзя выразить количественно. Известный ученый, философ и экономист В. Я. Ельмеев доказал, что потребительная стоимость экономических благ объективна, следовательно, количественно измерима, что составляет собственную основу справедливого распределения по условиям потребления. Это еще не распределение по потребностям, но реальный принцип, учитывающий цель производства. Потребительностоимостная концепция экономической теории может стать основой обновленного социализма, бескризисного, гуманного общества устойчивого развития.

В связи с этим социальную адаптацию необходимо рассматривать не только под углом зрения ее функционирования, но также с позиций перспектив развития. В новых условиях предполагается повышение социального потенциала общества, что предполагает улучшение здоровья населения, увеличение продолжительности жизни, сокращение

детской смертности, уменьшение удельного веса тяжелых и социально опасных болезней. Построение общества с социально ориентированной экономикой и политикой позволит значительно улучшить качество функционирования социальной инфраструктуры общества, региона, города, поселения, изменить структуру свободного времени населения, повысить в потреблении удельный вес духовных благ и социальных услуг. Все это имеет непосредственное отношение к модернизации социальной адаптации в целом, старшего поколения в особенности.

Исключительно велика роль семьи в социальной адаптации людей старшего поколения. На протяжении всей человеческой истории семья была и остается основным институтом социализации, социального воспроизводства и социальной адаптации. Именно через институт семьи реализуется преемственность поколений: передача от поколения к поколению социальных, культурных ценностей, преемственность в развитии на основе удержания всего ценного и положительного, созданного в прошлом. Однако не только в этом. В описываемой ситуации важен обратный процесс влияния преемственности: когда новые поколения поддерживают, вдохновляют и обучают новым «технологиям» жизни в новых условиях старшее поколение. Появляются, формируются новые обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы, ценности, общественные установки, новый порядок действий, стереотипы и стандарты. Их нужно усвоить и освоить, научиться адаптироваться, понять. И здесь «учителем» оказывается новое поколение. Через действия, поступки, отношения оно может помочь старшему поколению в социальной адаптации.

Трудность социальной адаптации старшего поколения в том, что оно само уже не участвует в собственном воспроизводстве через непосредственное производство (преимущественно). Социальное воспроизводство же не может быть радикально отделено от собствен-

но производства. Это узкое, ошибочное понимание социального воспроизводства как только физического воспроизводства индивида как живого организма в виде естественного акта создания потомства (рождения, питания, охраны здоровья), социализации, воспитания и образования. Это – преимущественно функции семьи. Именно в сфере непосредственного производства человек производит не только продукт (материальный или духовный, или лечит человека, делает операцию, обучает наукам и т. д., за что получает заработную плату или вознаграждение), но и расходуя свои способности, жизненную энергию в акте производства, воспроизводит свои профессиональные навыки, умения, а также свой социальный статус, свое социальное положение в обществе. Именно поэтому для социальной адаптации старшего поколения столь велика роль семьи, семейных и родственных отношений, связей с новыми поколениями.

И в настоящее время, с возрастанием экономической и социальной нестабильности, продолжающейся дезинтеграцией общества семья, семейные и родственные отношения остаются важнейшим ресурсом социальных трансформаций, а также обеспечения экономического выживания и социальной защиты. Долгое время семья была и до сих пор остается своеобразным буфером, смягчающим напряжение в обществе, резервом неоплаченного и неучтенного труда, так как именно на семью ложилась основная нагрузка по формированию новых поколений и защиты престарелых. Семья – важнейший источник сохранения идентичности и важнейшая форма вписывания себя в окружающий мир.

Это, разумеется, не означает дальнейшее укрепление семьи. Наоборот, в настоящее время семья раздираема противоречиями. Во многом современная семья распадается. В данном случае в целях выживания и распределения риска и нагрузки в процессах социаль-

ной адаптации происходит усиление взаимозависимости членов семьи друг от друга и ответственности друг перед другом. Современная семья индивидуализируется, становится более открытой, свободной и гибкой структурой. Личность в семье становится более независимой и самостоятельной. Прежняя старая семейная иерархия уходит в прошлое. Однако семья освобождается не от родственных связей, она становится все более «независимой» от государства, от его патерналистской опеки. Государство идет на поводу либерального дискурса, подчеркивающего необходимость освобождения семьи от опеки государства и развития принципа индивидуализма. В условиях же рыночных отношений семья еще больше нуждается в поддержке, особенно так называемые неполные семьи. Родственные связи, семья оказываются единственным надежным универсальным институтом взаимной поддержки, страхования, социальной адаптации всех поколений на пересечении различных политических, идеологических и философских дискурсов. Идеология «разгосударствления» всю ответственность за социальную адаптацию и социальное воспроизводство новых поколений хочет возложить полностью на семью и родственные связи. Социальное воспроизводство поколений объявляется частным делом, в которое государству целесообразно вмешиваться лишь в исключительных случаях. Опора на собственные силы индивида и на членов семьи в социальной адаптации неизбежно приводит к общему недоверию к государству и возврату к архаичным патриархальным формам организации семейного воспроизводства.

Немаловажную задачу в социальной адаптации старшего поколения решают религия и церковь. Верующему религия дает утешение перед лицом смерти, вносит смысл в человеческое существование, защищает от страха беспомощности. Зигмунд Фрейд, австрийский психиатр, отмечал: как ребенок находит защиту у родителей, так и взрослые пы-

таются найти ее у любящего всемогущего бога. В религии человек компенсирует земные страдания представлением о другом мире, в котором он будет вознагражден за свои страдания, зло будет наказано и справедливость восторжествует.

Столь же велика роль церкви. Вмешательство церкви, ее благотворительных организаций помогает пожилому человеку найти поддержку в трудные минуты, ориентирует в социальной адаптации. Они влияют на динамику социального самочувствия старшего поколения, что может служить определенным индикатором социального благополучия.

Социальная адаптация – сложный перманентный процесс, которому человек подвергается постоянно, от рождения до смерти. Существует множество факторов, от которых человек зависит в любом возрасте. Это и урбанизация, индустриализация, компьютеризация, эмиграция, перемещения населения с одного места жительства в другое. Оказавшись оторванным от привычных естественных социумов, социокультурной среды, системы ценностей, условий жизни, расовой, национальной, религиозной среды, человек вынужден приспосабливаться к новым для него нормам жизни. Его личность претерпевает при этом некое раздвоение. Не так легко удается (или не удается в некоторых случаях) заменить устоявшиеся, освоенные правила, нормы жизни, ценностные ориентиры на другие, порой несовместимые с прежними. Труднее всего эту адаптацию осуществить в пожилом возрасте.

С другой стороны, создаются условия для расширения социального опыта, приобщения к новым ценностям, нормам. Когда полной социальной адаптации не получается к новым условиям с иными стандартами, некоторые люди живут двойной жизнью, с двойными стандартами.

Приблизительно то же самое происходит с человеком, когда он переходит из одной профессии или социальной

общности в другую, т. е. меняет свой профессиональный или социальный статус. Это связано с тем, что социальная жизнь многообразна, существует многообразие социумов, культур, социальных и национальных групп, цивилизаций, религий, обычаев и традиций, которые обусловлены в свою очередь неповторимыми географическими, историче-

скими, климатическими, этническими условиями формирования обществ. И поскольку человек за свою жизнь несколько раз по разным обстоятельствам меняет свой статус (и социальный, и профессиональный, и возрастной) социальная адаптация становится для него непрерывно продолжающимся перманентным явлением.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Савкин Николай Степанович, доктор философских наук, профессор кафедры методологии науки и прикладной социологии, профессор кафедры философии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), depart-philos-hum@isi.mrsu.ru

Для цитирования: Савкин, Н. С. Социальная адаптация : завершающая стадия / Н. С. Савкин // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 147–152.

About the author:

Savkin Nikolaj Stepanovich, professor of Methodology of Science and Applied Sociology chair, professor of Philosophy chair History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Phylosophical sciences, professor, depart-philos-hum@isi.mrsu.ru

For citation: Savkin N. S. Social'naja adaptacija: zavershajushhaja stadija [Social adaptation: the final stage]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 147 – 152.

(на примере Республики Мордовия)

О. А. Богатова

В статье анализируются социальные установки и особенности религиозности современных российских верующих на примере Республики Мордовия. Основываясь на данных массового опроса населения Республики Мордовия, автор делает вывод о том, что данный регион России демонстрирует типичный случай «секулярной религиозности», слабо связанной с институциональной структурой религиозных объединений и их ритуальными практиками. Несмотря на то что примерно 90 % населения, судя по данным опросов, относят себя к православным, для них характерна слабая степень конфессионализации (воцерковленности), коррелирующей с толерантным отношением к представителям иных конфессий. Опросы показывают, что религиозные ценности и установки не оказывают заметного влияния на сознание и социальное поведение верующих в качестве потенциального фактора гармонизации/дезинтеграции групповых интересов, а также на мнение респондентов по актуальным политическим вопросам.

DOI: 10 15507/VMU 024 201403 153

Ключевые слова: церковь, «секулярная религиозность», конфессия, верующие, религиозные ценности, межконфессиональная толерантность, религиозная идентичность.

SECULAR RELIGIOSITY IN RUSSIA: SELF-IDENTITY AND SOCIAL ATTITUDES OF BELIEVERS (the case study of the Republic of Mordovia)

O. A. Bogatova

The article analyzes the attitudes and characteristics of modern Russian religious believers (case study of the Republic of Mordovia).

From author's point of view, the religiosity of modern Russian orthodox believers at a level of religious representations, and also motivations of behavior, includes both religious (orthodox christian), and secular attitudes and values including a priority of an individual choice in regulation by believers of a degree of the communication with the parish communities and submission to authority of clergy of various levels, and also regulation of own ritual behavior; attitudes to personal interpretation of religious doctrines on the basis of representations both orthodox as "heterodox", magic and quasi-religious or quasi-scientific character; attitudes of a part of orthodox believers on independent, besides the parish community, forming of their relations with God; the "goal-directed" attitude to religion as to means of decision of the practical everyday problems; a priority of secular values in everyday behavior of the believers.

The motives of such believers may be quite different, but all they recognize the Church's authority to such extent to what they need, also they arrange their ritual behavior and contacts with priests in their own manner, looking at their religiosity as the part of their private life which requires their personal needs. Such religiosity demonstrates their cultural and ethnic/national identity, but it doesn't integrate such believers into local parish communities.

So, most of Russian Orthodox Christians must be defined as "secular believers". Secular religiousity is that kind of religiousity which associated with the private life of believer and converted into the object of personal choice, personal conceptualization and personal

© Богатова О. А., 2014

regulation of the participation in religious practices. Secular believer is believer which construct ones relationship with God independently while declaring oneself belonging to the certain religious tradition.

In the paper the social attitudes and features of religiousness of modern Russian believers on the Republic Mordovia example are analyzed. Concerning to data of mass interrogation of the population of Republic Mordovia the author does a conclusion that this region of Russia shows a typical case of «secular religiousness», poorly connected with institutional structure of religious communities and their ritual practices. In spite of the fact that approximately 90 % of the population, judging by data of interrogations, identify themselves as orthodox christians, their religiousness is characterized by weak degree of confessional involvement correlating with the tolerant attitude to representatives to other faiths. The survey data also demonstrate that religious values and installations do not render appreciable influence on consciousness and social behaviour of believers as the potential factor of harmonisation/desintegration of group interests, and also on opinion of respondents on actual political questions.

Keywords: church, secular religiosity, confession, believers, religious values, interreligious tolerance, religious identity.

В структуре современного российского общества, как и в репертуаре признанных форм выражения групповых интересов и требований, произошли существенные изменения по сравнению с советским периодом. Наряду с признанной государством в советский период этнорегиональной структурой интересов проявили себя различные формы межгрупповой дифференциации и социального неравенства, основанные на различиях в доступе к материальным ресурсам, власти, уровне территориального развития, образе жизни, идеологической, религиозной, субкультурной дифференциации. Социологические данные о религиозности населения показывают, что религиозность наиболее многочисленной группы верующих – православных является в целом внеинституциональной, обособленной от социальных поведенческих практик, и характеризуется свойственной секулярному обществу поляризацией между индивидуальной конфессиональной идентичностью, с одной стороны, и социальными отношениями, институтами и практиками, которые формируются и регулируются без учета религиозной принадлежности – с другой.

Интерпретируя данные собственного всероссийского исследования, Д. Е. Фурман и К. Каариайнен отмечают наличие в современном российском обществе

«проправославного консенсуса», а также во многом формальный и поверхностный характер религиозности большинства российских верующих и делают вывод о том, что доля «традиционных» верующих православных среди населения России крайне незначительна: не более 7 %, по данным массового опроса населения России в 1999 г., и 8,8 % – в 2005 г. [3, с. 58]. Белорусский исследователь Д. К. Безнюк в этой связи использует термин «секулярный (партикулярный) верующий», имея в виду таких верующих, которые «при декларировании себя верующим (почти половина опрошенных граждан), высокой оценке роли религии в сохранении традиции и культуры (более трети опрошенных), признании нравственной функции религии (более 40 %)... не живут церковной жизнью, т. е. не связаны с организационной структурой своей веры» [1, с. 129], а также не руководствуются в своих поступках религиозными мотивами и слабо ориентируются в догматах своей веры, не придавая им особенного значения» [4, с. 130].

Н. Зоркая, обобщая аналогичные данные всероссийских опросов, полученные Левада-центром, характеризует российское общество как «безрелигиозное», а религиозность типичного российского верующего — «захожанина», лишь изредка бывающего в церкви, рассматривает в терминах пассивности,

равнодушия к религии, отсутствия глубоких религиозных потребностей и знаний, отмечая, что большинство современных последователей Русской православной церкви (РПЦ) в опросах декларирует приверженность к секулярному принципу свободы совести, согласно которому отношение к религии является «личным делом каждого и религия не оказывает влияния на политику», но вместе с тем, «по собственным высказываниям большинства именующих себя православными, религия не играет особенно важной роли в их повседневной (индивидуальной) жизни» [2, с. 84].

В ходе работы над научно-исследовательским проектом «Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в полиэтническом регионе»* нами был предпринят систематический социологический анализ взаимоотношения этничности и религиозности в Мордовии, значимости религиозной и этнической идентичности для наиболее многочисленных этнических (русские, мордва, татары) и конфессиональных (православные христиане и мусульмане) групп, степени религиозности и воцерковленности населения Республики Мордовия, уровня этнической и религиозной толерантности в республике, соотношения этнической, религиозной, региональной и общероссийской гражданской идентичности, возможностей использования религиозной и этнической идентичности в процессе формирования общероссийской гражданской идентичности и солидарности.

В исследовании использовался метод массового социологического опроса: интервьюирование населения типичного полиэтнического региона Приволжского федерального округа по репрезентативной выборке (выборка стратифицированная, квотно-территориальная, с квотным отбором по месту жительства, полу, возрасту, этнической принадлежности, случайным отбором единиц опроса — улиц

и домов в наиболее крупных городах, поселений в сельских районах, объем региональной выборки – 1 тыс. респондентов).

Опрос показал, что верующими считают себя 93 %, неверующими — 4,4 % опрошенных, в том числе 3,7 % мордвы и 4,4 % русских. Большинство неверующих — люди в возрасте старше 50 лет, без высшего образования, две трети из них — мужчины. 1,7 % респондентов считают себя верующими, но ни к какой конкретно религии себя не относят, столько же выбрали вариант «к религии отношусь безразлично», а 0,7 % колебались между верой и неверием. Таким образом, уровень религиозности населения в республике является стабильно высоким.

Наибольшее количество последователей имеют две конфессии – РПЦ (Московский патриархат) и ислам. Доля православных верующих в составе респондентов составила 86,4 %, из них мордвы 90,8 % и русских 90,1 %. Доля мусульман составила 4,4 % респондентов, что соответствует количеству опрошенных татар. Кроме того, в выборочную совокупность попали 3 представителя протестантских деноминаций, зарегистрированных в республике, и 1 язычник (русский по национальности). В основном респонденты относили себя к тому или иному вероисповеданию на основе культурной самоидентификации: так, к православным отнесли себя более 90 % русских и мордвы, к мусульманам – 80 % татар (однако 8,9 % опрошенных татар считают себя православными, а 3 респондента мордовской национальности (0,9 %) и 4 русских (0,7%) — мусульманами).

В целом следует отметить, что в Мордовии доля православных больше, а неверующих — меньше, чем в среднем по России: так, во всероссийском опросе, проведенном Аналитическим центром имени Ю. Левады в августе 2011 г., в России в этот период было выявлено

^{*}Трант в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012–2013 гг., соглашение 8004 Минобрнауки РФ с Российской правовой академией Миноста РФ.

69 % православных, 5 % мусульман, менее 1 % представителей других конфессий и 22 % неверующих.

В исследовании также ставилась задача изучения влияния религиозных ценностей и установок на сознание и социальное поведение верующих в качестве потенциального фактора гармонизации групповых интересов. Наличие потенциала социального влияния религии можно констатировать, исходя из оценок самих респондентов, большинство которых считает, что религия в их жизни играет «очень важную» (22,0 % респондентов) или «важную» (36,3 %) роль, в то время как лишь 24,2 % опрошенных характеризует эту роль как «не очень важную», а 16,5 % считает, что она не играет в их жизни никакой роли.

В то же время конфессиональная вовлеченность верующих в республике невелика, судя по данным опроса, можно говорить об очевидной приватизации и частичной деинституционализации религиозности в Мордовии: 76,8 % опрошенных отметили, что не участвуют в деятельности или мероприятиях какой-либо местной религиозной/приходской общины, не считая посещения служб. Из 23,2 % верующих респондентов, принимающих участие в такой деятельности, половина занимается ею несколько раз в месяц (44,4 %), каждую неделю (1,8 %) или несколько раз в неделю (2,7 %). Однако эти социально активные верующие составляют меньшинство. Кроме того, менее 10 % респондентов посещают богослужение хотя бы раз в месяц, что не позволяет говорить о сложившейся социальной связи остальных с какой-либо местной религиозной общиной. Большая часть респондентов посещает храм или молитвенное собрание несколько раз в год.

В связи с этим в опросе была предпринята попытка определить, кого сами верующие могут отнести к числу последователей собственной религии. Как выяснилось, в сознании верующих преобладают критерии, основанные на самоидентификации (варианты ответов

«Всех, кто сам себя считает последователем этой религии и верит в Бога, который отвечает на молитвы, независимо от участия в религиозных обрядах» -23,4 % и «Всех, кто сам себя считает последователем этой религии» – 15.3 % респондентов или самоидентификации с определенной религией при условии соблюдения отдельных, наиболее важных (по индивидуальному выбору) религиозных обрядов – 31,7 %). Лишь треть опрошенных верующих настаивала на соблюдении всех религиозных предписаний под руководством священнослужителя (25,1 %) или регулярном посещении богослужения (10,9 %).

Анализ распределения ответов на вопрос об отношении к различным религиям в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов свидетельствует о высоком уровне межконфессиональной толерантности в республике. Положительное отношение к православию демонстрируют не только 97,6 % православных (в том числе 50,2 % относятся к нему «очень хорошо» и 47,4 % – «хорошо»), но и 68,3 % мусульман, а также 47,7 % неверующих.

Анализ распределения ответов на вопрос об отношении к различным религиям в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов свидетельствует о высоком уровне межконфессиональной толерантности в республике. Большая часть респондентов «хорошо» или «очень хорошо» относится к представителям собственной конфессии, в то время как по отношению к остальным преобладает безразличное (у части респондентов) или позитивное отношение. Наименее толерантное («плохое» и «очень плохое») отношение опрошенные демонстрировали к «Свидетелям Иеговы» (27,0 % респондентов, включая 27,6 % православных, 27,2 % мусульман и 15,9 % неверующих). 10-15 % респондентов также демонстрировали «плохое» или «очень плохое» отношение к другим неправославным и немусульманским конфессиям: протестантам (16,1 %, в том числе

17,0 % православных, 6,8 % мусульман и 15,9 % неверующих), кришнаитам (15,5 %, в том числе 15,8 % православных, 15,9 % мусульман, 6,8 % неверующих) и иудеям (12,1 %, в том числе 12,6 % православных, 11,4 % мусульман и 9.1 % неверующих). Тем не менее доля опрошенных верующих, которые относятся к этим конфессиям плохо или очень плохо, составляет менее 30 % и. следовательно, межконфессиональные предубеждения не являются в Мордовии распространенным явлением, а взаимоотношения между конфессиями остаются стабильно толерантными, как и в предыдущие годы.

Социальные установки респондентов в отношении роли и функций религии в обществе в целом характеризуются некоторой размытостью: очевидно, жители республики обычно не задумываются над соответствующими проблемами. Большая часть респондентов в Мордовии на вопрос: «Должны ли, по Вашему мнению, Русская православная церковь и другие традиционные религии оказывать влияние на принятие государственных, политических решений?» больше половины респондентов ответили «да» (26,7 %) или «скорее, да» (25,6 %), при этом количество ответивших «нет» (18,1 %) или «скорее, нет» (25.0 %) оказалось ненамного меньше.

В ответ на вопрос: «На Ваш взгляд, допустима ли в нашей стране публич-

ная критика деятельности и образа жизни священнослужителей и религиозных лидеров?» 35,7 % репондентов ответили «Допустима, если она не содержит клеветы и призывов к насилию», столько же (35.8 %) считали, что такая критика оскорбляет чувства верующих и потому недопустима, а 24,9 % сочли такую критику допустимой в любой форме. Ответ на вопрос о том, насколько большое влияние на общественную жизнь оказывают в стране религиозные организации, также находится в рамках ценностей светского государства: 45,8 % респондентов утверждали, что они оказывают столько влияния, сколько необходимо, а треть считала это влияние слишком большим (16,9 %) или «немного больше, чем необходимо» (16,3 %).

Таким образом, результаты исследования демонстрируют условность конфессиональной дифференциации в современном российском обществе, преимущественно символическое значение религиозной идентичности, следовательно, основной акцент в области управления этнокультурными различиями должен, с нашей точки зрения, делаться не на поддержание групповых границ, а на обеспечение гарантий равных прав на пользование культурными и социальными благами независимо от происхождения, места проживания или конфессиональной самоидентификации граждан России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Безнюк**, Д. К. Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси / Д. К. Безнюк // Социологические исследования. 2006. №2. С. 128–135.
- 2. Зоркая, Н. Православие в безрелигиозном обществе / Н. Зоркая // Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии. −2009. –№ 2(100). С. 65–84.
- 3. **Фурман**, Д. Е. Религиозность в России в 90-е гг. XX начале XXI века: докл. Ин-та Европы РАН / Д. Е. Фурман, К. Каариайнен. Москва: Огни ТД, 2006. 92 с.

Поступила 05.02.2014 г.

Об авторе:

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bogatovaoa@yandex.ru

Для цитирования: Богатова, О. А. Секулярная религиозность в России : самоидентификация и социальные установки верующих (На примере Республики Мордовия) / О. А. Богатова // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. - C. 153-158.

REFERENCES

- 1. Bezniuk D. K. Sostoyaniye i spetsifika sovremennoy religioznoy situatsii v Belarusi [The state and specifics of current religious situation in Belarus]. *Sociologicheskiye issledovaniya* Sociological studies. 2006, no. 2, pp. 128 135.
- 2. Zorkaya N. Pravoslaviye v bezreligioznom obshchestve [The Orthodoxy of the Society without Religion]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye, Analiz, Diskussii* The Russian Public Opinion Herald: Data, Analysis, Discussions. 2009, no. 2 (100), pp. 65 84.
- 3. Furman D. E., Kaariainen K. Religioznost v Rossii v 90-e gg. XX nachale XXI veka. Doklady Instituta Evropy RAN [The religiosity in Russia in the 90-s of the 20th the beginning of the 21st century. Reports of the Institute of Europe]. Moscow, 2006.

About the author:

Bogatova Ol'ga Anatol'evna, professor of Sociology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Sociological sciences, bogatovaoa@yandex.ru

For citation: Bogatova O. A. Sekuljarnaja religioznost' v Rossii: samoidentifikacija i social'nye ustanovki verujushhih (na primere Respubliki Mordovija) [Secular religiosity in Russia: self-identity and social attitudes of believers (the case of the Republic of Mordovia)]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 153 – 158.

КОНСТАНТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В. В. Козин

В статье осуществлена попытка анализа составляющих констант регионального развития; представлено содержание констант и их место в структуре регионального общественного развития.

Ключевые слова: константа, региональное развитие, качество жизни, демография, инновационная привлекательность, взаимодействие, оптимизм, безопасность, этническая и этноконфессиональная солидарность, региональная информационная емкость.

CONSTANTS OF REGIONAL DEVELOPMENT

V. V. Kozin

The article attempts to analyze the regional development constituent constants, describes the contents of the constants and their place in the structure of the regional social development.

Keywords: constant, regional development, life quality, demography, innovative attractiveness, interaction, optimism, safety, ethnic and ethno-confessional solidarity, regional data capacity.

Константный подход широко представлен во многих областях знания и является одним из инновационных элементов стиля мышления. Константы (лат. - постоянный, постоянные величины) в антропологии – неизменные условия жизни, в социологии - ее качество. В культурологии под константами понимаются основополагающие составляющие духовной культуры. В медицине широко используются гомеостатические константы. Константность в геоботанике понимается как степень постоянства растительных сообществ и основа устойчивости биогеоценозов, в логике как логические символы (конъюнкции, импликации, дизъюнкции, кванторы и др.). К логическим константам относятся абсолютно истинные, а также абсолютно ложные высказывания.

Социальные константы введены в научный оборот по роду и подобию физических констант. Физические константы, относящиеся к фундаментальным физическим законам или являющиеся характеристиками частиц и процес-

сов микромира, названы фундаментальными, универсальными, или мировыми, физическими социальными константами (ФСК). В социальных науках константный подход служит базой всесторонней концептуализации групповой и связан с «выделением стихии обмена деятельностью неких универсалий, конденсирующих инвариантов, совершенного достижительного существования, с которыми как с объективными параметрами координируется налаживание продуктивного опыта» [3, с. 7]. На основе констант осуществляется коррекция общественной деятельности.

ФСК связаны с ответственностью за фиксированность общественных структур в цивилизованной системе отношений. Параметрами социальности являются тип производства, стандарты общественного (экзистенциального) устроительства, способы поддержания жизни (инициирующий, дисциплинарный), производство (контингенты, стимулы), казарма (гарантия свободы), жизнесфера (отчужденность, самореализованность). В со-

циологии «многообразие типов социумов с атрибутивными им ФСК дано опытноисторически: на ограниченных геопланетарных просторах воплощается ансамбль способов воспроизводства жизни со всеми мыслимыми и немыслимыми комбинациями начальных условий и ФСК» [3, с. 49].

В ряду социальных констант правомерно выделение констант социальной организации, социального и регионального развития. Особое место в организации среды жизнедеятельности социальных групп и индивидов занимает регион. Регион – это основная территориальная структура жизненного пространства социума, обладающая целостностью политической, культурной и экономической жизни, а также масштабной соразмерностью в системе других административно-государственных образований. Его конфигурация определяется как статикой исторически сложившегося пейзажа, отразившегося в системе административно-территориального деления страны, так и динамикой сочетания внутренних и внешних связей, баланс которых влияет на жизнеспособность и устойчивость региона в существующих границах.

В ряду констант регионального развития выделим следующие индикаторы: качество жизни населения региона, социально-демографическая и инвестиционная привлекательность региона, инновационная константа развития (инфраструктура производства, образования, науки и т. д.), константа социального взаимодействия, константы социального оптимизма и региональной безопасности, этническая и конфессиональная солидарность (консолидация), региональная информационная емкость и открытость.

Качество жизни характеризуется степенью удовлетворения потребностей человека, определяемой по отношению к соответствующим нормам, обычаям и традициям, а также к уровню личных притязаний людей. Качество любого объекта или процесса можно определить только по отношению к некото-

рому эталону, определяемому нормами и стандартами конкретного региона. Существуют общие нормы и стандарты, но неравномерность социально-экономического развития регионов не позволяет везде обеспечить достойные условия человеческого существования. В качестве индикаторов качества жизни используют: обеспеченность материальными благами, безопасность, доступность медицинской помощи, возможность получения образования и развития способностей, состояние природной среды, социальные отношения.

Социально-демографическая константа регионального развития характеризует половозрастную структуру территории. Этот показатель является одним из основных при характеристике региона, имеет количественные и качественные характеристики, необходимые для анализа и оценки социально-демографических процессов, выработки стратегии размещения производительных сил и управления трудовыми ресурсами. Большое значение в структуре социально-демографической константы принадлежит понятию «воспроизводство населения» (расширенное, простое, суженное). Оно имеет не только демографический, но и экономический и социальный аспекты. От типа восформирование производства зависят трудовых ресурсов, освоение территорий, состояние производительных сил, развитие соответствующей социальной инфраструктуры и т. д.

Достижение инвестиционной привлекательности региона является одной из основных задач при создании необходимых условий для интенсификации экономического роста и социального развития. Инвестиционная привлекательность — определяющее условие активной инвестиционной деятельности и эффективного комплексного социальноэкономического развития на государственном и региональном уровнях. Решение этой задачи возможно посредством привлечения инвестиций в реальный сектор экономики, а объем и темп ро-

ста инвестиций в основной капитал являются индикаторами инвестиционной привлекательности региона [4].

Инновационная константа предполагает развитие инфраструктуры инновационного производства, образования, науки и т. д. Приоритетными инновациями, например в Мордовии, являются силовая электроника, энергосбережение, современные материалы, энергоэффективная светотехника, био- и нанотехнологии, информационные технологии. По мнению главы республики, в Мордовии есть объективные предпосылки и соответствующая база. Это, прежде всего, главный инновационный проект - Технопарк в сфере высоких технологий [6, с. 8]. Республике также предстоит реализовать ряд крупных проектов по созданию производств на самой современной технологической базе во всех основных отраслях экономики.

Важнейшей составляющей государственной социальной политики является качественное образование (дошкольное, школьное, среднее специальное, высшее и послевузовское). Улучшить его может увеличение числа участников региональных, всероссийских и международных олимпиад, а также количество завоеванных на них призовых мест. Качество образования связано с развитием науки. Например, в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете ведется работа по двум приоритетным направлениям развития (ПНР): ПНР-1 – «Энергосбережение и новые материалы» и ПНР-2 – «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения».

Константа социального взаимодействия реализуется в условиях сформировавшегося или строящегося гражданского общества. Последнее является формой негосударственного, неполитического общественного взаимодействия, включающей экономические, социальные, национальные и частные аспекты жизни людей, их обычаи, традиции и нравы, развивающейся по принципу саморегуляции на базе участия каждо-

го гражданина в обладании и использовании собственности [7]. Социальное взаимодействие представляет собой систему функционально связанных социальных действий, при которых действие одного субъекта является причиной и следствием ответных действий других субъектов. В этом контексте нельзя не отметить процедуру социального партнерства как механизм согласования интересов различных субъектов социального действия. При этом необходимо иметь в виду, что абсолютной константой социального взаимодействия является человек.

Анализ содержания констант социального оптимизма и региональной безопасности выявляет между ними тесную взаимосвязь. Рост оптимистических настроений прямо пропорционален усилению безопасности. Оптимизм как вера в лучшее будущее присущ большинству россиян.

Период «демократической вольности», разрушения социально-экономических связей, роста преступности, угрозы территориальной целостности страны, взаимных территориальных претензий, личной безопасности граждан постепенно уступил место политической и социально-экономической стабилизиции, что не замедлило сказаться на социальных ожиданиях населения. Это подтверждают результаты социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии», проводившегося НИИ регионологии при Мордовском государственном университете с 1994 г. по 2008 г. На каждом полевом этапе исследования во всех муниципальных районах Мордовии быдо опрошено более 2 тыс. чел. Подводя итог каждому этапу исследования, респондентам предлагалось выбрать один из вариантов ответов, который в обобщенном виде отражал бы их ожидания. Ответ «Я сохраняю оптимизм и считаю, что ситуация во всех сферах жизни в скором времени изменится к лучшему» в 1994 г. выбрали 18,7 % респондентов, в 1995 г. – 13,2, в 1999 г. – 17,9 , в 2004 г. – 22,6, в 2007 г. –

27,5 %. Мнение респондентов, считавших, что «в ближайшее время жизнь лучше не станет, но в перспективе изменится к лучшему», разделили соответственно 40,3, 40,0, 46,0, 42,8 и 38,8 % [8–12]. Суммарный процент оптимистических и полуоптимистических настроений превысил пессимистические, как то: «Я думаю, впереди нас ждут еще более тяжкие времена и "просвета" пока не видно», «Ничего не изменится в обозримом будущем». Эти данные коррелируют с результатами последующих исследований. Так, на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, изменился уровень преступности по месту Вашего проживания за последние 2 – 3 года?» в 2002 г. ответили: «заметно снизился» -4.2 %, в 2008 г. -12.4 %; «незначительно снизился» - соответственно 10,7 и 26,1 %; «остался без изменений» - 33,9 и 33,3 % «незначительно увеличился» – 15,6 и 6,1 %; «заметно увеличился» - 19,3 и 3,4 %; затруднились ответить – 16,2 и 18,7 %. Таким, образом, респонденты-оптимисты чаще, чем респонденты-пессимисты, выбирали ответ «заметно снизился», также оптимисты реже выбирали ответ «остался без изменений» [13, с. 211–212].

Этническая и конфессиональная со-(консолидация) лидарность актуальна для всех регионов России, так как они являются многонациональными и многоконфессиональными. Этническая конфессиональная ситуация в России динамична и отнюдь не устойчива. На динамику межэтнических и межконфессиональных отношений влияют внутренние и внешние факторы, обусловливающие «необходимость мониторинга этнических и религиозных проблем для ранней диагностики и предотвращения напряженности и конфликтов» [2]. Солидарность (консолидация) в данном случае понимается не как ассимиляция и унификация, а как признание своей этнической группы и единоверцев частью локального (этнос, конфессия) и глобального (регион, государство, мир) целого.

Проявления этничности и развития межнациональных отношений в XX в. часто включали в себя этнокультурный и этнополитический аспекты. Это два различных, НО взаимодополняющих процесса развития этноса. Их различие состоит в том, что этнокультурный процесс отражает не только содержание культурных ценностей, но и структуру их организации, своеобразие ценностных приоритетов народа, определяя тем самым своеобразие освоения цивилизационных начал общественного бытия. Этнополитический процесс реализуется в политической сфере (самоопределение нации, государственное устройство и т. д.). Следует отметить, что не всегда возможно один процесс отделить от другого. Например, помимо большого культурного значения придания национальному языку статуса государственного, это событие имеет огромное политическое значение. Этничность и религия всегда самым тесным образом были связаны с политикой, ее институтами, часто диктуя им свои условия. В современных обществах доминантой взаимоотношений между религиозными и политическими субъектами выступает секуляризация (обособление государственных и конфессиональных институтов). Однако и в этих условиях религия продолжает выполнять ряд политических функций [1].

Региональная информационная емкость и открытость представляют собой разнообразную информацию о регионе. Большое значение имеет информационная открытость исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления, что предполагает соответствующие исследования в этой области [5].

Представленный перечень социальных констант регионального развития далеко не полон, его можно существенно расширить. Однако он, на наш взгляд, дает наглядное представление о константном подходе в системе социального знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Азисова, Н. Н.** Проблемы гармонизации взаимодействия этнокультурной политики, религиозности и светских культурных ценностей в современном эрзянском обрядовом празднике / Н. Н. Азисова, О. А. Богатова // Регионология. 2012. № 4. С. 126—138.
- 2. **Богатова О. А.** Мониторинг межэтнических отношений в регионе / О. А. Богатова, А. И. Карьгин // Регионология. -2011. -№ 4. C. 266-267.
- 3. **Ильин, В. В.** Макросоциология : учебник / В. В. Ильин, Б. Ф. Кевбрин, В. А. Писачкин. Саранск : Крас. Окт., 2004. С. 7.
- 4. Инвестиционная привлекательность регионов [Электронный ресурс]. URL: http://www.finekon.ru/inv%priv1%20regionov.php (дата обращения: 06.04.2013).
- 5. Мониторинг и рейтингование исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Мордовия по критерию открытости: доклад ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга». Саранск, 2012. 85 с.
 - 6. Послание Главы Республики Мордовия В. Д. Волкова Государственному Собранию. 25 янв. 2013.
- 7. Применение социологических технологий в изучении структуры гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: http://www.naukom.ru/articles/427/ (дата обращения: 07. 12. 2012).
- 8. Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии : Итоги анкетного опроса / НИИ регионологии. Саранск. 1994.
- 9. Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии: Итоги анкетного опроса в 1995 г. / НИИ регионологии. Саранск, 1996. Вып. 2.
- 10. Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии : Итоги анкетного опроса в 1999 г. / НИИ регионологии. Саранск, 2000. Вып. 3.
- 11. Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии : Итоги анкетного опроса / НИИ регионологии. Саранск, 2004. Вып. 4.
- 12. Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии : Итоги анкетного опроса в 2005 г. / НИИ регионологии.— Саранск, 2006. Вып. 5.
- 13. **Юдина, Т. М.** Динамика оценки уровня преступности населением Республики Мордовия : Факторы и механизмы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия / Т. М. Юдина ; науч. ред. А. И. Сухарев. Саранск, 2009. С. 211–212.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Козин Владимир Васильевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), depart-soc-scien@isi.mrsu.ru

Для цитирования: Козин, В. В. Константы регионального развития / В. В. Козин // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. - С. 159–164.

REFERENCES

- 1. Azisova N. N., Bogatova O. A. Problemy garmonizatsii vzaimodeystviya etnokulturnoy politiki, religioznosti i svetskikh kulturnykh tsennostey v sovremennom erzyanskom obryadovom prazdnike [Issues of harmonization of interaction of ethnocultural politics, religiousness and secular cultural values]. *Regionologiya* Regionology. 2012, no. 4, pp. 126 138.
- 2. Bogatova O. A., Kar'gin A. I. Monitoring mezhetnicheskikh otnosheny v regione [Monitoring of interethnic relations in the region]. *Regionologyja* Regionology. 2011, no. 4, pp. 266 267.
- 3. Ilyin V. V., Kevbrin B. F., Pisachkin V. A. Makrosotsiologiya: uchebnik [Macrosociology: manual]. Saransk, Krasny Oktjabr Publ., 2004, p. 7, p. 49.
- 4. Investitsionnaya privlekatelnost regionov [Investment attractiveness of regions]. Available at: http://www.finekon.ru/inv%priv1%20regionov.php

- 5. Monitoring i reytingovaniye ispolnitelnykh organov gosudarstvennoy vlasti i organov mestnogo samoupravleniya Respubliki Mordoviya po kriteriyu otkrytosti. Doklad GKU RM «Nauchny centr socialno-ekonomicheskogo monitoringa» [Monitoring and rating of local executive branch organs of Republic of Mordovia by criterion of transparency. Report of State Public Institution of Republic of Mordovia "Scientific Center of Social and Economic Monitoring"]. Saransk, 2012, 85 p.
- 6. Poslaniye Glavy Respubliki Mordoviya V. D. Volkova Gosudarstvennomu Sobraniyu [Letter of the Head of Republic of Mordovia V. D. Volkov to State Assembly], January 25, 2013, p. 8.
- 7. Primeneniye sotsiologicheskikh tehnology v izuchenii struktury grazhdanskogo obshchestva [The use of sociological technologies for studying the civil society structure]. Available at: http://www.naukom.ru/articles/427/
- 8. Rezervy garmonizatsii sotsialnykh otnosheny v Mordovii: Itogi anketnogo oprosa. NII regionologii [Reserves for harmonization of social relations in Mordovia: results of questionnaire survey. Research Institute of Regionology]. Saransk, 1994, p. 91.
- 9. Rezervy garmonizatsii sotsialnykh otnosheny v Mordovii: Vyp. II. Itogi anketnogo oprosa v 1995 g. NII regionologii [Reserves of harmonization of social relations in Mordovia: results of questionnaire survey. Issue 2, 1995. Research Institute of Regionology]. Saransk, 1996, p. 83.
- 10. Rezervy garmonizatsii sotsialnykh otnosheny v Mordovii: Vyp. III. Itogi anket. oprosa v 1999 g. NII regionologii [Reserves for harmonization of social relations in Mordovia: results of questionnaire survey. Issue 3, 1998. Research Institute of Regionology]. Saransk, 2000, p. 223.
- 11. Rezervy garmoniztscii sotsialnykh otnosheny v Mordovii: Vyp. IV. NII regionologii [Reserves of harmonization of social relations in Mordovia: results of questionnaire survey. Issue 4. Research Institute of Regionology]. Saransk, 2004, p. 181.
- 12. Rezervy garmonizatsii sotsialnykh otnosheny v Mordovii: Vyp. V. Itogi anketnogo oprosa v 2005 g. NII regionologii [Reserves for harmonization of social relations in Mordovia: results of questionnaire survey. Issue 5, 2005. Research Institute of Regionology]. Saransk, 2006, p. 179.
- 13. Yudina T. M. Dinamika otsenki urovnya prestupnosti naseleniyem Respubliki Mordoviya. Faktory i mekhanizmy garmonizatsii sotsialnykh otnosheny v Respublike Mordoviya [Dynamics of evaluation of a crime level by the population of Republic of Mordovia. Factors and mechanisms of harmonization of social relations in Republic of Mordovia]. Ed. by A. I. Suharev. Saransk, Nauch. centr soc.-ekon. Monitoringa Respubliki Mordovija. 2009, pp. 211 212.

About the author:

Kozin Vladimir Vasil'evich, associate professor of of Sociology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Sociological sciences, depart-soc-scien@isi.mrsu.ru

For citation: Kozin V. V. Konstanty regionalnogo razvitija [Constants of regional development]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 159–164.

ОЦЕНКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ (по материалам Республики Мордовия)

Д. С. Блинов, Н. Н. Чернова, О. П. Балыкова, С. А. Ляпина, О. В. Коблова

В статье рассматриваются вопросы питания как одного из основных факторов, определяющих здоровье человека; исследуется продуктовый рынок Республики Мордовия на наличие генетически модифицированных организмов, незадекларированных в ингредиентном составе.

Ключевые слова: питание, здоровье человека, пищевая продукция, ГМО, генетически модифицированные продукты, распространенность генетически модифицированных продуктов.

EVALUATION OF PREVALENCY OF GENETICALLY MODIFIED FOODS IN EVERYDAY LIFE (case study of the Republic of Mordovia)

D. S. Blinov, N. N. Chernova, O. P. Balykova, S. A. Ljapina, O. V. Koblova

The article considers the issues of human nutrition, which is one of the main determinants of health. Health directly depends on the quality of products. The purpose of the research is to study the food market of the Republic of Mordovia for the presence of genetically modified organisms (GMOs) undeclared in ingredient composition. The findings state that the products presented on the food market of the Republic of Mordovia conform to ingredient compositions indicated on packages.

Keywords: nutrition, human health, food production, genetically modified foods, the prevalence of genetically modified foods.

Глобальная продовольственная проблема на нашей планете не теряет своей актуальности по настоящее время. Ее суть заключается в несоответствии растущего спроса населения на продукты питания и возможностей сельскохозяйственного производства, ограниченного имеющимися земельными и водными ресурсами, а также уровнем развития самой отрасли [2]. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), на планете систематически голодают около 500 млн чел., около

1 млрд чел. испытывают явный недостаток пищи, ежегодно от голода умирают в среднем около 10 млн чел. [4].

Возможными путями решения продовольственной проблемы на данный момент являются: расширение пахотных, пастбищных и рыбопромысловых угодий; повышение пищевой ценности продуктов за счет широкого внедрения урожайных сортов растений с высоким содержанием белка, витаминов, выведение новых пород сельскохозяйственных животных; поиск новых эффективных способов увеличения пищевых ресурсов нашей планеты путем использования нетрадиционных видов сырья.

Одним из способов интенсификации является использование генетически-модифицированных растений. Генетическая модификация может дать растению и пищевому продукту, который производится из нее, ряд признаков. Большинство культивируемых генномодифицированных организмов (ГМО) обладает устойчивостью к возбудителям болезней (вирусы, грибы), насекомым-вредителям или к гербицидам. Это значительно облегчает культивирование, а также снижает затраты на обработку ядохимикатами.

Генетически-модифицированные растения коммерчески начали выращивать с 1994 г. и ежегодно ими засаживают все большие площади [5]. Так, 60 % всей сои, производимой в мире, 15 % картофеля и 7 % кукурузы являются генетически модифицированными. Эти продукты поступают и на российский рынок продовольствия.

По причине того, что питание относится к элементам повседневного поведения, формирующего здоровье человека [1], целью нашей работы выступает изучение продуктового рынка Республики Мордовия на наличие ГМО, незадекларированных в ингредиентном составе.

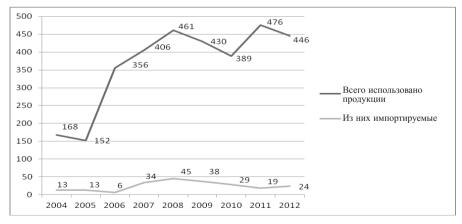
Ни для кого не секрет, что трансгенные и генно-модифицированные продук-

ты в современном мире очень распространены. Однако, несмотря на огромный потенциал генной инженерии и ее реальные достижения, использование генномодифицированных продуктов питания воспринимается в мире неоднозначно.

Каждый посетитель супермаркета заметил, что с недавних пор на многих продуктах питания появились отметки «Без ГМО». Тем самым производители убеждают нас, потребителей, что их товар не содержит трансгенных компонентов. В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 ФЗ «О защите прав потребителей» и Едиными санитарно-эпидемиологическими и гигиеническими требованиями к товарам, подлежащим санитарно-эпидемиологическому надзору (контролю), на потребительской упаковке должна содержаться информация о наличии в продуктах компонентов, полученных с использованием ГМО, если их содержание превышает 0,9 %.

С 2003 г. на территории Республики Мордовия организован пострегистрационный мониторинг за пищевыми продуктами, полученными из ГМО или их содержащими. Контроль за наличием ГМО проводился методом идентификации трансгенной ДНК в пищевых продуктах с использованием метода полимеразной цепной реакции (ПЦР) [6].

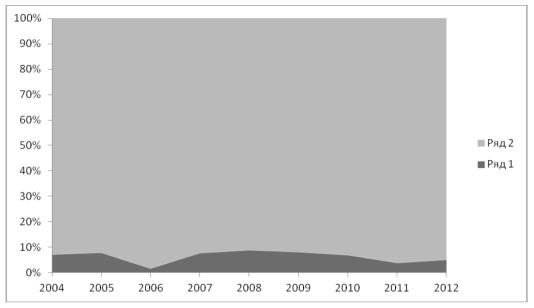
Объем исследований с 2003 г. увеличился в более чем 2 раза к 2012 г. (рис. 1).

Р и с. 1. Динамика числа исследований пищевых продуктов на содержание ГМО

Однако доля исследований импортируемых продуктов ежегодно не превыша-

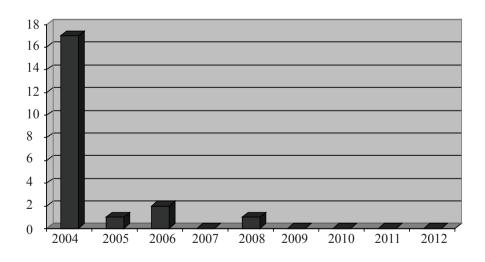
ет 10,0 % (максимально в 2008 г. – 9,8 %, минимально в 2006 г. – 1,7 %) (рис. 2).

Р и с. 2. Доля импортируемых пищевых продуктов от общего числа исследованных

В ходе исследования в некоторых продуктах питания отечественного производства было выявлено наличие ГМО без указания их в ингредиентном

составе. Так, в 2004 г. ГМО было обнаружено в 17 образцах, в 2005 г. – в 1, в 2006 г. – в 2 и в 2008 г. – в 1 образце (рис. 3).

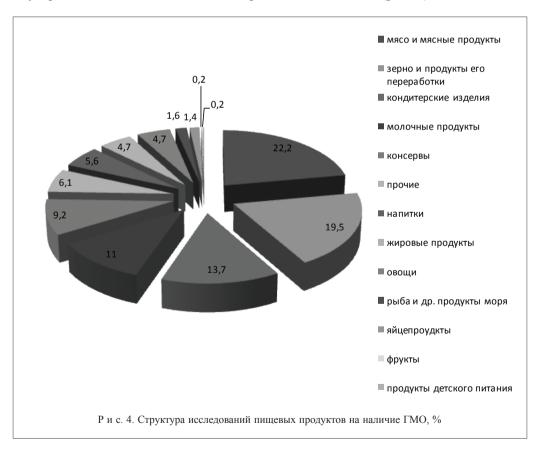
Р и с. 3. Число незадекларированных ГМО в исследованных продуктах

В течение 2012 г. было исследовано 446 образцов пищевой продукции, в том числе 24 импортной, наличие компонентов ГМО в количестве, превышающем 0,9 %, не выявлено [3].

В соответствии с рекомендациями ЕВРОКОД-2 продукты питания подразделяются на следующие: молочные продукты; яйцепродукты; мясо и мясные продукты; рыба; нерыбные объекты промысла и продукты из них; жировые продукты; зерновые и продукты его переработки; бобовые, орехи; овощи, грибы и продукты их переработки; фрукты, ягоды и продукты их переработки; кондитерские изделия; напитки; вспомогательные пищевые продукты и улучшители вкуса.

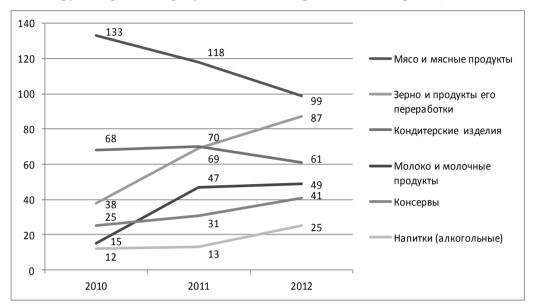
Анализ данных, представленный в государственном докладе «О санитар-

но-эпидемиологической обстановке в Республике Мордовия в 2012 году» [3], свидетельствует о том, что в структуре исследованных пищевых продуктов наибольший удельный вес принадлежит исследованиям мяса и мясопродуктов -22,2 %, зерна и продуктам его переработки – 19,5 %, кондитерских изделий – 13,7 %, молока и молочных продуктов – 11,0 %, консервов – 9,2 %, «прочих пищевых продуктов и продовольственного сырья» (комплексные пищевые добавки, изоляты, концентраты соевого белка, мука соевая, смеси пищевые многофункциональные и др.) - 6,1 %, алкогольных напитков и пива – 5,6 %. По результатам исследования, именно в данных группах продуктов наиболее часто присутствуют компоненты, полученные из ГМО (рис. 4).

За последние 3 года прослеживается тенденция к увеличению объемов исследований образцов пищевой продукции из групп зерновых продуктов, мо-

лока и молочных продуктов, консервов, напитков и к снижению объемов исследований мяса и мясных продуктов, кондитерских изделий (рис. 5).

Р и с. 5. Исследования образцов пищевой продукции из некоторых групп продуктов

Широкое внедрение ГМО в пищу настоятельно требует решения проблем, связанных с возможностью появления отрицательных эффектов, а именно:

- изменение пищевой ценности новых видов продовольствия и технологических параметров;
- появление у людей и животных, потребляющих эти источники пищи, аллергических и токсических свойств, мутагенных и непредвиденных отдаленных последствий

Первопричиной этих негативных изменений является рекомбинантная ДНК, дающая возможность на ее основе образовывать новые, несвойственные данному виду растениеводческой продукции, белки, которые могут самостоятельно проявлять или индуцировать аллергенные и токсичные свойства.

По имеющимся научным данным, большинство новых создаваемых генно-модифицированных продуктов не

обладает этими свойствами. Тем не менее в России в соответствии с Федеральным законом от 5 июля 1996 г. № 68-93-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» обязательно информирование потребителя о методах получения и свойствах продукта из ГМО на потребительской упаковке (этикетке). Однако на практике, к сожалению, это положение закона выполняется далеко не всегда.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что продукты, представленные на продовольственном рынке Республики Мордовия, соответствуют ингредиентному составу, указанному на упаковке.

В связи с тем, что на продуктовом рынке республики импортные продукты представлены широко, возникает необходимость в увеличении доли их исследования на наличие ГМО.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Исследование культуры питания студентов вузов одного из факторов формирования здоровья / О. П. Балыкова [и др.] // Интеграция образования. 2012. №2 (67). С. 56–59.
- 2. Всероссийская общественная организация Русское географическое общество [Электронный ресурс]. URL: http://www.rgo.ru/2010/09/prodovolstvennaya-problema/ (дата обращения: 01.09.2013).
- 3. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Республике Мордовия в 2012 году : государственный доклад. Саранск, 2013. 146 с.
- 4. The role of food systems in nutrition / The State of Food and Agriculture: Food systems for better nutrition / Food and Agriculture Organization of the United Nations. Roma, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fao.org/publications/sofa/ru/ (дата обращения: 05. 09. 2013).
 - 5. Institute of Science in Society [Электронный ресурс]. URL: http://www.isaaa.org (дата обращения: 05. 09. 2013).
- 6. О надзоре за оборотом пищевых продуктов, содержащих генетически модифицированные аналоги / Управление федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по республике Мордовия [Электронный ресурс]. URL: http://13.rospotrebnadzor.ru/244/-/asset publisher/ub1X/content/ (дата обращения: 01. 09. 2013).

Поступила 04.10.2014 г.

Об авторах:

Блинов Дмитрий Сергеевич, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Медицинского института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), health@medic.mrsu.ru

Чернова Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Медицинского института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), chernovanatascha@yandex.ru

Балыкова Оксана Павловна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Медицинского института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), balykovaop@mail.ru

Ляпина Светлана Анатольевна, кандидат биологических наук, доцент кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и фармации с курсом гигиены Медицинского института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), Lyapina13sveta@yandex.ru

Коблова Ольга Викторовна, студентка Медицинского института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), koblovaolya@rambler.ru

Для цитирования: Оценка распространенности использования генетически модифицированных продуктов питания в повседневной жизни людей (по материалам Республики Мордовия) / Д. С. Блинов [и др.] // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 165–171.

REFERENCES

- 1. Balykova O. P. Issledovaniye kultury pitaniya studentov VUZov odnogo iz faktorov formirovaniya zdorovya [Study of nutrition culture of higher school students as a factor for the formation of health]. *Integratsiya obrazovaniya* Integration of Education. 2012, no. 2, pp. 56 59.
- Vserossiyskaya obcschestvennaya organizatsiya Russkoye geograficheskoye obcschestvo [Russian public organization Russian Geographic Society]. Available at: http://www.rgo.ru/2010/09/prodovolstvennaya-problema/
- 3. Gosudarstvenny doklad "O sanitarno-epidemiologicheskoy obstanovke v Mordovii v 2012 godu" [State Report "On the sanitary and epidemiological situation in the Republic of Mordovia in 2012"]. Saransk, 2013, 146 p.
- 4. The role of food systems in nutrition. The State of Food and Agriculture: Food systems for better nutrition. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Roma, 2013. Available at: http://www.fao.org/publications/sofa/ru/

- 5. Institute of Science in Society. Available at: http://www.isaaa.org
- 6. O nadzore za oborotom picshevyh produktov, soderzashchikh geneticheski modificirovannye analogi [On the supervision of circulation of food containing transgenic analogs]. Upravlenie federal'noj sluzby po nadzoru zacshity prav potrebitelej I blagopoluchija cheloveka po respublike Mordovija [Directorate of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Protection of Consumers and Human Welfare of Republic of Mordovia]. Available at: http://13.rospotrebnadzor.ru/244/-/asset_publisher/ub1X/content

About the authors:

Blinov Dmitrij Sergeevich, head of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with a course of Hygiene chair of Institute of Medicine, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Medical sciences, health@medic.mrsu.ru

Chernova Natal'ja Nikolaevna, Associate Professor of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with a course of Hygiene chair of Institute of Medicine, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Pedagogical sciences, chernovanatascha@yandex.ru

Balykova Oksana Pavlovna, Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Medical Sciences, Associate Professor of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with a course of Hygiene chair of Institute of Medicine, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), balykovaop@mail.ru

Ljapina Svetlana Anatol'evna, Associate Professor of Public Health, Organization of Health Service and Pharmacy with a course of Hygiene chair of Institute of Medicine, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Biological sciences, docent, Lyapina13sveta@yandex.ru

Koblova Ol'ga Viktorovna, student of Institute of Medicine, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), koblovaolya@rambler.ru

For citation: Blinov D. S., Chernova N. N., Balykova O. P., Ljapina S. A., Koblova O. V. Ocenka rasprostranennosti ispol'zovanija geneticheski modificirovannyh produktov pitanija v povsednevnoj zhizni ljudej (po materialam Respubliki Mordovija) [Evaluation of prevalency of genetically modified foods in everyday life (on a basis of data from the Republic of Mordovia)]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 165 – 171.

ВЛИЯНИЕ ЛИДЕРА НА УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Е. Ю. Каштанова, А. И. Гулягина

В статье раскрывается роль лидера в молодежных организациях и его влияние на управленческие процессы; анализируются модели поведения лидера в организации, рассматривается региональная специфика молодежного лидерства в Республике Мордовия; раскрываются принципы деятельности региональных молодежных объединений и их влияние на общественно-политическую ситуацию в регионе.

Ключевые слова: лидерство, молодежные организации, управленческие процессы, модели управления, молодежные объединения, региональная специфика, влияние на общество.

INFLUENCE OF A LEADER ON ADMINISTRATIVE PROCESSES IN YOUTH ORGANIZATIONS

E. Yu. Kashtanova., A. I. Guljagina

The paper considers the role of a leader in youth organizations and his influence on administrative processes. The analysis of the behavior models of the organization leader and regional specifics of youth leadership in the Republic of Mordovia is conducted. The article also examines the functioning of regional youth associations and organizations, their principles of activity and influence on a political situation in the region.

Keywords: leadership, youth organizations, administrative processes, models of management, youth associations, regional specifics, influence on society.

В настоящее время в российском обществе на фоне развития и функционирования новых социально-политических движений важную роль играет изучение феномена лидерства как неформального механизма влияния на коллективные межличностные отношения.

В социологической литературе понятие «лидерство» определяется как «ведущее положение отдельной личности, социальной группы, класса, партии, государства, обусловленное более эффективными результатами деятельности» [3]. Это понятие чаще всего связано с такими видами деятельности, как управление, власть и руководство. В данном случае его стоит рассматривать как способность влиять на окружение, т. е. на ту группу, членом которой он является. В таком случае лидеру совсем не обязательно выступать в качестве руководителя организации. Лидерство отличается от руководства, предполагающего достаточно жесткую и формализованную систему отношений господство — подчинение. Лидер — это образец поведения в обществе, его возникновение происходит стихийно, тогда как руководителю необходимы специфичные подготовительные этапы.

В изучении лидерства в России прослеживается следующая тенденция: в 1970-е гг. исследовались лидерские процессы в малых группах и коллективах; в 1980-е гг. делался акцент на анализе личности руководителя раз-

личных уровней и сфер, на структуры управления молодежью (пионерская организация, комсомол); 1890-е гг. изучались классификация лидерских теорий, типы, стили лидерства, давался философский анализ.

В настоящее время существует множество теорий, объясняющих феномен лидерства с позиции психологии, социологии, философии, политологии, менеджмента, культурологии и др. В современной России, на наш взгляд, изучение лидерства приобретает масштабный характер и охватывает более широкие сферы, чем ранее. В частности, проводятся исследования лидерства в бизнесе (С. Шекшня, Павловский, Будрина), гендерного разрыва в лидерстве в различных сферах (Т. В. Бендас); разрабатывается система тренингов и семинаров; в социальной сфере появляется интерес к молодежному лидерству (А. В. Чернов, Д. В. Кирш).

На сегодняшний день феномен лидерства встречается практически в любой сфере жизни общества. Особое внимание уделяется политическому лидерству, поскольку социальный облик и значимость лидера зависят от существующего в стране политического строя, равно как и политика государства во многом зависит от тех лидеров, которые находятся в верхних эшелонах власти.

Изучению лидерства в молодежных организациях, на наш взгляд, следует уделять больше внимания в связи с тем, что, во-первых, лидерами организаций являются потенциальные руководители, которые придут на смену сегодняшним; во-вторых, в молодежных организациях возникают нестандартные, креативные, инновационные способы решения молодежных социальных проблем; в-третьих, в молодежных организациях происходит отбор кадров по профессиональным, интеллектуальным, организаторским И коммуникационным качествам личности; в-четвертых, молодежные организации осуществляют взаимодействие со школьниками, помогая им определяться с выбором будущей профессии, развивать собственные таланты и реализовывать интересы, социализироваться и включаться в жизнь социума, занимая (приобретая) активную гражданскую позицию; в-пятых, молодежные организации являются проводником между государством и гражданами.

Существует несколько точек зрения на лидерство в организации, его сущность и происхождение. С одной стороны, бытует мнение, что «лидерами рождаются», с другой стороны, многими учеными признается возможность целенаправленного формирования лидеров. К наиболее распространенным способам выявления лидерских качеств относятся тестирование и другие психологические методы, однако, как показывает практика, крупные корпорации и организации принимают на работу лиц, уже как-то проявивших себя в прошлом (в связи с этим изучаются их биография, трудовой стаж, анализируются лидерские способности на первичных руководящих должностях).

Американский исследователь Стивен Кови, рассуждая о лидерстве, утверждал, что «лидеров можно найти на всех уровнях деловой активности, а не только на самом верхнем» [4]. Данный тезис говорит о том, что в каждом человеке заложен определенный лидерский потенциал, который в силу определенных условий, внешних факторов и мотивации самого человека либо реализуется и развивается в дальнейшем, либо не проявляется совсем. Данное высказывание указывает также на то, что для любого лидера наступает время, когда надо освободить место для другого, более молодого, в котором нуждается организация.

Основываясь на положениях концепции жизнеспособности поколений, разработанной Институтом молодежи, выделяются требования, которым должен соответствовать лидер молодежной организации, а именно:

уметь мобилизоваться в изменяющихся условиях жизни общества, ориентироваться в экономической и соци-

ально-политической обстановке, сохраняя свою гражданскую позицию, гуманистические идеалы и ценности;

- обладать высокой социальной активностью, целеустремленностью и предприимчивостью, стремиться к поиску новых путей решения проблем;
- иметь потребность в жизненном успехе и способность к самостоятельному принятию решений, постоянному саморазвитию и совершенствованию профессиональных качеств; проявлять конкурентоспособные качества в среде лидеров других организаций не только своего района, региона, но и страны;
- быть законопослушным, социально ответственным, морально устойчивым к кризисным и стрессовым ситуациям, иметь национальное самосознание российского гражданина, патриотизм [1].

Исходя из типологии лидеров, стилей их поведения, характера эмоционального взаимодействия с последователями выделяют классические модели управления организацией («авторитарная», «демократическая», «либеральная», или «харизматическая», дополняющие их «атрибутивная» и «реформаторская») и современные модели («театр одного актера», «команда согласия», «совет»), возникшие в результате деятельности организаций.

«Авторитарная» модель управления предполагает строгую иерархию, разграничение полномочий между лидером и последователями. Такая модель применима на начальной стадии формирования организации, когда определяются цели, направления деятельности, выбираются методы и функции управления.

«Демократическая» модель предусматривает коллегиальное управление. Лидер в данном случае выступает в роли координатора. Решения принимаются совместно (если малочисленная организация) либо руководящим органом, избранным членами организации.

«Харизматическая» («либеральная») модель предусматривает наличие харизматического, идеального лидера. Последователи обычно относятся к нему с уважением, прислушиваются к его мнению.

Лидер создает благоприятный микроклимат в коллективе. Управление основывается на преемственности, традициях, опыте прошлых руководителей.

«Харизматическая» модель может трансформироваться в *«атрибутивную»*. Отличительной характеристикой данной модели является поиск и объяснение лидером причинно-следственной связи в деятельности как организации, так и последователей. Лидер стремится определить причины (внешние и внутренние) неэффективной работы (наблюдение за поведением последователей, субъективный взгляд лидера) и устранить их.

«Реформаторская». Лидер-реформатор мотивирует последователей путем повышения уровня их сознательности в восприятии важности и ценности поставленной цели, предоставляет им возможность совмещения личных интересов с общей целью. «Реформаторская» модель предполагает наличие у лидера и последователей определенного поведения, пригодного для творческого решения проблемы в кризисной ситуации [1].

«Театр одного актера» — талантливый лидер-профессионал, которому организация доверяет полностью. Его распоряжения не подлежат сомнению и критике. Лидер осуществляет единоличное управление деятельностью, периодически советуясь с различными участниками организации.

«Команда согласия» — приемлема для малочисленной организации «высоких профессионалов», в которой каждый участник «закрывает» автономный участок работы. Мнение каждого значимо для организации в целом. Ответственные решения принимаются коллегиально, руководитель проводит их в жизнь, являясь одновременно одним из ключевых специалистов.

«Совет» — уместна для организаций с большой численностью, ее ядро составляет группа наиболее квалифицированных, опытных и авторитетных специалистов, мнение которых является определяющим для остальных членов.

Решение принимается после обсуждения с ведущими специалистами на совете объединения [5].

Для молодежных организаций, на наш взгляд, существуют общие принципы деятельности:

- 1. Принцип коллективного исполнения работы – каждый член организации выполняет ту часть общего задания, которую ему поручили участники организации, а не ту, что он обычно исполнял по заданию административного начальства.
- 2. Принцип коллективной ответственности - вся организация теряет в доверии, стимулировании, в общественном признании, если задание не выполнено по вине любого из ее участников.
- 3. Принцип единой для организации формы стимулирования, оплаты за конечный результат, распределение внутри организации – это внутренний вопрос, решаемый коллективом.
- 4. Принцип адекватного стимулирования за конечный результат для участников организации – общественное признание.
- 5. Принцип самоуправления организации - управление деятельностью членов осуществляется ее руководителем (лидером), а не административным начальством организации или вышестоящей управленческой структуры.
- 6. Принцип повышенной исполнительской дисциплины, добровольно принимаемый каждым участником организации.
- 7. Принцип добровольности вхождения в молодежную организацию [2].

Лидерство в организации и эффективность ее функционирования во многом определяется способностями лидера воспринять и удовлетворить потребности организации на каждой стадии ее развития и выбрать наиболее эффективный стиль воздействия и модель поведения. Успешное существование организации возможно при гармоничном сочетании индивидуальных и групповых потребностей с обеспечением необходимых условий для выполнения задач и достижения поставленных целей.

На сегодняшний день в Республике Мордовия созданы все необходимые условия для развития молодежного лидерства, функционирует сеть молодежных объединений и организаций: «Мордовское отделение Российского союза молодежи», «Молодая гвардия Единой России», Мордовское республиканское молодежное общественное движение «Созидание», ассоциация педагогических отрядов, ассоциация учащейся молодежи Мордовии, мордовское республиканское детско-юношеское общественное движение «Истоки», республиканская молодежная общественная организация «Клуб веселых и находчивых», патриотическое движение «Поиск», «Исламский молодежный центр», «Союз православной молодежи Мордовии», молодежная группа «Красный крест» и многие другие. Таким образом, в Мордовии насчитывается около 40 молодежных движений и организаций, работающих в различных направлениях, включая культуру, религию, экологию, живопись, музыку, спорт, политику, медицину, образование и т. д. Данные организации позволяют не только эффективно решать многие молодежные проблемы и противоречия, но и быть ориентиром проводимой в регионе государственной молодежной политики.

Итак, влияние лидера организации на ее развитие и эффективную деятельность подтверждается развитием и привлечением все большего внимания к институту лидерства, особенно в среде молодежи. С каждым годом практическое управление совершенствуется и преобразуется, подбираются наиболее успешные формы работы, способы взаимодействия между лидером и последователями. При этом определяющую роль в форме управления играет лидер, который выбирает наиболее подходящую и соответствующую его способностям и знаниям модель управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Афонина**, **В. Н.** Государственная молодежная политика в современной России : Взаимодействие институтов государства и гражданского общества / В. Н. Афонина. Ростов на Дону, 2002. 180 с.
- 2. **Ивченко, Е. А.** Основы командообразования и лидерства / Е. А. Ивченко // Школа социального менеджмента : сборник статей; под ред. М. Ю. Киселева, И. И. Комаровой. Москва : Карапуз, 2004. С. 135–150
- 3. Российская социологическая энциклопедия ; под общ. ред. Г. В. Осипова. Москва : HOPMA ; ИНФРА-М, 1998. 672 с.
 - 4. Кови, С. Лидерство, основанное на принципах / С. Кови. Альпина Бизнес Букс, 2008. 28 с.
- 5. **Шермет, П.** Законы эмоционального лидерства как инструмент эффективного руководителя / П. Шермет. Компаньон, 2004. № 4.

Поступила 11.03.2014 г.

Об авторах:

Каштанова Елизавета Юрьевна, аспирант кафедры социологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), elis @bk.ru

Гулягина Анна Ивановна, лаборант кафедры социологии историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), depart-soc-scien@isi.mrsu.ru

Для цитирования: Каштанова, Е. Ю. Влияние лидера на управленческие процессы в молодежных организациях / Е. Ю. Каштанова, А. И. Гулягина // Вестник Мордовского университета. — 2014. — № 3. — С. 172—176.

REFERENCES

- 1. Afonina V. N. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoy Rossii: vzaimodeystviye institutov gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva [State youth policy in modern Russia: interaction of state institutes and civil society]. Rostov na Donu, 2002, 180 p.
- 2. Ivchenko E. A. Osnovy organizatsii i liderstva. Shkola sotsialnogo menedzhmenta [Bases of organization and leadership. School of social management], ed. by Kiselyov M. Yu., Komarova I. I.. Moscow, Peanut Publ., 2004, pp. 135 150.
 - 3. Osipova G. V. Russian sotsiological encyclopedia. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 1998, 672 p.
- 4. Kovi S. Liderstvo, osnovannoye na printsipakh [The leadership based on the principles]. JSC Alpina Business Buks Publ., 2008, 28 p.
- 5. Shermet P. Zakony emotsiona'nogo liderstva kak instrument effektivnogo rukovoditelya [Laws of emotional leadership as a tool of the effective head]. Partner Publ., 2004, no. 4.

About the authors:

Kashtanova Elizaveta Jur'evna, post-graduate student of Sociology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), elis @bk.ru

Guljagina Anna Ivanovna, laborant of Sociology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), depart-soc-scien@isi.mrsu.ru

For citation: Kashtanova E. Ju., Guljagina A. I. Vlijanie lidera na upravlencheskie processy v molodezhnyh organizacijah [Influence of a leader on administrative processes in youth organizations]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 172 – 176.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПРИЕМНОЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ МОРЛОВИЯ

В. Н. Мотькин

В статье анализируется эффективность деятельности приемной Президента Российской Федерации в Республике Мордовия в сфере реализации конституционных прав и свобод граждан; на основе статистических данных раскрывается проблематика наиболее частых обращений граждан, поступивших в приемную Президента в 2013 г. (в связи с этим выделяются следующие блоки: «ЖКХ», «Оборона, безопасность, законность», «Социальная сфера»); описываются причины проблем и пути их разрешения.

Ключевые слова: Республика Мордовия, приемная Президента Российской Федерации, анализ обращений граждан, институт обращений граждан, прием граждан в режиме видео-конференц-связи, тематический прием граждан, выездной прием граждан, мобильная приемная Президента.

FEATURES OF WORK WITH APPLICATIONS OF CITIZENS TO THE RECEPTION OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION PRESIDENT IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

V. N. Mot'kin

This article analyzes the efficiency of the reception office of the Russian Federation President in the Republic of Mordovia for the implementation of the constitutional rights and freedoms of citizens. The paper analyzes the statistical data and gives a detailed analysis of the most frequent applications of citizens admitted to the reception office of the Russian Federation President in the Republic of Mordovia in 2013. In accordance with the classifier, the following problem blocks were identified: "Housing", "Defense, security, rule of law" and "Social services". The article also describes the causes of the problems and the measures taken by the reception office to solve them. Appeals are the most important source of information necessary for authorities to make decisions that protect the interests of citizens. With the help of the reception office citizens can influence on the government at all levels and monitor its activities using the right to appeal, which remains one of the most effective mechanisms and priorities of civil society.

Keywords: reception office of the Russian Federation President in the Republic of Mordovia, analysis of citizens' appeals, Institute of citizens' applications, reception of citizens by video conferencing, thematic reception of citizens, visiting reception of citizens, the President mobile reception

Для органов власти обращения граждан являются важнейшим источником информации, необходимой для принятия решений, защищающих их интересы. С помощью приемной Президента Российской Федерации (РФ) в Республике

Мордовия граждане могут влиять на все уровни власти и осуществлять контроль за ее деятельностью, используя право на обращение, которое остается одним из самых действенных и приоритетных механизмов гражданского общества.

Приемная Президента РФ в Республике Мордовия была образована 20 августа 2010 г. на основании распоряжения Администрации Президента РФ. Ее основными задачами являются:

- обеспечение своевременного рассмотрения обращений граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, адресованных Президенту РФ;
- осуществление информационносправочной, методической и аналитической работы, связанной с рассмотрением обращений заявителей, адресованных Президенту РФ;
- подготовка на основе анализа и обобщения вопросов, поставленных в обращениях заявителей, соответствующих докладов, а также предложений по устранению причин, порождающих обоснованные жалобы заявителей;
- участие в подготовке и проведении Управлением Президента РФ по работе с обращениями граждан личного приема заявителей в режиме видео-конференц-связи (ВКС) с Президентом РФ, руководителем Администрации Президента РФ, его заместителями, помощниками Президента РФ, советниками Президента РФ и руководителями самостоятельных подразделений Администрации Президента РФ.

В приемной Президента РФ в Республике Мордовия принимаются обращения граждан, адресованные Президенту РФ, его полномочному представителю в Приволжском федеральном округе (ПФО), а также Главному федеральному инспектору по Республике Мордовия. При составлении обращения в письменной форме указываются: фамилия, имя, отчество, почтовый адрес, телефон и(или) факс либо адрес электронной почты заявителя для направления ему ответа или уточнения вопроса. Анонимные обращения не рассматриваются. Обращение, составленное в письменной форме, регистрируется в течение трех дней со дня его поступления в приемную Президента РФ и рассматривается в 30-дневный срок со дня его регистрации, если иное не предусмотрено российским законодательством.

Несмотря на то что официально приемная Президента РФ в Мордовии начала функционировать относительно недавно, население республики хорошо осведомлено о ее деятельности. Большинство жителей республики знает, что каждый четверг здесь проводятся бесплатные консультации специалистами республиканского отделения ООО «Ассоциация юристов России» (АюР), а по пятницам ведет прием руководитель какого-либо федерального или республиканского органа власти.

В феврале 2014 г. в приемную Президента РФ в Мордовии поступило 58 письменных и 76 устных обращений граждан. Наиболее актуальными явились обращения, составившие тематический раздел «Жилищно-коммунальная сфера» — 26, или 29 %; на втором месте оказались вопросы, связанные с тематикой «оборона, безопасность, законность» — 22, или 24 %; третью позицию заняли вопросы, включенные в тематический раздел «Социальная сфера» — 20, или 22 %.

Для сравнения: в январе 2014 г. большинство обращений жителей Республики Мордовия было связано с тематикой «оборона, безопасность, законность» и «жилищно-коммунальная сфера» — по 23 обращения, или 30 %; второе место заняли вопросы, связанные с социальной сферой — 12, или 15 %; третью позицию заняли вопросы, включенные в тематический раздел «Государство, общество, политика» — 11, или 14 %.

Всего в феврале получили разъяснения в ходе консультаций в приемной 56 граждан. Из них побывало на бесплатном приеме у специалистов мордовского отделения АюР 33 чел., у руководителей ТОФОИВ Мордовии — 23. За данный период в приемной Президента РФ, согласно графику, утвержденному Главным федеральным инспектором республики А. М. Пыковым, прием граждан по вопросам, относящимся к компетенции их ведомств, провели:

Л. А. Иванова – управляющий Региональным отделением фонда социального страхования РФ по Республике Мордовия (вопросы касались обеспечения инвалидов санаторно-курортным лечением); А. В. Демкин – руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Мордовия (вопросы касались навязывания потребителю дополнительных услуг); М. Г. Лушенкова – руководитель Управления Федеральной налоговой службы по Республике Мордовия (вопросы касались порядка оформления имущественного вычета при покупке жилья); С. Б. Старцева – руководитель отделения в Саранпредставительства Министерства иностранных дел в Нижнем Новгороде (вопрос касался содействия в организации Международного фестиваля русских драматических театров стран ближнего и дальнего зарубежья «Соотечественники»); Ю. Н. Иванова – уполномоченный по защите прав предпринимателей в Республике Мордовия; Ю. А. Ястребцев – уполномоченный по правам человека в Республике Мордовия.

Приемная Президента РФ в Мордовии традиционно осуществляет свою деятельность в тесном сотрудничестве с Управлением Президента РФ по работе с обращениями граждан и организаций. Одна из наиболее популярных форм взаимодействия — организация приема граждан с представителями Администрации Президента РФ в режиме ВКС.

Так, 6 февраля 2014 г. прием граждан в режиме ВКС проводил заместитель руководителя Администрации Президента РФ М. М. Магомедов. У него на приеме побывала одна из сирот, обратившаяся с просьбой о содействии в предоставлении жилого помещения в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 декабря 1996 г. №159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». В итоге в ходе приема республиканская власть заверила, что заявитель получит квартиру не позднее июля 2014 г. М. М. Магомедов

дал поручение отчитаться Главе Республики Мордовия перед Президентом РФ о проделанной работе к 1 августу 2014 г.

20 февраля 2014 г. помощник полномочного представителя Президента РФ в ПФО А. И. Загрядский провел прием граждан в Лямбирском районе с участием А. М. Пыкова. К А. И. Загрядскому обратились жители с. Лямбирь – vчастники подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей». Их просьба касалась оказания содействия в электрификации улицы, застроенной жилыми домами в 2007 г. с использованием жилищных сертификатов. Выделенные в 2012 г. из республиканского бюджета средства на коммунальную и транспортную инфраструктуру не были освоены и по истечении срока возвращены в бюджет. В результате электричество осталось неподведенным, а незаселенные дома становятся непригодными для проживания. Во время приема А. И. Загрядский детально обсудил пути решения данной проблемы представителями территориальных федеральных органов и руководством профильных структур. Одновременно был рассмотрен ряд общественно значимых вопросов граждан, связанных с реконструкцией МБУ «Лямбирский районный Дом культуры», строитель-Аксеновской средней общеобразовательной школы, а также теплоснабжением одного из микрорайонов с. Лямбирь. Все обращения были взяты на контроль А. М. Пыковым. Всего на приеме побывало 4 чел.

На базе приемной Президента в Республике Мордовия продолжается практика еженедельных дежурств членов ООО «АюР». В феврале 2014 г. бесплатную юридическую консультацию для населения провели адвокаты Коллегии адвокатов № 1 О. И. Амелина, Е. А. Крылова, В. Ф. Ходукин, а также адвокат коллегии адвокатов «Республиканская юридическая защита» Н. П. Любишкина. Всего за консультацией обратились 33 чел. В основном граждан волновали вопросы суда, про-

куратуры, адвокатуры, арбитража и нотариата, связанные с разъяснением порядка снятия банковского вклада, расселения аварийного жилья, обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, снятия медицинского диагноза (в частности олигофрении), включения предпринимательской деятельности в трудовой стаж и др.

Консультации анонсировались через средства массовой информации (ГТРК «Мордовия», радио «Мордовия», газета «Известия Мордовии»).

Таким образом, приемная Президента РФ в Республике Мордовия вовлекает в свою орбиту все новых граждан, становясь одним из эффективных демократических институтов общества.

Поступила 07.04.2014 г.

Об авторе:

Мотькин Владислав Николаевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», советник Главного федерального инспектора по Республике Мордовия (г. Саранск, Россия), depart-soc-scien@isi.mrsu.ru

Для цитирования: Мотькин, В. Н. Особенности работы Приемной Президента Российской Федерации с обращениями граждан Республике Мордовия / В. Н. Мотькин // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. - C. 177-180.

About the author:

Mot'kin Vladislav Nikolaevich, advisor of Chief Federal Inspector of the Republic of Mordovia, associate professor of Sociology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Sociological sciences, depart-soc-scien@isi.mrsu.ru

For citation: Mot'kin V. N. Osobennosti raboty Priemnoj Prezidenta s obrashhenijami grazhdan Rossijskoj Federacii v Respublike Mordovija [Features of work with applications of citizens to the reception office of the Russian Federation President in the Republic of Mordovia]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 177 – 180.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

С. В. Полутин, Г. И. Щанкина

В статье проанализирован демографический фактор возникновения социальных рисков в Республике Мордовия путем сопоставления результатов двух методов исследования: социологических опросов жителей и матричной корреляции данных официальной статистики. В качестве основной проблемы, порождающей различные социальные и демографические риски, респонденты назвали материально-финансовое положение. Результаты опросов населения были подтверждены методом корреляционного анализа переменных.

Ключевые слова: социальный риск, демографический риск, демографический фактор, анализ матричной корреляции, социологический опрос, материально-финансовое положение.

DEMOGRAPHIC FACTOR OF SOCIAL RISKS IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

S. V. Polutin, G. I. Shhankina

The article analyses the demographic factor of social risks in the region via comparising the results of two research methods: sociologic surveys of the Republic of Mordovia residents and matrix correlation of official statistics data.

The respondents mentioned material and financial status as a major problem causing numerous social and demographic risks. The survey results were confirmed by the method of variables correlation analysis technique.

Keywords: social risks, demographic risks, demographic factor, matrix correlation analysis, sociologic survey, material and financial status.

Известный немецкий социолог Ульрих Бек считает, что современные общества как саморегулирующиеся системы обладают способностью к рефлексии, а это значительно усложняет процесс их трансформации, порождает неопределенности, опасности и риски [1]. Российские социологи социокультурную динамику называют «нелинейной», «турбулентной», «парадоксальной» [3; 6], что сказывается на характере и взаимосвязях рисков и опасностей, при которых соединяются несочетаемые, на первый взгляд, явления и процессы. Они делят риски на «старые» и «новые». «Старые» риски относятся к отдельным индивидам, предрасположенным к девиации, а «новые» касаются всех людей.

Социальные риски опосредованы различными факторами: экономическим, пра-

вовым, политическим, социокультурным, экологическим, демографическим и др. С одной стороны, демографические показатели характеризуют качественное состояние народонаселения (повышение или снижение рождаемости, брачности, смертности, миграции и др.), с другой стороны, с его учетом можно определить и рассчитать социальный риск.

В Республике Мордовия общий прирост численности населения имеет отрицательное сальдо. Так, в 2000 г. он составил -1,12 %, в 2002 г. – -1,22 %, в 2005 г. – -0,82 %, в 2011 г. – -0,94 %, в 2012 г. – -0,83 %. В то же время увеличивался коэффициент рождаемости (с 8,5 % на 1 тыс. чел. населения в 2005 г. до 10,0 % в 2012 г.), снижался коэффициент смертности (17,1 и 14,5 % соответственно), умень-

© Полутин С. В., Щанкина Г. И., 2014

шалось отрицательное сальдо коэффициента естественного прироста населения (-8,6 и -4,5 %), повышался коэффициент брачности на 1 тыс. чел. населения (6,5 и 7,3 %) и ожидаемая продолжительность жизни (66,66 и 70,11 лет). При этом наблюдаются рост коэффициента разводимости (2005 г. – 3,5 %, 2008 г. – 4,1 %, 2009 г. – 4,0 %, 2012 г. – 3,8 %), высокая миграционная убыль населения (в 2005 г. – 2 369 чел., в 2012 г. – 3 143), сокращение численности населения (на 1 января 2006 г. – 866,6 тыс. чел., на 1 января 2013 г. – 818,5 тыс. чел.) [2;

4–5], высокие коэффициенты естественной убыли и смертности населения и др. Данные показатели представляют собой демографические риски социального развития, которые отражаются в образовании, воспитании, занятости, культуре, социальной экологии и др.

С помощью матричного корреляционного анализа мы рассмотрели связь некоторых демографических и экономических показателей Республики Мордовия за период 2007 — 2012 гг. Для этого были отобраны показатели официальной статистики, представленные в табл. 1.

Таблица 1 Статистические показатели по Республике Мордовия за 2007–2012 гг.

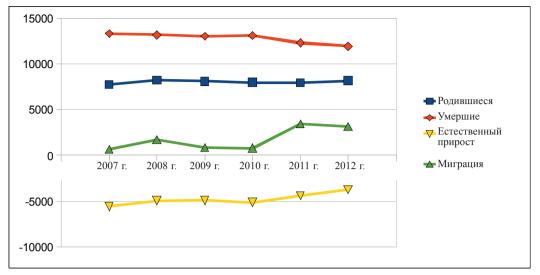
Показатель	Годы								
Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012			
Численность населения, чел.	857 903	851 658	844 962	839 184	833 263	825 454			
Родившиеся, чел.	7 728	8 215	8 103	7 974	7 918	8 180			
Умершие, чел.	13 320	13 167	13 027	13 106	12 303	11 925			
Естественный прирост, чел.	-5 592	-4 952	-4 924	-5 132	-4 385	-3 745			
Миграция, чел.	653	1 744	854	789	3 424	3 143			
Безработные, тыс. чел.	16	11	24	25	24	22			
ВРП, млн руб.	77 048,8	94 058,3	90 862,4	105 343,8	126 835,6	_			
Объем отгруженных товаров собственного производства по виду экономической деятельности «обрабатывающие производства», млн руб.	70 792,5	80 855,6	64 906,6	85 371,6	88 601,3	101 320,1			
Продукция с/х, млн руб.	22 738,5	29 114,1	31 603,7	26 311,8	37 816,8	38 816,33			
Средняя заработная плата, руб.	8 194,1	10 530,5	10 937,2	11 883,1	13 305,1	15 186,6			

Составлена по: [2; 4–5].

На рисунке, демонстрирующем соотношение демографических данных за 2007–2012 гг., видно, что показатель «миграция» имеет выраженные изменения в сторону увеличения по сравнению

с другими. Относительно стабильным является показатель «родившиеся», прослеживается некоторое снижение показателя «умершие» и незначительное увеличение показателя «естественный прирост».

Таблица 2

Р и с у н о к. Соотношение демографических показателей по Республике Мордовия за 2007-2012 гг., чел.

Отобранные данные были обработаны в программе STATISTIKA 6, коце (табл. 2).

Коэффициент корреляции некоторых демографических и экономических показателей по Республике Мордовия

	Коэффициент корреляции*									
Показатель	Числен- ность населения	Умер- шие	Естествен- ный прирост	Миг- рация	ВРП	Продук- ция с/х	Средняя заработ- ная плата			
Численность населения	1,00	0,83	-0,81	-0,61	-0,95	-0,83	-0,98			
Умершие	0,83	1,00	-0,90	-0,90	-0,82	-0,98	-0,83			
Естественный прирост	-0,81	-0,90	1,00	0,86	0,85	0,97	0,89			
Миграция	-0,61	-0,90	0,86	1,00	0,74	0,90	0,67			
ВРП	-0,95	-0,82	0,85	0,74	1,00	0,84	0,97			
Продукция с/х	-0,83	-0,98	0,97	0,90	0,84	1,00	0,87			
Средняя зара- ботная плата	-0,98	-0,83	0,89	0,67	0,97	0,87	1,00			

^{*}Коэффициенты 0,9 и 0,8 являются статистически значимыми, поэтому в таблице они представлены выделенным шрифтом.

В ходе анализа мы определили наличие или отсутствие связи. Было выявлено, что показатели «родившиеся», «безработные», «объем отгруженных товаров собственного производства по виду экономической деятельности "обрабатывающие производства"» ее не имеют. Между данными переменными корреляция отсутствует. Далее установили направление связи. На значениях переменных задали отношение строгого порядка. По некоторым отношениям обнаружили обратную корреляцию, т. е. увеличение одной переменной связывалось с уменьшением другой. Коэффициент обратной корреляции был статистически значимым по следующим показателям:

- численность населения имеет обратную связь с ВРП и средней заработной платой (-0,95 и -0,98);
- естественный прирост коррелирует с показателем «умершие» (-0,90);
- выпуск продукции сельского хозяйства коррелирует с показателем «умершие» (-0,98).

По другим показателям обнаружена прямая корреляция, при которой увеличение одной переменной связано с увеличением другой переменной:

- естественный прирост коррелирует с выпуском продукции сельского хозяйства (0,97) и средней заработной платой (0,89);
- миграция обусловлена выпуском продукции сельского хозяйства (0,90);
- ВРП коррелирует со средней заработной платой (0,97).

Таким образом, для жителей республики первичным является материальная составляющая жизнедеятельности.

В ходе анализа результатов социологических опросов, проведенных кафедрой социологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарева» в 2011 г. и ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2013 г., было выявлено, что при решении вопросов рождения детей и миграции для большинства респондентов основными являются проблемы материально-финансового положения семьи, жилищных

условий, трудоустройства и ипотечного кредитования.

Согласно исследованиям, в регионе в настоящее время выявлены предпочтения респондентов иметь двух и трех детей. При ответе на вопрос: «При благоприятных общественных и личных условиях сколько детей Вы хотели бы иметь?» 49,5 % опрошенных указали вариант ответа «двоих» (в 2011 г. – 40,1%); 21,9 % – «троих» (в 2011 г. – 26,2 %); 10,0 % – «одного» (в 2011 г. – 9,7 %); 5,6 % – «более трех» (в 2011 г. – 9,4 %); 2,2 % – «ни одного».

На вопрос: «Что, на Ваш взгляд, в первую очередь препятствует рождению очередного (в том числе первого) ребенка?» в 2013 г. 71,4 % опрошенных назвали материальное положение семьи, 50,6 % – проблемы с жильем, причем больше это беспокоит молодежь, чем представителей других групп. В том числе одними из причин были названы нестабильная ситуация в обществе (15,1 %) и состояние здоровья (13,1 %). Перцептивистские мотивы характеризовали незначительное число респондентов (из них 6,4 % выбрали вариант ответа «отношения в семье»; 4,5 % – «нежелание иметь детей»; 3,0 % – «нежелание иметь более одного ребенка»).

Перечисленные демографические риски являются первостепенными, что подтверждается ответами респондентов на вопрос об эффективных мерах повышения рождаемости. Большая часть опрошенных считает, что повышению рождаемости способствуют увеличение заработной платы (56,1 %), денежная помощь (пособие на детей, пособие при рождении ребенка и др.— 45,2 %), улучшение жилищных условий (39,7 %).

Кроме этих мер были выделены и другие, предпочтение которым отдавалось в значительно меньшей степени, но имевшие для людей важное значение, а именно: охрана здоровья населения (22,3 %), развитие льготного ипотечного кредитования (17,2 %), экономическое стимулирование рождения второго и последующих детей (13,9 %), продле-

ние сроков оплачиваемого декретного отпуска и оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста двух лет (13,3 %), снижение уровня безработицы (12,9 %), пропаганда семейного образа жизни (11,9 %), повышение уровня безопасности жизни (10,2 %).

На минимизацию демографических рисков и повышение рождаемости в Мордовии направлены различного рода меры, имеющие давнюю практику (выплата пособий, компенсаций и т. д.), и новые (выдача республиканского семейного капитала, ежемесячная денежная выплата). Улучшение ситуации с рождаемостью в Мордовии в связи с введением новых мер предполагают более 40 % опрошенных, около 30 % считают, что ситуация не изменится, но более 20 % о них не знает.

Определяющим показателем нейтрализации демографических рисков является создание потенциала для всестороннего развития детей. Отличные и хорошие условия созданы, по мнению

50,0 % опрошенных, в сфере физического развития, 42,6 % – поддержки одаренных детей, 41,2 % – получения качественного школьного образования, 41.0 % – развития творческих способностей детей. 32.5 % – досуга. 31.2 % – летнего отдыха, 27.8 % – охраны здоровья. При этом заметно выше их оценивала молодежь от 18 до 29 лет по сравнению с респондентами старшего возраста. Около 20% опрошенных высказались за неудовлетворительные условия, созданные для развития детей в сферах досуга, летнего отдыха, охраны здоровья, и около 10 % респондентов также оценили условия, созданные в других названных сферах. В этом случае мнения респондентов разных возрастных категорий не имели статистически значимых различий (2–3 %).

Анализ результатов корреляционного и социологического исследований позволяет сделать вывод, что риски, выявленные в ходе опроса населения, подтверждаются данными, полученными методом корреляции переменных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Бек, У.** Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. Москва : Прогресс-Традиция. 2000. 384 с.
 - 2. Демографический ежегодник Республики Мордовия: стат. сб. № 900. Саранск, 2012, 2013.
- 3. **Кравченко** С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С. А. Кравченко. Москва : Анкил. 2009.
 - 4. Мордовия: стат. ежегодник. Саранск, 2013.
 - 5. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. Москва, 2008. 423 с.

Поступила 17.03.2014 г.

Об авторе:

Полутин Сергей Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), polutin.sergei@yandex.ru

Щанкина Галина Ивановна, докторант кафедры социологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), shankinaGI@mail.ru

Для *цитирования*: Полутин, С. В. Демографический фактор социальных рисков в Республике Мордовия / С. В. Полутин, Г. И. Щанкина // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 181–186.

REFERENCES

- 1. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk society. On the way towards another modern]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2000, 384 p.
- 2. Demografichesky ezhegodnik Respubliki Mordoviya: statistichesky sbornik № 900 [Demographic yearbook of Republic of Mordovia: statistic digest]. Mordoviyastat. Saransk, 2012, 2013.
- 3. Kravchenko S. A. Riski v nelineynom globolokalnom sotsiume [Risks in non-linear global and local socium]. Moscow, Ankil Publ., 2009.
 - 4. Mordoviya: statistichesky ezhegodnik [Mordovia: statistic yearbook]. Mordoviyastat. Saransk, 2013.
 - 5. Toshchenko Zh. T. Paradoksalny chelovek [Paradoxal human]. Moscow, 2008.

About the authors:

Polutin Sergej Viktorovich, head of Sociology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Sociological sciences, professor, polutin.sergei@yandex.ru

Shhankina Galina Ivanovna, doctoral student of Sociology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), shankinaGI@mail.ru

For citation: Polutin S. V., Shhankina G. I. Demograficheskij faktor social'nyj riskov v Respublike Mordovia [Demographic factor of social risks in the Republic of Mordovia]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 181 – 186.

РАДИКАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

К. М. Романов

В статье рассматриваются наиболее характерные особенности радикальных социальных групп. К числу социально-психологических особенностей отнесены асоциальные групповые интересы и цели, асоциальные групповые санкции, оппозиционность, стратегия дистанцирования от общества, деструктивное влияние на членов, претензия на особость и исключительность, высокий уровень сплоченности и организованности, закрытость для «чужих», группоцентризм. Представлены психологические рекомендации по работе с радикальными группами, их лидерами и членами.

Ключевые слова: радикальная социальная группа, личность, деструктивное воздействие, групповые интересы, групповые нормы, группоцентризм, групповая сплоченность, референтность.

RADICAL SOCIAL GROUPS AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH

K. M. Romanov

The article considers the most important features of radical social groups. The author attributes asocial interests and goals of groups, deviant group sanctions, opposition, strategy of distancing itself from society, a destructive influence on the members of the complaint on the uniqueness and exclusiveness and high level of cohesion and organization, closeness to «strangers», group-centrism to the socio-psychological characteristics. The article presents psychological prescriptions for work with radical groups, their leaders and members. The strategies for refuting false arguments, raising the level of humanitarization of an education, searching General characteristics, comparing with other groups, decentralizing group positions, debunking the image of a leader, depreciating group norms, the security y for the members of radical groups who leave the group are described

Keywords: radical social group identity, destructive impact, group interests, group norms, group-centrism, group cohesion, reference.

В условиях демократических преобразований в России происходит дифференциация общества по экономическим, политическим, идеологическим, национальным, религиозным и другим признакам. В результате этих процессов возникает множество социальных групп, в основе которых лежат общие интересы и целевые установки людей: политические, экономические, спортивные, религиозные, этнические, финансовые и др. К ним относятся политические партии, общественные движения, объединения

спортивных фанатов, религиозные секты, конфессиональные союзы и объединения, националистические партии, группы террористов, группы преступников и др. Некоторые из них имеют откровенную асоциальную и антигосударственную направленность. Они создают серьезную угрозу для общества и государства. Особую опасность представляют террористические группы, которые объявили войну всему человечеству. Подобные социальные группы можно определить как радикальные*.

 $^{^*}$ Здесь: решительный, коренной, придерживающийся крайних взглядов (см.: **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азь, 1995. – 944 с.).

При наличии некоторых внешних различий такие группы характеризуются множеством общих черт. Однако, прежде чем рассматривать их, отметим, что проблема социальных групп хорошо изучена в отечественной психологии и социологии. Здесь следует отметить таких авторов, как Г. М. Андреева, А. И. Донцов, А. С. Макаренко, А. В. Петровский, А. А. Русалинов и др. В советский период развития исследования в данной области были излишне идеологизированными. В их концепции социальные группы выглядели слишком идеализированными и весьма отдаленно напоминающими реальное положение дел [1; 5–6]. Из поля зрения ученых выпадало множество социальных групп, не вписывавшихся в рамки марксистско-ленинской теории коллектива, например, группы преступников, группы верующих, группы антисоветской направленности и т. п. Изучение подобных групп имеет большую практическую значимость, поскольку они, представляя определенную часть общества, оказывают деструктивное влияние на общественную жизнь и усиливают социальную напряженность.

Для разработки рекомендаций, направленных на оптимизацию межнациональных, межконфессиональных и других отношений, необходимо учитывать социально психологические особенности таких групп. Именно поэтому данная проблема является актуальной.

Радикальные группы проповедуют крайние и оппозиционные взгляды и нормы. Например, представители некоторых националистических объединений пропагандируют и стремятся претворить в жизнь откровенно асоциальные взгляды, реализация которых чревата серьезными межэтническими конфликтами. Групповые интересы и цели радикальных объединений противоречат интересам других социальных групп и общества в целом. Например, группы националистов всегда ущемляют интересы представителей других национальностей: территориальные, политические, экономические, культурные, бытовые и др. Тоталитарные секты оказывают деструктивное воздействие на своих членов, травмируют их родных и близких. Организаторы финансовых пирамид ущемляют экономические интересы своих членов. Такая мотивационно-целевая позиция радикальных групп была и остается источником социальных конфликтов и даже войн.

Радикальные социальные группы придерживаются столь же крайних и жестких способов реализации своих интересов [3: 6–7]. В выборе средств достижения своих целей они готовы перешагнуть не только через нравственные, но и правовые нормы. В концепции их групповой морали цель всегда оправдывает средства. В связи с этим такие группы можно назвать бездуховными, асоциальными, преступными и потому очень опасными. Например, чиновникнационалист может беззастенчиво уволить с работы сотрудника другой национальности для того чтобы освободить место для «своего»; националист-учитель может ущемлять интересы детей определенной национальности и т. п. Группы террористов реализуют свои интересы с помощью убийства мирных граждан. Подобная групповая мораль активно насаждается руководителями радикальных групп. Постепенно она усваивается их членами, и они сами становятся ее носителями. Иначе говоря, групповые ценности и нравственные установки становятся устойчивыми личностными образованиями. Для вербовки новых членов и деструктивного воздействия на их личность используются мощные психологические технологии. Психологические последствия этих технологий настолько велики, что члены таких групп становятся неузнаваемыми для родных и близких и неподвластными им. Известно, что попытки привлечь к переговорному процессу с террористами их родителей в большинстве случаев не приносят успеха. Для реализации преступных замыслов члены подобных групп готовы пожертвовать не только базовыми общечеловеческими ценностями (семьей, благополучием, отношениями с родными и близкими и др.), но и собственной жизнью. Именно поэтому нельзя недооценивать степень угрозы, исходящей от радикальных групп. Наиболее уязвимой для их влияния является молодежная часть общества. Отсюда одним из направлений борьбы с радикальными социальными объединениями является кардинальное изменение молодежной политики. Например, в вузах необходимо повысить качество и уровень гуманитарности образования.

Важным психологическим свойством радикальных групп является своеобразная дистанцированность от других людей, не принадлежащих к своей группе. На уровне группового самосознания это переживается как чувство поляризации: «мы – они», «свои – чужие», «друзья – враги», «наши – не наши», «такие, как мы – другие», «правые – неправые». Такой поляризации нет у нерадикальных социальных групп или у больших этнических групп, например у русских. Чем меньше и радикальнее социальная группа, тем сильнее выражена эта поляризация на «своих» и «чужих». Особенно сильно она выражена в тоталитарных сектах и в группах откровенных националистов. Ее целенаправленно формируют и поддерживают руководители таких групп. Для преодоления чувства поляризованности и отчужденности от общества в работе с группами и их отдельными членами важно акцентировать внимание на факты, свидетельствующие о сходстве с другими группами, о положительном отношении к ним со стороны других групп и об отсутствии враждебности или недоброжелательства.

В тесной связи с дистанцированностью радикальных групп от общества является их закрытость от «чужих». При этом чем радикальнее группа, тем выше уровень ее закрытости. Внутригрупповая жизнь скрыта не только для «чужих», но во многом и для рядовых членов. Доступ к информации строго регламентирован и соотнесен со статусным положением членов группы. Каждый знает ровно столько, сколько ему полагается. В этом плане радикальные группы можно сравнить с воинскими подразделениями или с тайными обществами. Именно поэтому для борьбы с такими группами очень эффективны стратегии прослушивания и внедрения своих агентов. Эти методики широко используются для борьбы с организованной преступностью, наркомафией и другими преступными группировками.

Выраженной особенностью самовосприятия радикальных групп является акцентирование внимания на отличительные признаки, т. е. претензия на «особость» и «другость»: «Мы не такие», «Мы другие», «Мы особые». Это становится элементом самосознания членов группы. Надо сказать, что курс на особость задается руководством групп. В националистических общностях поиском признаков особости могут заниматься писатели, художники, ученые, журналисты и др. Такая политика национальных элит или руководителей тоталитарных сект очень опасна, поскольку приводит к поляризации общества и создает психологические барьеры для межличностного, межэтнического и межконфессионального общения. В какой-то мере подобная политика руководства национальных республик оправдана желанием сохранить национальную культуру, язык, традиции и обряды. Однако она не должна принимать уродливые националистические формы. Более перспективна политика, направленная на поиски сходства при сохранении этнических, конфессиональных или каких-то других особенностей.

Следующая особенность радикальных групп заключается в претензии на исключительность. На уровне группового и индивидуального самосознания это имеет следующую форму: «Мы не просто другие, мы лучше других». Из этого следует, что «другие» («они») хуже нас. Такой курс на исключительность задается и всесторонне поддерживается руковод-

ством групп, особенно это касается национальных объединений. Организуются компании по поиску признаков исключительности, в которые вовлекаются представители национальной интеллигенции: писатели, художники, ученые, журналисты. Начинаются подсчеты количества «наших» среди ученых, известных политиков, героев войн, художников, композиторов, спортсменов, победителей всевозможных конкурсов, красивых женщин, религиозных подвижников, военачальников и т. п. Все это широко освещается в средствах массовой информации, в научных и учебных изданиях и в итоге внедряется в сознание членов группы. Если говорить о религиозных сектах, то их объединяет претензия на обладание истиной, на исключительность и правильность их веры. Претензия на исключительность очень опасна, поскольку она формирует у членов радикальных групп неадекватное (высокомерное, снисходительное, агрессивное, пренебрежительное) отношение к членам других социальных групп, приводя в результате к всевозможным конфликтам и социальной напряженности. От этого могут страдать межнациональные и межрелигиозные браки, распадаться семьи, совершаться правонарушения и т. п. Следует отметить, что претензия на исключительность является оборотной стороной комплекса неполноценности и формой его компенсации. Это необходимо учитывать в практической работе с представителями подобных социальных групп. Здесь не рекомендуется умалять их достоинства и социальный статус. Намного эффективнее является стратегия сравнения их с другими группами, на фоне которых они утрачивают свою исключительность при сохранении чувства собственного достоинства.

Характерной особенностью радикальных групп является группоцентризм. В зависимости от характера социальных групп он может иметь форму этноцентризма, конфессионального центризма, партийного центризма и т. п. Он выражается в склонности группы воспринимать и оценивать окружающих людей - членов иных социальных групп и события общественной жизни с позиций собственных жизненных интересов и ценностей, считая эту когнитивную позицию единственно правильной. Группоцентризм выражается также в неспособности группы посмотреть на окружающий мир, на различные жизненные события, на окружающих людей и на саму себя с позиций и жизненных интересов и ценностей других социальных групп. Собственная группа становится своеобразным центром и исходной координатой для любых суждений и оценок [1–3; 5]. Группоцентризм препятствует адекватному пониманию представителей других социальных групп и является серьезным источником конфликтов: межличностных, межэтнических, межконфессиональных. Например, мигранты с Северного Кавказа не вполне понимают, почему коренным жителям российских городов не нравится жертвоприношение в общественных местах – обычай, являющийся для мигрантов не только правильным, но даже священным. В связи с этим для профилактики и разрешения межэтнических межконфессиональных конфликтов важно добиться того, чтобы конфликтующие стороны научились воспринимать предмет спора с позиций другой группы. Это очень сложная технология работы с радикальными группами, требующая привлечения специалистов по психологии.

Радикальные группы хорошо структурированы. В них есть яркие лидеры, руководящая элита, средства массовой информации или их аналоги и другие функциональные элементы. Организационным ядром таких групп являются лидер и руководящая элита. Они определяют общую стратегию и тактику жизни и деятельности групп, их идеологию и политику. Как правило, это хорошо образованные люди, обладающие соответствующими способностями, знаниями, умениями и навыками. Не исключено, что они могут иметь связи с людьми и организациями, не входящими в состав радикальных групп, но

имеющими там свои интересы: политические, идеологические, финансовые и др. За счет этих связей радикальные группы могут получать политическую, идеологическую, финансовую и иную подпитку. Все это делает такие группы хорошо организованными и дееспособными. В какой-то мере они напоминают маленькие государства, имеющие свою территорию, историю, язык, культуру, обычаи, традиции, законы, социальные нормы и правила жизни. Именно поэтому для оптимизации отношений с такими группами и их дерадикализации важно акцентировать внимание на их лидеров как наиболее влиятельных членов. Например, в работе с членами тоталитарных религиозных сект используется эффективная стратегия развенчания имиджа руководителя [3; 7]. Справедливости ради следует отметить, что автором этой методики является известный отечественный педагог А. С. Макаренко, использовавший ее для работы с группами преступников.

Радикальные группы характеризуются высоким уровнем сплоченности, т. е. являются очень монолитными. Можно сказать, что каждая такая группа представляет собой своеобразный социальный организм, где каждый человек или небольшая группа людей является его органом. Сплоченность выражается в слаженности работы всех органов и высокой дееспособностью всей группы в целом. В связи с этим для снижения дееспособности таких групп необходимо вести работу по уменьшению уровня их сплоченности через усиление противоречий между их членами.

Члены радикальных групп идентифицируют себя со своей группой. Принадлежность к ней становится ведущим элементом образа Я (Я — фанат, Я — баптист, Я — ариец и т. п.). Надо сказать, что подобная идентификация свойственна и членам нерадикальных групп, характеризующихся высоким уровнем развития. Она очень важна для любого человека и для любого этноса. Однако у представителей радикальных групп она выражена

чрезмерно сильно, являясь главным элементом образа Я. Наиболее эффективной в воспитательной работе с членами таких групп является стратегия развенчания групповых норм и ценностей, многие из которых очень сомнительны [1–3; 7].

Радикальные группы являются референтными (наиболее значимыми) для своих членов. Они готовы пожертвовать для нее своей семьей, группой друзей, спортивной командой и т. д. Такая особенность наиболее характерна для террористических групп и тоталитарных религиозных сект. Это выражается в том, что групповые нормы, ценности и мнения являются наиболее важными для ее членов, т. е. превращаются в устойчивые личностные образования (взгляды, убеждения, социальные установки и ценности), которые определяют поведение людей. Каждый свой шаг, решение, поступок они сверяют с ними. Для снижения уровня значимости групп для их членов необходимо акцентировать их внимание на те ценности и личные интересы, которыми они пожертвовали в угоду группы и ее лидера. Такая стратегия работы позволяет в какой-то мере избавить отдельных членов религиозных сект от группового давления [1–3; 6].

Радикальные группы представляются очень устойчивыми социальными объединениями. Они располагают не только технологиями вербовки и психологической обработки новых членов, но и эффективными приемами их удержания в своих рядах. Для этих целей по отношению к ним используются так называемы групповые санкции, т. е. определенные психологические и физические воздействия. Они могут иметь форму разнообразных аппеляций (к долгу, совести, вере, достоинству, различным чувствам и т. п.), предупреждений, всевозможных угроз, вплоть до физического устранения. По своей сути они являются безнравственными, лицемерными, лживыми, манипулятивными, а в крайних вариантах асоциальными и откровенно преступными [3–4; 6–7]. Однако они достаточно эффективно работают и придают радикальным группам необходимую устойчивость. Важным условием освобождения членов радикальных групп является обеспечение им психологической и физической безопасности.

В заключение отметим, что нами представлена краткая характеристика радикальных групп, а предложенные психологические рекомендации являются, ско-

рее, стратегическими, нежели тактическими. Они определяют общие направления работы соответствующих должностных лиц, политических, религиозных и иных лидеров и управленческих структур, а не способы их реализации. Технология решения конкретных проблем, связанных с дерадикализацией социальных групп, очень сложный вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Андреева, Г. М.** Социальная психология : учебник для вузов / Г. М. Андреева. Москва : Аспект-Пресс, 2004.-365 с.
 - 2. Крысько, В. Г. Социальная психология / В. Г. Крысько. Москва : Питер, 2005. 221 с.
 - 3. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 752 с.
- 4. **Рюмшина**, **Л. И.** Психология манипулирования людьми: проблемы и перспективы / Л. И. Рюмшина // Международная конференция «Психология общения-2000: проблемы и перспективы». Москва: Психология, 2000. С. 259–260.
- 5. Социальная психология в современном мире ; под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. Москва, 2002. 335 с.
 - 6. Социальная психология: учебное пособие; отв. ред. А. Л. Журавлев. Москва, 2006. 351 с.
- 7. **Хассен, Ст.** Освобождение от психологического насилия / Ст. Хассен. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2002. 400 с.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Романов Константин Михайлович, доктор психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), famylypost@mail.ru

Для цитирования: Романов, К. М. Радикальные социальные группы как предмет научного анализа / К. М. Романов // Вестник Мордовского университета. — 2014. — № 3. — С. 187—193.

REFERENCES

- 1. Andreeva G. M. Sotsialnaya psikhologia: uchebnik dlya vuzov [Social psychology: manual for universities]. 5-th edition, revised and enlarged. Moscow, Aspect Press Publ., 2004, 365 p.
 - 2. Krisko V. G. Sostialnaya psikhologia [Social psychology]. St Petersburg, Piter Publ., 2005, 221 p.
- 3. Majers D. Stscialnaya psikhologiya [Social psychology]. 6-th edition, revised and enlarged. St Petersburg, Piter Publ., 2008, 752 p.
- 4. Rumshina L. I. Psikhologia manipulirovania ludmi: problemi: voprosy i perspectivi [Psychology of manipulating people: issues and prospects]. *Mezhdunarodnaya conferentsiya «Psikhologiya obshcheniya 2000: problemi I perspectivy»* International conference "Psychology of communication 2000: issues and prospects". Moscow, Uchebno-metodicheskiy kollektor «Psihologia» Publ., 2000, pp. 259 260.
- 5. Sotsialnaya psikhologiya v sovremennom mire [Social psychology in the modern world]. Ed. by Andreev G. M., Dontsov A. I. Moscow, 2002, 335 p.
- 6. Sotsialnaya psikhologiya: uchebnoye posobiye [Social psychology: guidebook] Ed. by Zhuravlev A. L.. Moscow, 2006, 351 p.

7. Hassen St. Osvobogdeniye ot psikhologicheskogo nasiliya [Liberation from psychological violence]. St Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2002, 400 p.

About the author:

Romanov Konstantin Mihajlovich, head of Social Psychology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Psychological sciences, professor, famylypost@mail.ru

For citation: Romanov K. M. Radikal'nye social'nye gruppy kak predmet nauchnogo analiza [Radical social groups as a subject of scientific research]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 187 – 193.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ВОПРОСЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ВРАЧЕБНЫХ ОШИБОК

Ж. В. Чашина, Е. Н. Чекушкина

В статье на основе междисциплинарного подхода проанализированы этико-правовые аспекты профессиональных врачебных ошибок, их структура, позволяющая понять и рассмотреть объект исследования сквозь призму таких основных этических категорий, как долг, ответственность, совесть, вина и т. д. Исследование профессиональных врачебных ошибок, являясь одним из важнейших путей формирования профессионального врачебного мышления на основе интегрирования различных научных областей, позволит определить возможные пути их предупреждения.

Ключевые слова: врачебная ошибка, вред, долг, медицина, мораль, ответственность, право, совесть, этика.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE STUDY OF PROFESSIONAL MEDICAL ERRORS

Zh. V. Chashina, E. N. Chekushkina

The article uses the interdisciplinary approach to analyze the ethical-legal aspects of professional medical errors and their structure that allows studying the research object – "medical errors" in terms of basic ethical categories: duty, responsibility, conscience, guilt, etc. The study of professional medical errors is one of the most important ways for developing professional medical thinking on the basis of the integratinon of knowledges in different scientific fields. The study of professional medical errors will identify possible ways of their prevention.

Keywords: medical error, injury, debt, medicine, responsibility, law, conscience, ethics.

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена, на наш взгляд, рядом причин: во-первых, согласно статистике, в Российской Федерации от врачебных ошибок погибает до 80 тыс. чел. в год; во-вторых, врачебная ошибка есть посягательство на такую непреходящую ценность, как человеческая жизнь; втретьих, многозначность интерпретации термина «врачебная ошибка» (на данный момент насчитывается не менее 65 промежуточных определений этого понятия); в-четвертых, не существует четкой классификации врачебных ошибок, а также дифференциации таких понятий как «вред», «несчастный случай», «врачебная ошибка»; в-пятых, до сих пор не определена принадлежность понятия «врачебная ошибка»: к юриспруденции или к медицине.

Тема профессиональных ошибок в медицине и ответственность за них рассматривалась мыслителями, врачами, правителями древних государств еще до н. э. Одним из первых тему врачебных ошибок в отечественной литературе исследовал Н. И. Пирогов. Уделяя главное внимание моральной стороне данного вопроса, он отмечал, что «каждый добросовестный человек, особенно преподаватель, должен иметь своего рода внутреннюю потребность возможно скорее

© Чашина Ж. В., Чекушкина Е. Н., 2014

обнародовать свои ошибки, чтобы предостеречь от них других людей, менее сведущих» [6, с. 13–14].

К этой теме обращались также О. Е. Бобров, В. В. Вересаев, И. А. Кассирский и др. [1–2; 5]. Современный подход к проблеме профессиональных ошибок в медицине прослеживается в работе И. В. Давыдовского [3]. Исследователь считал, что ошибаются врачи всех специальностей и связывал это с повышением их квалификации. По мнению Давыдовского, врачам, чтобы спасти пациента, иногда при оказании медицинской помощи приходится отступать от общепринятых профессиональных требований, прибегая к инновациям.

Проблема врачебных ошибок имеет как правовой, так и этический статус. Если говорить о правовой стороне вопроса, то следует обратить внимание на то, что в юридической практике нет понятия «врачебная ошибка», вследствие чего наблюдается несовершенство нормативно-правовых документов по данному вопросу. Если относить это понятие к медицине, то допустившего врачебную ошибку нельзя привлечь к уголовной ответственности, т. е. в данном случае медицинское понятие ассоциируется с безнаказанностью. Если соотнести данное понятие с правом, то возникает другая крайность: строгость санкций сделает врачей нерешительными, приведет к снижению инновационной деятельности в медицине.

Исследование этической стороны данного вопроса обусловлено тем, что основным критерием врачебной ошибки является «добросовестное заблуждение», следовательно, в решении этой проблемы главную роль играет совесть – нравственная категория.

Этические нормы в связи с необходимостью признания медиками своих ошибок зафиксированы в ряде кодексов [11]. Значительное количество работ посвящено этическому анализу раскрытия ошибок, совершенных коллегами-медиками [13–14; 16]. Исследование этико-правовых аспектов профессиональных врачебных ошибок позволяет выявить различные виды, причины неблагоприятных исходов вследствие оказания медицинской помощи, а также механизмы ответственности.

Большинство исследователей, интерпретируя понятие «врачебная ошибка» с различных аспектов, склоняется к необходимости разработки единой концепции определения этого понятия и обоснования этико-правовой ответственности за их совершение.

Анализ исследований по данной проблеме свидетельствует о том, что каждый автор шел по определенному пути, в рамках которого устанавливался своеобразный механизм понимания врачебных ошибок. На современном этапе под этим термином понимается добросовестное заблуждение врача, при котором исключаются халатность, недобросовестность и злой умысел. Так, американский исследователь причин врачебных ошибок Р. Ригельман [7] выделил 2 основных типа ошибок, распространенных в медицинской практике: ошибки по неведению и недомыслию (ложные умозаключения). Первые означают, что врач не владел необходимой информацией, его ошибки обусловливались трудностями, связанными с достижением высокого профессионального уровня. Главный источник врачебных ошибок, по мнению Ригельмана, заключается не в недостатке знаний, а в неправильном их применении, что, в свою очередь, приводит к неверным умозаключениям. При раскрытии вопроса о врачебных ошибках Ригельман указал еще на один тип – плохой исход, который, по его мнению, зависит от уровня познания в области медицины, поскольку медицинское знание, с гносеологической точки зрения, является вероятностным.

Важным в вопросе врачебных ошибок является личное отношение врача к совершенным ошибкам, а именно: признание ошибок и своей небезупречности в целом. Ошибки по неведению и ошибки по недомыслию должны быть в медицинской практике сведены к нулю, так как они имеют субъективный характер и зависят только от конкретного человека.

По мнению А. Г. Фоменко, дефицит объективных сведений об угрозах безопасности связан с тем, что медицинские работники, совершая ошибки, очень редко сообщают о них коллегам и пациентам. Причины этого кроются в укоренившемся восприятии медицинских ошибок как закономерных проявлений невежества, халатности и непрофессионализма. Считается, что неблагоприятные события возникают по вине «слабых звеньев» — работников, в силу отрицательных личностных качеств совершающих ошибки [8].

Следует обратить внимание и на то, что при расследовании неблагоприятных исходов при оказания медицинской помощи юридический подход учитывает последствия от оказания медицинской помощи, психологический фактор (врачебная ошибка), профессиональные обстоятельства (атипичное проявление болезни), а также юридический фактор — обязан ли специалист-медик в каждом конкретном случае обладать квалификацией, а следовательно, владеть должными навыками и знаниями.

Раскрытие врачебных ошибок — сложный и психологически серьезный процесс, который начинается с признания и подтверждения врачом неудачи в достижении намеченной цели, в выборе методов лечения и диагностики. При выявлении врачебных ошибок медики часто описывают ситуацию в общих чертах, избегают конкретных оценок, употребляют предельно нейтральные формулировки и т. д.

А. Г. Фоменко, анализируя правовые аспекты врачебных ошибок, считает, что, с юридической точки зрения, необходимость сообщений об ошибках, возникающих при оказании медицинской помоши, обусловлена законодательными требованиями об информировании пациента о состоянии его здоровья, а также на согласие и отказ от медицинского вмешательства. Например, в Законе Российской Федерации «Основы здравоохранения об охране здоровья граждан» утверждены право пациента на информацию о состоянии здоровья (ст. 22), согласие и отказ на медицинское вмешательство (ст. 20) [4]. В зарубежном медицинском праве, указывает Фоменко, появилась тенденция принятия отдельных законодательных актов, направленных на раскрытие медицинских ошибок [9–10; 12; 15; 17].

Таким образом, понятие «врачебная ошибка» очень непросто интерпретировать. Сложность его понимания существует не только в медицинской и юридической практике, но и, в первую очередь, в научной сфере, обеспечивающей процесс обучения. Проблема врачебных ошибок является одной из тем таких курсов, как «Биоэтика» и «Основы здравоохранения», предназначенных специалистов-медиков. Следовательно, в зависимости от того, как рассматривается данная проблема, будет наиболее верное восприятие и понимание данного вопроса. На наш взгляд, наиболее продуктивным является междисциплинарный подход, который учитывает как правовое, так и этическое обоснование понятия «врачебная ошибка».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Бобров, О. Е.** Бесправие медицины: все начиналось с древних времен? / О. Е. Бобров // Укр. мед. вісн. -2008. -№ 9. C. 69–74.
- 2. **Вересаев, В. В.** Повести и рассказы. Записки врача / В. В. Вересаев. Кишинев, 1983. C. 302–462.
- Давыдовский, И. В. Врачебные ошибки / И. В. Давыдовский // Советская медицина. 1941. № 3. С. 3–10.

- 4. Основы здравоохранения об охране здоровья граждан: Закон РФ, 2011.
- 5. Кассирский, И. А. О врачевании: Проблемы и раздумья / И. А. Кассирский. М., 1970. 271 с.
- 6. **Пирогов, Н. И.** Собр. соч. : в 8 т. / Н. И. Пирогов. М. : Медгиз, 1959. Т. 2.
- 7. **Ригельман, Р.** Как избежать врачебных ошибок : Книга практикующих врачей / Р. Ригельман / Пер. с англ. Москва : Практика, 1994. 208 с.
- 8. **Фоменко, А. Г.** Медицинские ошибки: правовые, этические и организационно-методические аспекты проблемы / А. Г. Фоменко // Медицинские новости. 2011. № 10. С. 20–26.
 - 9. Act on Patient Safety in the Danish Health Care System. ACT. № 429 of 10.06.2003.
 - 10. Act 13, Sec. 302. Nevada Revised Statutes title 40, sec. 439.835, 2003.
 - 11. Canadian Medical Association. Code of ethics. Ottawa: The Association, 2004.
 - 12. Florida Revised Statutes title 29, sec. 395.1051, 2003.
 - 13. Grunwald H. W., Howard D. S., McCabe M.S. et al. // J. Oncol. Practice. 2003. V. 3. S. 158-160.
 - 14. Hebert P. C., Levin A. V., Robertson G. // CMAJ. 2001. V. 164. S. 509–513.
 - 15. Pennsylvania Medical Care Availability and Reduction of Error Act, 2002.
 - 16. Rosner F., Berger J. T., Kark P. et al. // Arch. Intern. Med. 2000. V. 160. S. 2089–2092.
- 17. The National Medical Error Disclosure and Compensation Act, Senate bill 1784, 109th Cong, 1st Sess, 2005.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторах:

Чашина Жанна Вячеславовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), chashina.j@yandex.ru

Чекушкина Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия), elenachekushkina@yandex.ru

Для ишиирования: Чашина, Ж. В. Междисциплинарный подход в вопросе изучения профессиональных врачебных ошибок / Ж. В. Чашина, Е. Н. Чекушкина // Вестник Мордовского университета. -2014. № 3. - С. 194–198.

REFERENCES

- 1. Beavers O. E. Bespraviye meditsiny: vsyo nachinalos s drevnikh vremen [Lawlessness medicine: it all began in ancient times?]. *Ukr. med. visn.* Ukrainian Medicine Bulletin, 2008, no. 9, pp. 69 74.
- 2. Veresayev V. V. Povesti i rasskazy. Zapiski vracha [Novels and short stories. Notes of a physician]. Chisinau Publ., 1983, pp. 302 462.
- 3. Davydovsky I. V. Vrachebnye oshibki [Medical errors]. *Sovetskaya meditsina* Soviet medicine. 1941, no. 3, pp. 3 10.
- 4. Osnovy zdravoohraneniya ob okhrane zdorovya grazhdan : Zakon RF [The Law of the Russian Federation «Fundamentals of Health on Health Care»], 2011.
- 5. Kassirsky I. A. O vrachevanii. Problemy i razdumya [The medical practice. Problems and thoughts]. Moscow, 1970, 271 p.
- 6. Pirogov N. I. Sobr. soch. : v 8 t. [Collected works in 8 volumes]. Moscow, Medgiz Publ., 1959, vol. 2, pp. 13 14.
- 7. Rigelman R. Kak izbezhat vrachebnykh oshibok. Kniga praktikuyushchikh vrachey [How to avoid the medical errors. Book of a practitioner]. Translated from English. Moscow, Practice Publ., 1994, 208 p.
- 8. Fomenko A. G. Meditsinskiye oshibki: pravovye, eticheskiye i organizatsionno-metodicheskiye aspekty problemy [Medical errors: legal, ethical and organizational and methodological aspects of the problem]. *Meditsinskiye novosti* Medical News, 2011, no. 10, pp. 20–26.
 - 9. Act on Patient Safety in the Danish Health Care System. ACT, no. 429 of 10.06.2003
 - 10. Act 13, Sec. 302. Nevada Revised Statutes title 40, sec. 439.835, 2003.
 - 11. Canadian Medical Association. Code of ethics. Ottawa, The Association, 2004.
 - 12. Florida Revised Statutes title 29, sec. 395.1051, 2003.

- 13. Grunwald H. W., Howard D. S., McCabe M.S. J. Oncol. Practice, 2003, vol. 3, pp. 158–160.
- 14. Hebert P. C., Levin A. V., Robertson G. CMAJ, 2001, vol. 164, pp. 509-513.
- 15. Pennsylvania Medical Care Availability and Reduction of Error Act, 2002.
- 16. Rosner F., Berger J. T., Kark P. et al. Arch. Intern. Med., 2000, vol. 160, pp. 2089–2092.
- 17. The National Medical Error Disclosure and Compensation Act, Senate bill 1784, 109th Cong, 1st Sess, 2005.

About the authors:

Chashina Zhanna Vjacheslavovna, associate professor of Philosophy chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Philosophical sciences, docent, chashina.j@yandex.ru

Chekushkina Elena Nikolaevna, Associate Professor of Philosophy chair of History and Sociology Institute of Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Philosophical sciences, elenachekushkina@yandex.ru

For citation: Chashina Zh. V., Chekushkina E. N. Mezhdisciplinarnyj podhod v voprose izuchenija professional'nyh vrachebnyh oshibok [Interdisciplinary approach to the study of professional medical errors]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 194 – 198.

НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ

В. Я. Цветков

В статье представлены результаты исследования неявного знания; выполнена систематизация его типов, отмечены причины появления; показано, что изучение неявного знания позволяет создавать механизмы его перевода в явное, а также способствует приращению последнего.

Ключевые слова: знание, познание, неявное знание, явное знание, механизмы познания.

TACIT KNOWLEDGE AND ITS VARIANTS

V. Ya. Tsvetkov

The article analyzes tacit knowledge. This article describes the different types of implicit knowledge, the reasons for the appearance of tacit knowledge, and the types of tacit knowledge and knowledge associated with tacit knowledge. An attempt to indicate different types of tacit knowledge has been made. The author shows that the study of tacit knowledge can create mechanisms for transferring tacit knowledge into explicit knowledge. The article also shows that the study of tacit knowledge provides the increase of explicit knowledge.

Keywords: knowledge, cognition, tacit knowledge, explicit knowledge, knowledge mechanisms

Исследование неявного знания в значительной степени относится к социологии науки, в частности, соотносится с реальным когнитивным содержанием знания и теми социальными условиями, наличие которых формирует неявное знание и делает возможным его применение.

Характерным для социологии научного знания является использование метода ситуационного анализа, который зародился в области искусственного интеллекта, использовался в менеджменте, а в настоящее время широко применяется в информационных технологиях. Это дает основание говорить о применимости информационного подхода в сфере социологии неявного знания в качестве инструмента исследования [8].

Изучение неявных форм знания и познания обусловлено информационной потребностью человека в максимальной степени использовать имеющиеся у него ресурсы, включая инфор-

мационные, интеллектуальные и ресурсы познания. Целью познавательной деятельности является приобретение явного знания, а неявное служит основой его получения.

«Неявное знание представляет собой разновидность знаний и в этом качестве содержит в себе характеристики, которые присущи всякому знанию. Оно сопряжено с деятельностью сознания и служит одним из результатов его активности, выступает как определенный компонент сознания, как показатель его способности взаимодействовать с окружающим миром» [2].

Знание разделяют, например, на фундаментальное, прикладное, вероятное, правдоподобное, достоверное, аналитическое, синтетическое, априорное, апостериорное и т. д.

В частности, «априорное» знание трактуется некоторыми исследователями как «предпосылочное» знание, кото-

© Цветков В. Я., 2014

рое обеспечивает развитие когнитивных процессов по получению производного, «апостериорного» (явного) знания. Таким образом, сущность предпосылочного знания определяется тем, что оно способствует развитию познания на основе накопления и использования опыта. Напомним, что в сфере информационных технологий такое свойство информационных моделей называют ресурсностью [6]. Отсюда вытекает целесообразность использования ресурсных информационных моделей для описания предпосылочного знания, которое реализуется в явной и неявной форме, что не позволяет отождествлять его только с неявным знанием.

Следует остановиться на явном знании для сопоставления его с неявным и, следовательно, лучшего определения последнего.

Явное знание структурировано и формализовано. Оно может быть выражено естественными языковыми средствами, может существовать в виде текстов, описываться аналитическими выражениями, передаваться средствами специального информационного языка. Оно характеризуется как эксплицитное, выраженное в понятиях и суждениях, обладающее объективным характером, и должно быть представлено в результатах научных исследований. Из этого вытекает критерий оценки этих результатов: работу следует считать выполненой только в том случае, если результаты НИР представлены в виде явного знания.

Явное знание логически организовано, формализовано естественным языком и может передаваться от одного субъекта к другому. Кроме этого оно объективизировано, что упрощает его использование. Подчеркнем различие между явными и неявными знаниями. Первые не связаны с субъектом, поэтому легко опознаются, передаются и усваиваются; вторые субъективизированы. Они либо не формализованы естественным языком, либо формализованы недостаточно. Неявные знания

проявляются по-разному, в зависимости от формы представления и способностей воспринимающего и передающего субъектов.

В связи с активизацией проблем искусственного интеллекта, в частности, экспертных систем, приведенные вариации знания были названы артикулируемыми и неартикулируемыми.

Артикулируемая часть знания видима и относительно легко поддается превращению в информацию, которая является удобным средством передачи знаний. Например, от преподавателя к ученику с помощью учебных текстов и графических изображений, заранее подготовленных и хранящихся на каком-либо носителе.

Неартикулируемая часть знания представляет собой тот неосязаемый личностный компонент знания, который принято называть опытом, интуицией и т. д. Эта часть знания включает в себя умения, навыки, интуитивные образы и другие формы личностного опыта, которые не могут быть переданы непосредственно от учителя к ученику. Они могут быть «добыты» только в ходе самостоятельной деятельности по решению практических задач. Эта часть знаний включает паралингвистические единицы [9].

Наряду с формализованным выделяются противоположные ему виды знания (периферийное, фоновое, глубинное, неартикулированное), которые существуют на уровне имплицитных состояний индивидуального сознания. Они могут трактоваться как неявное знание, однако при этом требуется дополнительное объяснение, связывающее его с каждым из перечисленных понятий.

Существуют термины, близкие термину неявное знание: скрытое знание (широко применяется в криптографии и стеганографии), имплицитное знание (введен для того, чтобы отличать от терминов подсознательное или бессознательное). Предпосылочное знание близко, но не эквивалентно неявному,

поскольку может включать и эксплицитную составляющую. Например, в математике часто применяется неявная форма в виде условий и постановки задачи, на основе которой получается эксплицитная форма — представление знания при корректном решении задачи.

Термин неявное знание впервые был сформулирован британским философом Майклом Полани в конце 50-х гг. ХХ в. Он предложил свою концепцию неявного знания и осуществил исследование некоторых его специфических характеристик. Ему удалось раскрыть и аргументировать не все факты, но в целом работа М. Полани [13], как правило, рассматривается в качестве исходного пункта для изучения этого феномена.

Концепции и понятия неявного знания популяризировал Nonaka [12]. Дальнейший шаг с рассмотрением вопроса о кодификации сделал и Коуэн и соавторы [14]. Концепция последних строится на различии между неартикулярным (неявным) знанием и полностью кодифицированным (формализованным) явным.

Обобшением ЭТИХ исследований можно считать работу Кимбла [11], однако с определенными оговорками. Как и Коуэн, в качестве основы явного и эксплицитного знания он выбрал кодификацию знания, согласную подходу К. Э. Шеннона. Однако с этим нельзя согласиться, поскольку упомянутый ученый не занимался знанием и не описывал его. Кодификация по К. Э. Шеннону – это формализация передаваемого сообщения в технических системах безотносительно к его смысловому содержанию. Таким образом, его теория изначально не предполагает рассмотрение знания и смысла. Кроме того, кодификация – частный случай формализации и не всегда описывает явное знание. Например, зашифрованное информационное сообщение или программа для компьютера в машинных кодах являются кодифицированными информационными объектами, однако для большинства людей представляют неявное знание. Будем считать явным знанием то, что может быть передано от одного человека к другому без дополнительной обработки для понимания.

Тем не менее в подходе, основанном на понятии кодификации, интерес представляют некоторые методические приемы формального анализа различных видов знания. Кимбл и Коуэн применяют понятие *топографии знания*, понимая под этим иерархическую структуру, связывающую явное и неявное знание в единую модель.

Отметим, что неявное знание имеет множество форм представления и причин образования, что дает основание рассматривать их как независимую совокупность его характеристик. Формирование неявного знания обусловлено различными факторами среды и субъекта.

М. Полани показал, что имеющиеся у специалистов знания не всегда формализуются или формализуются частично, вследствие чего существуют как неявные компоненты сознания специалиста. Такое знание можно охарактеризовать, как не оформленное логически или посредством естественного языка явление сознания (личностное, или внутреннее — по отношению к субъекту — неявное знание). Оно проявляется на уровне сознания отдельного индивида, но является невидимым для других и поэтому непередаваемым. Приведем пример паралингвистических методов и единиц [9].

Такое личностное знание воплощается в экспериментальных, диагностических способностях человека, мастерстве владения теоретическими методами и т. д. Оно сопутствует различной деятельности и часто определяет так называемый интеллектуальный капитал [5] отдельной личности или квалифицированного персонала.

Кроме личностного неявного существует внешнее неявное знание, связанное с фиксацией новых фактов и отсутствием теории (знания) для их объяснения. Неявное знание связано, прежде всего, с познавательной деятельностью человека. Для «неявности» характерна неопределенность, которая, в свою

очередь, оценивается через энтропию. Развитие этого подхода привело к понятию когнитив-энтропии как неопределенности познания [1]. Автор работы обозначает этим термином количественную оценку энтропии когнитивного информационного поля [Там же]. Когнитив-энтропия может характеризовать тип неявного знания, обусловленного несовершенством механизма познания (энтропийное неявное знание). Оно обусловлено множественностью вероятностных состояний результатов познания. При этом можно говорить об антропоэнтропии [7] как факторе неопределенности, обусловленном и вносимым человеческой деятельностью.

Существуют социологические и психологические представления о неявном знании. Т. Кун стал основоположником первого подхода. По мнению исследователя, неявное знание может изменяться в процессе изучения объекта благодаря обнаружению несоответствия личностного знания факторам внешней среды. В результате этого явное знание прирастает за счет объективизации части неявного знания. Этот процесс может коренным образом повлиять на мировоззренческую позицию личности, привести к изменению поведенческих установок, иерархии ценностей и т. д. Личностное явное и неявное знание может быть объективировано, воплощено в результатах познания культуры, языка, предметов труда.

Подобную точку зрения развивает американский социолог М. Малкей. В частности, он указывает на то, что научное явное знание должно удовлетворять определенным внеличностным критериям адекватности, быть независимым от субъективных факторов: предубежденности, эмоциональной включенности и узколичной заинтересованности. Однако эти критерии, по его мнению, не являются стабильными: они сродни скрытому личностному знанию, которое специалисты передают друг другу при непосредственном общении. Именно поэтому неявные знания могут высту-

пать как неявные критерии адекватности нового знания, формирующие определенный контекст для его интерпретации. Такие знания можно рассматривать как следствие невозможности их точной формализации (осознаваемые малоформализуемые неявные знания).

Кроме этого неявное знание рассматривалось с точки зрения аксиологии, которая установила его зависимость от мировоззренческих позиций индивида [3]. Следовательно, классифицируем эти знания как мировоззренческие неявные.

- Г. Г. Старикова предлагает классификацию неявных знаний по функциональному признаку [4]:
- 1. Неявные знания общего порядка. Они относятся ко всей жизни человека: практической деятельности, общению, познанию, физическим действиям. Это знания мировоззренческого характера, представления о мире и человеке, которые личность получает из окружающей культурной среды. Они попадают под данное выше определение мировоззренческих неявных знаний.
- 2. Неявные знания, функционирующие в сфере познания. К ним относятся знания, которые обеспечивают базу для познавательной деятельности, а также «специализированные», связанные с отдельными отраслями науки. Это знания о приемах, методах научно-исследовательской деятельности, которые включают в себя как общепринятые и общеизвестные знания, так и полученные личностью в результате собственного познавательного опыта. Кроме этого в их число входят «инструментальные» знания о средствах, используемых в познавательном процессе (умственные навыки и умения). Эти знания называются личностными неявными.

Одним из методов выявления неявного знания считается коррелятивный анализ [15]. Он изначально предполагает наличие неявных связей или отношений и оценивает их качественно и количественно. При таком анализе модель исследуется на предмет нахождения

новых параметров. Этот вид неявного знания можно назвать коррелятивным.

Еще одним фактором неявного знания в последнее время становится сложность информационных массивов. Человеческое восприятие характеризуется обозримостью, воспринимаемостью [16], в то время как сложные модели (по объему, структуре, связям и т. д.) не являются воспринимаемыми или обозримыми, хотя и содержат знание — неявное. Оно объективизируется после применения различных методов анализа и обработки (как правило редукции) Такой вид неявного знания является сложностным.

Таким образом, в настоящее время существуют различные типы неявного знания, обусловленные, в первую факторами очередь, личностными субъекта, за которыми скрываются социальные [10]. Изучение такого знания позволяет создавать низмы его перевода в явную форму; развивает объективный механизм научного познания; приводит к изучению обусловливающих его появление социальных факторов, а также механизмов человеческого мышления и психофизических особенностей познания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Болбаков, Р. Г.** Открытые образовательные макромедиа системы и когнитив-энтропия : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Р. Г. Болбаков // Развивающие информационные технологии в образовании : использование учебных материалов нового поколения в образовательном процессе. Томск, 2010. С. 285–288.
- 2. **Борисенков, А. А.** Феномен неявного знания / А. А. Борисенков // Философия и культура. 2011. № 5 (41). С. 59–66.
- 3. **Малкей, М.** Наука и социология знания / М. Малкей ; пер. с англ. А. Л. Великовича. Москва : Прогресс, 1983. 253 с.
- 4. **Старикова, Г.** Природа и гносеологические функции личностного неявного знания : дис. на соиск. учен. степ. канд. наук / Г. Старикова. Харьков, 2001.
- 5. **Цветков, В. Я.** Интеллектуальный капитал как объект инноваций / В. Я. Цветков // Успехи современного естествознания. -2004. -№ 5. C. 327–328.
- 6. **Цветков, В. Я.** Информационные модели и информационные ресурсы / В. Я. Цветков // Геодезия и аэрофотосъемка. 2005. № 3. С. 85–91.
- 7. **Цветков, В. Я.** Управление и антропоэнтропия / В. Я. Цветков, А. И. Воинов // Современные наукоемкие технологии. -2008. № 5. С. 39-41.
- 8. **Цветков, В. Я.** Информационное моделирование при социологических исследованиях / В. Я. Цветков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 4. С. 87—90.
- 9. **Цветков, В. Я.** Паралингвистические информационные единицы в образовании / В. Я. Цветков // Перспективы науки и образования. -2013. -№ 4. -C. 30–38.
- 10. **Цветков, В. Я.** Социальные аспекты информатизации образования / В. Я. Цветков // Международный журнал экспериментального образования. -2013. -№ 4. -C. 108–111.
- 11. **Kimble, C.** Knowledge management, codification and tacit knowledge *Information Research* / C. Kimble. 2013. № 18 (2). P. 577.
- 12. **Nonaka, I. A.** dynamic theory of organizational knowledge creation / I. A. Nonaka // Organization Science. −1994. − № 5 (1). − P. 14–37.
 - 13. **Polanyi, M.** The tacit dimension / M. Polanyi. London: Routledge and Kegan Paul. 1966.
- 14. **Cowan, R.** The explicit economics of knowledge codification and tacitness / R. Cowan, P. A. David, D. Foray // Industrial and Corporate Change. − 2000. − № 9 (2). − P. 211–253.
- 15. **Tsvetkov, V. Ya.** Framework of Correlative Analysis / V. Ya. Tsvetkov // European Researcher. 2012. Vol. 23. № 6–1, P. 839–844.

16. **Tsvetkov, V. Ya.** Spatial Information Models / V. Ya. Tsvetkov // European Researcher. – 2013. Vol. 60. № 10–1, P. 2386–2392.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Цветков Виктор Яковлевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры информатики и информационных систем факультета информационных технологий Московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики (г. Москва, Россия), dean@fit.mirea.ru

Для цитирования: Цветков, В. Я. Неявное знание и его разновидности / В. Я. Цветков // Вестник Мордовского университета. -2014. -№ 3. - С. 199–205.

REFERENCES

- 1. Bolbakov R. G. Otkrytye obrazovatelnye makromedia sistemy i kognitiv-entropiya [Macromedia open educational systems and cognitive entropy]. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Razvivayushchiye informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: ispolzovaniye uchebnykh materialov novogo pokoleniya v obrazovatelnom protsesse: («ITO-Tomsk-2010») Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Developing information technology in education: educational materials of new generation in the educational process: ("ITO-Tomsk-2010"). Tomsk, 2010, pp. 285 288.
- 2. Borisenkov A. A. Fenomen neyavnogo znaniya [Phenomenon of tacit knowledge]. *Filosofiya i kultura* Philosophy and Culture. 2011, no. 5 (41), pp. 59 66.
- 3. Malkay M. Nauka i sociologiya znaniya [Science and the sociology of knowledge] (Translated from English by A. L. Velikovich). Moscow, Progress Publ., 1983, 253 p.
- 4. Starikova G., Priroda i gnoseologicheskiye funktsii lichnostnogo neyavnogo znaniya. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata kand. filos. nauk [Nature and epistemological functions of personal tacit knowledge. Diss. of cand. Philos. sci.]. Kharkov, 2001.
- 5. Tsvetkov V. Y. Intellektualny kapital kak obyekt innovatsy [Intellectual capital as an object of innovation]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* Advances in current natural sciences. 2004, no. 5, appl. no. 1, pp. 327 328.
- 6. Tsvetkov V. Y. Informatsionnye modeli i informatsionnye resursy [Information models and information resources]. *Geodeziya i aerofotosyomka* Geodesy and aerial photography. 2005, no. 3, pp. 85 91.
- 7. Tsvetkov V. Y., Warriors A. I. Upravleniye i antropoentropiya [Management and antropoentropy]. *Sovremennye naukovomkie tekhnologii* Modern high technologies. 2008, no. 5, pp. 39 41.
- 8. Tsvetkov V. Y. Informatsionnoy modelirovaniye pri sotsiologicheskikh issledovaniyah [Information Modeling in sociological research]. *Mezhdunarodny zhurnal prikladnykh i fundamentalny issledovany* International Journal of applied and fundamental researches. 2013, no. 4, pp. 87 90.
- 9. Tsvetkov V. Y. Paralingvisticheskiye informatsionnye edinitsy v obrazovanii [Paralinguistic information items in education]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* Science and Education Prospects. 2013, no. 4, pp. 30 38.
- 10. Tsvetkov V. Y. Sotsialnye aspekty informatizatsii obrazovaniya [Social aspects of education informatization]. *Mezhdunarodny zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* International journal of experiential education. 2013, no. 4, pp. 108 111.
- 11. Kimble C. Knowledge management, codification and tacit knowledge. *Information Research*, 2013, no. 18, vol. 2, p. 577.
- 12. Nonaka I. A dynamic theory of organizational knowledge creation. *Organization Science*, 1994, no. 5, vol. 1, pp. 14 37.
 - 13. Polanyi M. The tacit dimension. London, Routledge and Kegan Paul Publ., 1966.
- 14. Cowan R., David P. A., Foray D.. The explicit economics of knowledge codification and tacitness. *Industrial and Corporate Change.* 2000, no. 9, vol. 2, pp. 211 253.
- 15. Tsvetkov V. Ya. Framework of Correlative Analysis. *European Researcher.* 2012, no. 6, vol. 23, pp. 839 844.

16. Tsvetkov V. Ya. Spatial Information Models. *European Researcher*. 2013, no. 10, vol. 60, pp. 2386 – 2392.

About the author:

Tsvetkov Viktor Yakovlevich, professor of Informatics and Informational Systems chair of Informational Technologies Department, Moscow State Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation (Moscow, Russia), Doktor Nauk degree holder in Technical sciences, Doktor Nauk degree holder in Economical sciences, dean@fit.mirea.ru

For citation: Tsvetkov V. Ya. Nejavnoe znanie i ego raznovidnosti [Tacit knowledge and its variants]. Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 199 – 205.

Редакция журнала «Вестник Мордовского университета» объявляет о наборе научных статей

К публикации принимаются статьи, хроника, рецензии, обзоры кандидатов и докторов наук, преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов (в соавторстве).

Материалы, выполненные в текстовом редакторе MS Word, представляются в редакцию

в распечатанном и электронном вариантах.

Поля: левое – 3 см, верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см.

Гарнитура – Times New Roman, кегль всей работы, кроме аннотации и ключевых слов, – 14, межстрочный интервал – 1,5. Автоматические переносы не допускаются.

Объем статей – 8–10 страниц.

Для хроник, рецензий, обзоров – до 6 страниц.

Порядок изложения материала, кроме хроники, рецензий и обзоров:

1. УДК (проставляется в левом верхнем углу первой страницы).

- 2. Название на русском языке (выравнивание по центру страницы, полужирным, прописными).
- 3. Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке (выравнивание по центру, полужирным).
 - 4. Аннотация на русском языке (100-250 слов, выравнивание по ширине страницы,

кегль 12).

- 5. Ключевые слова на русском языке (более 5, выравнивание по ширине страницы, кегль 12).
- 6. Название на английском языке (выравнивание по центру страницы, полужирным, прописными).
- 7. Инициалы и фамилия автора (авторов) на английском языке (выравнивание по центру страницы, полужирным).

8. Аннотация на английском языке (100-250 слов, выравнивание по ширине страницы,

кегль 12).

- 9. Ключевые слова на английском языке (более 5, выравнивание по ширине страницы, кегль 12).
 - 10. Основной текст.

11. Список использованных источников (на русском и английском языках).

Ссылки на литературу приводятся в квадратных скобках (например, [1, с. 222]). Список использованных источников сортируется по алфавиту и оформляется согласно требованиям ГОСТа 7.0.9 – 2009. Сначала указываются источники на русском языке, затем – на иностранных языках. Фамилии и инициалы авторов в библиографическом списке, а также названия источников должны быть верными, описания источников – как можно более полными.

Рисунки должны быть черно-белыми, в отдельных файлах, пронумерованы, с верными подписями, хорошего качества (не менее 600 на 600 пикселей). В формате JPEG рисунки не

принимаются. Таблицы также нумеруются и подписываются.

Обязательна авторская справка (на русском и английском языках). В ней необходимо указать: фамилию, имя, отчество (полностью); должность; контактный телефон; адрес электронной почты.

Статьи, не отвечающие вышеуказанным требованиям, к публикации не принимаются. Редакция сохраняет за собой право отказать в публикации статьи с объяснением причин

отказа. Плагиат недопустим.

Электронные версии статей будут размещены на сайте Научной электронной библиотеки. Журнал распространяется по подписке (подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 70539), заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц, а также путем рассылки номеров наложенным платежом.

Адрес редакции: 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68. **E-mail:** vestnik_mrsu@mail.ru

Вдовин Сергей Михайлович - главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

"Mordovia University Bulletin" announces receipt of scholarly articles

The journal accepts scholarly articles and debatable academic materials not published before from holders of the following degrees: Kandidat Nauk (PhD), Doktor Nauk, lecturer, postgraduate student and senior student (co-authored).

Materials, comprised in MS Word text processor, are submitted to the journal as printed and electronic copies. Recommended volume of an article is 8-10 pages; of a review, report, survey – up to 6 pages.

Material exposition order (excepting reviews, reports, surveys):

- 1. Universal Decimal Classification (in the left higher corner of a page).
- 2. Title in Russian (with uppercase bold letters and center alignment).
- 3. Surname and initial letters of name of author (names of authors) in Russian (bold with center alignment).
 - 4. Abstract in Russian (100 250 words, center alignment, 12 font size).
 - 5. Key words in Russian (center alignment, 12 font size).
 - 6. Title in English (with uppercase bold letters and center alignment).
- 7. Surname and initial letters of name of author (names of authors) in English (bold with center alignment).
 - 8. Abstract in English (100 250 words, center alignment, 12 font size).
 - 9. Key words in English (center alignment, 12 font size).
 - 10. Body of text (in Russian).
 - 11. References lists in Russian and English.

References are submitted in square brackets (for example, [1, p. 222]). References list is sorted alphabetically and issued according to GOST 7.0.9 – 2009 requirements. Russian references are listed before non-Russian references. Surnames and names of authors, sources information should be as detailed and correct as possible.

Pictures should be monochromatic, in separate files, numbered, of a good quality (upwards to 600x600 pixels). Pictures should be not in JPEG format. Tables are also numbered and signed.

Information about author is obligatory (in Russian and English). It must contain: name, surname, patronymic, appointment, telephone number, email address.

Articles which do not meet these requirements are not accepted for publication. The journal reserves the right to refuse in publication of an article with giving a reason of refusal. Plagiarism is inadmissible.

Electronic copies of the journal with full text of the articles in PDF are in free access at the website of the "Bulletin" and in Academic Electronic Library.

Address of editorial office: 68 Bolshevistskaya Str., 430005 Saransk, Republic of Mordovia, Russia.

Email: vestnik_mrsu@mail.ru

Vdovin Sergey Mikhailovich – editor in chief, tel: +7 (8342) 24-48-88.

Polutin Sergey Viktorovich – deputy editor in chief, tel.: +7 (8342) 32-81-57.

Gordina Svetlana Viktorovna – executive editor, tel.: +7 (8342) 48-14-24.

Приглашаем посетить сайт нашего журнала http://vestnik.mrsu.ru/

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. П. ОГАРЁВА

Сегодня:

ISSN 2313-0636 (Online), ISSN 0236-2910 (Print)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54869 Основан в 1990 году от 26 июля 2013 г. 7 E

Поиск

Вы здесь: Ноте

- Главная
- Редакционная коллегия
- Редакционная политика Экспертный совет

ЧИТАТЕЛЯМ

 Статьи Apxив

ABTOPAM

- Правила подачи статей Требования к статьям
- Рекомендации по оформлению
- Рецензирование
- Лицензионный договор

ПОДПИСКА

- Редакция
- Роспечать

Вестник Мордовского университета.

Основан в 1990 году.

Научный журнал.

Журнал создан в соответствии с решением Госкомиздата РСФСР от 28.09.89 № 05-1832-Мордовского университета» имеет мультидисциплинарную направленность и публикует материалы, способствующие развитию российской науки и внедрению ее достижений в 1516/83 об издании «Вестника Мордовского университета». Научный журнал «Вестник учебный процесс по подготовке высококвалифицированных кадров на территории Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68)

высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение им. Н.П. Огарёва» (430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68)

Адрес редакции:

430005, г. Саранск, ул. Большевистская, 68. ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва» Редакция журнала "Вестник Мордовского университета".

Гелефоны:

+7 (8342) 24-48-88 - Вдовин Сергей Михайлович - главный редактор, ректор ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва», к. э. н.

документы

рецензируемых научных "Перечень российских